

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 2 • 2011 • АПРЕЛЬ—ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

История перевода и переводческих учений

Костикова О.И. История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе. 3

Методология перевода

Груздев Д.Ю. Электронный корпус текстов как инструмент переводчика 23

Пионтек Б. Соблюдение языковой традиции при переводе идеологем — названий польского государства 36

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

Бердникова Д.В. Особенности прозаического перевода шотландской народной баллады «Томас Рифмоплёт» 46

Вотякова И.А., Керо Х.-Э.-Ф. Сопоставительный анализ прилагательных, выражающих эстетическую оценку в русском языке, и их перевод на испанский 59

Нестерова Н.М., Наугольных Е.А. О «Загадочных» окказионализмах Дж. Джойса и способах их перевода 74

Петрина В.С. Сопоставительное изучение русского и французского фразеосемантического поля «Спорт» 84

Шершуква О.А. Типология значений части у вещественных имен в португальском и русском языках 92

Вопросы терминологии

Павлова Е.К. Многоязычный тезаурус как инструмент исследования концептов национального политического сознания и гармонизации перевода политической лексики 105

Contents

Translation History

- Kostikova, O.I.* The History of Translation: Subject Matter, Methodology,
Place in Translation Studies 3

Translation Methodology

- Gruzdev, Dmitry Y.* Corpora as Interpreters' Tools 23
Piątek, B. Language Traditions' Keeping up in Translation of Ideological
Ideographs — Names of Polish State 36

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Berdnikova, D.V.* The Peculiarities of Prosaic Translation of Scottish Folk
Ballad "Thomas the Rhymer" 46
Votyakova, I.A., Quero Gervilla, E.-F. A Comparative Analysis of Adjectives
Expressing Aesthetic Evaluation in Russian and Their Translation
into Spanish 59
Nesterova, N.M., Naugolnykh, Y.A. On "Mysterious" Nonce Words of
James Joyce and Methods of Their Translation. 74
Petrina, V.S. A Comparative Analysis of the Phraseological-Semantic
Field "Sport" in the Russian and French Languages. 84
Shershukova, O.A. The Typology of Meanings of Mass Nouns' Parts in
the Portuguese and Russian Languages 92

Terminology Issues

- Pavlova, Y.K.* Multilingual Thesaurus as an Instrument for Studying of
Concepts of National Political Mentality and for Harmonization of
Political Lexicon Translation. 105

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

О.И. Костикова,

заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: garok@list.ru

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА: ПРЕДМЕТ, МЕТОДОЛОГИЯ, МЕСТО В НАУКЕ О ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена рассмотрению истории перевода как самостоятельного направления современной науки о переводе. В статье освещаются различные подходы к трактовке отдельных фактов истории переводческой деятельности. Особое место уделяется периодизации истории перевода. Автор статьи предлагает построить периодизацию истории переводческой деятельности на основе научно-технических открытий, изменивших характер информационно-коммуникационной деятельности в истории человеческой цивилизации.

Ключевые слова: история переводческой деятельности, периодизация, переводческая критика, философия перевода.

Olga I. Kostikova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Deputy Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok@list.ru

The History of Translation: Subject Matter, Methodology, Place in Translation Studies

The article considers the history of translation as an independent area of contemporary translation studies. It covers various approaches to the interpretation of certain facts in the history of translation. Special attention is given to the periodization of translation history. The periodization proposed by the author is based on scientific and technical inventions that changed the characteristics of communication and information transfer in the history of human civilization.

Key words: history of translation, periodization, translation criticism, philosophy of translation.

Каждый вид человеческой деятельности, каждая отрасль научного знания или искусства стремится написать свою историю. История медицины, история горного дела, история книгопечатания, история военного искусства, история театра, история религии, история философии и т.д. — это лишь некоторые примеры построения исторического направления в теоретических описаниях того или иного общественного феномена.

История перевода свидетельствует, что перевод — один из самых древних и постоянно востребованных во все века видов интеллек-

туальной деятельности, тем не менее не получил однозначной оценки общества.

На протяжении многих веков человеческое общество, регулярно потребляя плоды переводческой деятельности во всех сферах общественной жизни — в политике и дипломатии, в науке и религии, в искусстве и военном деле, — не уставало упрекать переводчиков в неточности, неверности и даже предательстве. «Traduttore traditore» — «предатель перелagатель» — пожалуй, наиболее часто повторяемый афоризм, определяющий отношение общества к труду переводчика. Можно долго удивляться, почему после стольких переводческих успехов, после стольких созданных шедевров перевода, после разрешения переводчиками стольких, казалось бы, неразрешимых задач по преодолению межъязыковых и межкультурных конфликтов, возникающих в переводе на каждом шагу, «предатель перелagатель» по-прежнему имеет статус весьма распространённого суждения о переводе.

Но не следует забывать, что наряду с этим суждением о переводе существует и иное, выраженное в афоризме «переводчики — почтовые лошади просвещения». В самом деле, вряд ли возможно сомневаться в великой цивилизаторской миссии перевода. Ведь переводческая деятельность способствовала распространению религии, совершенствованию словесности, передаче научных знаний одним народом другому, она повлияла на развитие государственности в условиях двуязычия и на многие другие чрезвычайно важные аспекты человеческой цивилизации.

Противоречие, возникающее при сопоставлении итальянской поговорки и афоризма, высказанного французским дипломатом и писателем Жозефом Де Местром и сформулированного на русском языке А.С. Пушкиным, можно объяснить противоречием общего и частного.

Общее и частное предстают как стороны, некие субкатегории, составляющие философскую категорию **качества** [Балашов, 2004, с. 149].

Категория *качества* была сформулирована одним из первых Аристотелем в IV в. до н.э. Аристотель понимал категорию качества как видовое отличие сущности, т.е. внутреннего содержания предмета, либо как характеристику состояний сущности, а также как свойство вещи. К рассмотрению категории качества обращались также Т. Гоббс, Р. Декарт, Дж. Локк, И. Кант, Л. Фейербах, Г. Гегель, Ф. Энгельс и др.

Благодаря именно этой категории перевод можно отличить от иных видов речевой деятельности, межъязыковой коммуникации, а также межличностного и международного и межкультурного посредничества. В то же время эта категория позволяет увидеть пере-

вод во всём многообразии его проявлений и свойств независимо от условий реализации, пространственной и исторической специфики.

Именно поэтому различие внутри категории качества субкатегорий общего и частного представляется весьма важным.

Конкретные ошибки переводчиков во все времена подвергались жёсткой критике, удачные переводческие решения вызывали восхищение. Но переводческие ошибки и удачи в историческом освещении предстают как **частные** случаи. С течением времени о них забывают, и в общественном сознании сохраняется лишь **общее** представление о переводе и его социальной значимости.

Переводческая деятельность **в общем** действительно представляется как одна из важнейших общественных функций, обеспечивающих жизнедеятельность многоязычного и поликультурного человеческого общества. Коммуникация как одно из важнейших средств существования общества без перевода часто оказывается весьма затруднённой или даже невозможной.

В этой связи итальянская поговорка представляет интерес не столько как характеристика переводческой деятельности **в общем**, сколько как отражение прочно укоренившегося критического отношения к каждому **частному** акту перевода, как напоминание о неизбежности комментариев и критических замечаний, разборов и рассуждений, которые он неизбежно влечет за собой.

Это противоречие общего и частного во взгляде на переводческую деятельность особенно отчётливо проявляется при обращении к истории перевода. Мировая история хранит имена великих людей, оказавших весьма существенное воздействие на развитие человеческой цивилизации. Римский оратор Цицерон, богослов и библиист Иероним Стридонский, немецкий гуманист Мартин Лютер, французский типограф Этьен Доле и многие другие оставили неизгладимый след в истории перевода. Что показывает эта история? То же противопоставление общего частному.

Цицерон, внёсший огромный вклад в развитие мирового ораторского искусства, в предисловии к собственному переводу с греческого языка речей Эсхина и Демосфена оправдывался перед современниками за свой ораторский подход в частном случае перевода частного, конкретного произведения.

Иероним, оказавший неоценимую услугу католической церкви переводом Библии на латинский язык, канонизированным более чем через тысячу лет после его создания, в своём трактате, известном как «Письмо Паммахию», оправдывается перед современниками, обвинявшими его в переводческих ошибках, неточностях и искажениях в одном частном, конкретном акте перевода.

Лютер, сыгравший огромную роль в становлении современного немецкого языка, объясняет и оправдывает свои конкретные переводческие решения в частных случаях перевода библейских текстов.

Доле, впервые попытавшийся вывести правила хорошего перевода на основании законов ораторского искусства, был сожжён на костре инквизиции за конкретную, частную, переводческую вольность.

Французский писатель XVII в. Жак Амио, которого современные французы называют «французским Лютером», отдавая дань почтения его выдающейся роли в развитии французской словесности, подвергался в XVII в. резкой критике Французской академии за добавления, опущения и неточности в конкретном акте перевода — в переводе «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха.

Таким образом, исторический взгляд на результаты переводческой деятельности всегда представляется более обобщённым, лишённым деталей, частное и специфическое, присущее конкретному акту перевода, растворяется в общем.

История перевода лишь формально обращена к прошлому. На самом деле она восстанавливает диалектическое единство между конкретным историческим фактом прошлого и его обобщённой критической оценкой с позиций сегодняшнего дня и опирается на весь исторический опыт. История всегда критична при всем её стремлении к объективности и непредвзятости. Знание результата неизбежно вызывает стремление оценить процесс, приведший к этому результату.

Способна ли история перевода, показав ошибки предшественников, их сомнения и искания, быть полезной для дальнейшей успешной переводческой деятельности?

Ответ на этот вопрос может быть только положительным. Вспомним, что древние называли историю “*magistra vitae*” (наставница жизни). Однако не следует рассматривать историю перевода как некий виртуальный «сундук древностей», порывшись в котором, можно найти решения для конкретных переводческих задач, подобно тому, как современные модельеры, изучив исторические рисунки и фотографии, черпают в них «новаторские» решения.

История перевода не призвана давать переводчику-практику конкретные решения сложных переводческих задач, но она учит его мыслить и принимать решения в конкретном историческом контексте. Именно в этом главная методологическая сущность истории перевода как научной и образовательной дисциплины.

Каким видится конкретное приложение знаний по истории перевода на практике? Для того чтобы освоить все тонкости непростого переводческого ремесла, стать настоящим искусным мастером (игра ремесло — искусство), необходимо познакомиться с тем, что

делали предшественники на протяжении не менее двух тысячелетий, т.е. периода, о котором в истории перевода сохранились хоть какие-то свидетельства, опыт предшественников позволяет увидеть неразрывную связь переводческой деятельности со всей жизнью общества, место и роль перевода в развитии цивилизации.

Постижение этого опыта, овладение им предохраняет от повторения ложных шагов, которые иногда совершали даже выдающиеся мастера своего дела в поисках решений труднейших проблем перевыражения смыслов, заключенных в знаках другого языка, отражающих иное видение мира, иной опыт познания, иной ход суждений. Исторический опыт даёт также возможность убедиться в том, что в переводе, в подходах к оценке качества перевода, верности и точности существуют цикличность и модные веяния (тенденции); что одни и те же решения в разные эпохи оцениваются противоположно, что переводческая практика всецело зависит от состояния словесности народа, на язык которого осуществляется перевод, от того, какое место занимает культура народа среди прочих культур, от представлений общества о красивом и правильном. Наконец, изучение опыта переводчиков прошлого показывает, что многие из современных проблем теории перевода поднимались неоднократно на протяжении всей истории этой деятельности, так и не получив окончательного разрешения.

В последние годы отмечается возрастание интереса исследователей к истории перевода: по этой тематике появляется значительное количество трудов, проводятся научные конференции, запускаются крупномасштабные коллективные проекты. Особенно важно отметить, что ученые всё чаще заявляют о необходимости построения **особой отрасли науки о переводе** со своими категориями и моделями.

Исследования по истории перевода родились не на пустом месте. На протяжении всей истории переводчики часто делились рассуждениями о своем творчестве и иногда бросали взгляд на историю своей профессии.

В 1661 г. французский переводчик Пьер-Даниэль де Юэ в труде «О наилучшем способе перевода» обращается к античным переводчикам-ораторам — Цицерону и Квинтилиану, переводчику раннего Средневековья — блж Иерониму, и более позднего периода — Эразму Роттердамскому. Он сопоставляет их методы с современными ему традициями перевода, пытаясь разъяснить, как надо переводить и насколько методы мэтров прошлого применимы к современным ему условиям. Самюэль Джонсон в журнале «Айдлер» [The Idler and The Adventurer, 1759] публикует очерк по истории перевода от Античной Греции до XVII в. в Англии, всячески демонстрируя положительные стороны небуквального перевода.

Отдельные переводческие эссе нередки в истории переводческой мысли, однако историю перевода еще предстоит написать. Что должно отличать современные исторические исследования от работ предыдущих столетий? — Прежде всего — это более систематизированный и структурированный анализ исторических фактов, основанный на их сопоставлении как во времени, так и в пространстве, что позволит сделать более объективными выводы как о конкретных переводческих решениях, так и об исторической роли переводческой деятельности для человеческой цивилизации в целом.

История переводческой деятельности как специальное направление науки о переводе начала формироваться практически одновременно с теоретической и дидактической составляющими этой науки.

В первой отечественной работе по теории перевода, написанной А.В.Фёдоровым и изданной в 1953 г. — «Введение в теорию перевода», — целая глава посвящена вопросам истории перевода и переводческой мысли [Фёдоров].

С выделением теории перевода в отдельную науку работы о переводе постепенно начали включать историческую часть как всеобъемлющее рассмотрение объекта теории перевода. В работах Э. Кари [Edmond Cary, 1956] и Т. Сейвори [Theodore Savory, 1957] принципы перевода изложены вместе с отдельными фактами о переводческом опыте и переводчиках прошлого, а у английского ученого Дж. Стенера история и философия рассматриваются как единое целое [Georges Steiner, 1975].

Вслед за этими первыми работами появилось большое количество публикаций, монографий, коллективных исследований, каждое из которых старалось очертить границы истории в разных направлениях и посмотреть на события прошлого сквозь различные призмы. Несмотря на то, что эти границы так и остались размытыми, а категории зачастую смежными, в дальнейшем обзоре будет сделана попытка рассмотреть существующие исследования по истории перевода в методологической перспективе.

В дальнейшем к вопросам истории перевода исследователи обращались неоднократно. В 1960 г. вышла в свет антология изречений русских писателей о переводе, построенная в исторической перспективе¹. В 1962 г. Ю. Левин писал о необходимости создания обобщающей истории переводческой мысли в России. «Для написания работ по истории перевода, — отмечал исследователь, — требуется исторический подход к исследуемым явлениям, т.е. осмысление этих явлений в исторической перспективе (с точки

¹ Русские писатели о переводе. М., 1960.

зрения сложившихся на тот момент культурно-исторических факторов обуславливающих возникновение тех или иных взглядов на перевод). В противном случае все переводчики могут оказаться на одно лицо и может сложиться впечатление, что никакого развития переводческой мысли не было»². В 1964 г. В. Россельс ставит вопрос о необходимости разработки истории художественного перевода в СССР³. В начале 1970-х гг. П.И. Копанев в книге «Вопросы истории и теории художественного перевода» описывает в исторической перспективе западно-европейскую, в основном германскую, переводческую традицию⁴.

В Канаде первый курс истории перевода был создан Полем Оргеленом в Монреальском университете в начале 70-х гг., а уже в середине 70-х Жан Делиль и Льюис Келли начинают читать лекции по истории перевода в Школе перевода университета Оттавы.

Французский писатель и исследователь перевода Антуан Берман в работе «Испытание иного» назвал построение истории перевода одной из самых насущных задач современной науки о переводе. Американский исследователь Д'Хюлст заявлял, что «настало время дать истории перевода надлежащее место».

В разных странах появляются серьёзные работы по истории перевода. Можно назвать имена некоторых известных специалистов, внесших большой вклад в развитие этой науки: Ван Офф в Бельгии, Балляр во Франции, Делиль в Канаде, Стейнер в Великобритании, Штериг в Германии. Их работы свидетельствует о том, что проблемами истории перевода интересуются повсеместно.

Развитие теоретической отрасли науки о переводе сделало возможными и актуальными широкомасштабные исследования в области истории перевода. Лингвистическая теория перевода отошла на второй план, перевод рассматривается в культурном, историческом и социальном контексте, а наука о переводе становится междисциплинарной.

Новые возможности глобальной коммуникации и новейшие информационные технологии выводят историю перевода как научную дисциплину в рамках науки о переводе на новый уровень, так как безгранично расширяют возможности поиска и сопоставления исторически значимой информации, необходимой для построения стройной концепции эволюции переводческой деятельности в истории человеческой цивилизации.

² См.: Левин Ю. Об историзме в подходе к истории перевода // Мастерство перевода. 1962.

³ См.: Россельс Вл. Нужна история художественного перевода в СССР // Мастерство перевода. 1964.

⁴ Копанев П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972.

Для дальнейшего развития истории перевода требуется серьёзное методологическое основание. В последнее время все больше и больше учёные задумываются над тем, как писать историю перевода. Один из главных вопросов — объект исторического исследования, т.е. что изучает история перевода? (Объект и предмет истории перевода.) Что в истории перевода понимается под переводом? Устные и письменные формы, смежные виды деятельности, такие как составление глоссариев и терминологических справочников? Адаптация? Подражание? Будет ли история перевода интересоваться творчеством Чосера, которое находилось на стыке личного авторства, перевода и адаптации?

Одним из важнейших вопросов методологии исторических разысканий в науке о переводе является вопрос о необходимости разграничения истории переводческой практики и истории теоретических и критических взглядов на переводческую деятельность. Если первое направление могло бы показать нам, как изменялся (или, напротив, не изменялся) перевод на протяжении всей истории его существования, то второе направление в большей степени нацелено на общественную оценку перевода в тот или иной исторический период.

История переводческой практики будет стремиться ответить на вопросы: что переводилось, кем, при каких обстоятельствах и в каком социальном и политическом контексте? История теории или суждений о переводе будет исследовать, что переводчики говорили о своём искусстве/ремесле/научном труде, как оценивались переводы в разные периоды истории, какие рекомендации советы давались переводчикам и как обучали переводу и как эти суждения соотносятся с суждениями в других областях в тот или иной период? Кроме того, и с точки зрения теории, и с точки зрения практики перевода, следует понять, как определялась достоверность и значимость переводных текстов? И, наконец, каковы отношения между переводческой практикой и суждениями о переводе?

Разумеется, полностью развести и изолировать эти два направления исторических разысканий невозможно в силу того, что историческая информация о том, как переводили в некотором историческом пространстве, содержится именно в теоретических и критических рассуждениях о переводе мыслителей, писателей, переводчиков предшествующих исторических эпох.

Поэтому история переводческой деятельности строится не столько как историография фактов перевода, сколько как историография текстов о переводе.

Поэтому в истории перевода, как и в истории вообще, вопрос объективности остается открытым, исторические исследования опираются на осознание комплексной природы самих фактов, ко-

торые, по справедливому замечанию Стэнфорда, являются синтезом «мира вещей и мира слов» [Stanford].

Известный бельгийский теоретик и историограф перевода Анри Ван Оф в книге, посвящённой истории перевода в Западной Европе, писал: «Стремление написать историю перевода неизбежно приводит к необходимости искать ответ на целый ряд вопросов: когда начали переводить, почему переводят, всегда ли переводили одинаково, существовали ли в истории периоды, благоприятные для (способствующие) переводческой деятельности? Очевидно, что затея эта — грандиозная, а поле деятельности — обширно. Ведь изучение истории перевода в каком-то смысле равносильно изучению мировой истории, истории цивилизаций, но сквозь призму перевода. Разница, однако, в том, что История непрерывна, а в истории перевода, напротив, обнаруживается множество белых пятен — как во времени, так и в пространстве»⁵.

Как должна быть построена история переводческого опыта, приемлема ли для нее принятая всеобщей историей периодизация или же следует искать какие-либо другие вехи?

Многие исследования по-прежнему остаются в поиске подходящих для исторического описания моделей исторического описания переводческой деятельности.

Эти модели могут заимствоваться из других наук. Например, из истории философской науки, а также из исторических описаний областей культуры, в зависимости от того, хотим ли мы описать историю суждений о переводе либо историю переводческой практики. Так, Джудит Вудсворт предлагает обратиться за помощью к истории языкознания в первом случае и к истории литературы или музыки во втором⁶.

Один из важных вопросов, встающих перед историком перевода, так же как и перед историком вообще, — это вопрос о том, как упорядочить события прошлого, иначе говоря, как построить периодизацию событий? Чаще всего для этого используются две категории — пространства и времени: например история перевода в конкретной области земного шара, например в Европе, или история перевода в конкретный исторический период, например в Средние века.

Такой подход вызывает ряд вопросов. Насколько широкими или узкими должны быть границы пространства и времени? Насколько уместны такие категории именно для истории перевода?

⁵ Van Hoof H. Histoire de la traduction en occident. Paris: Louvain-la Neuve, 1991. P. 7 (перевод мой. — О.К.).

⁶ Woodsworth Judith. Teaching the History of Translation, in Dollerup and Appel, 1996.

Насколько наша собственная точка зрения влияет на то, как мы структурируем события?

Каковы задачи истории перевода? Что она должна показать или доказать? Может ли одна история нарисовать объективную картину смены идей и суждений о переводе и переводимости? Документируя вклад переводчиков/перевода в интеллектуальную историю, будут ли историки обращаться к мнению и оценке переводчиков другими членами общества? Историческая перспектива в науке о переводе позволяет более терпимо относиться к разным подходам и взглядам на перевод и придать некое единство науке.

Впервые идея о написании «всеобъемлющей» истории перевода была озвучена на Международном конгрессе федерации переводчиков (ФИТ) Георгием Радо, венгерским переводчиком и исследователем в 1963 г. Однако сам проект стартовал лишь в 1990-е гг. под руководством канадского теоретика Жана Делиля. Статьи, которые легли в основу этого фундаментального труда (1991—1995), были сгруппированы по тематическому принципу, а саму же работу можно скорее назвать избирательной, чем всеобъемлющей и исчерпывающей. Всего в ней 9 тем. Основной упор в работе был сделан на вклад переводчиков разных эпох в развитие мировой цивилизации — изобретение алфавитов, возникновение и развитие национальной словесности и литературы, распространение религиозных текстов, научных знаний и т.д. Еще одной задачей международной команды исследователей было смещение угла зрения на историю от евроцентризма к «космополитизму» с добавлением материалов по истории перевода на Востоке, в Африке и в Латинской Америке. Интересно, что это первая (и единственная) книга по истории перевода, чье издание было осуществлено на деньги ФИТ и при поддержке ЮНЕСКО. Книга была опубликована на двух языках — английском и французском. Затем работа была продолжена и вылилась в более масштабное издание.

Современные исследователи постоянно обращаются к истории переводческого опыта.

Фредерик Ренер [Толкование: язык и перевод от Цицерона до Тейтлера, 1989] считает необходимым скорректировать узкий фокус предыдущих исследований, концентрировавшихся на отдельных языках, конкретных эпохах и переводчиках и заняться построением общей теории языка и коммуникации и суждений о переводе, подразумевающей теорию и практику онога в Западной Европе.

Анри Ван Оф предлагает широкий обзор, посвященный европейским переводчикам, переводам и взглядам на перевод в книге «История перевода на Западе» (1991), Мишель Балляр исследует историю перевода от Цицерона до Бенъямина, придавая особое значение изучению методологии перевода.

Еще более обширным оказывается труд немецкого теоретика перевода Ханса Фермера «Очерки по истории перевода» (1992). Опираясь на свою собственную скопос-теорию, он стремится определить, насколько переводчики учитывали культурные различия и принимали во внимание ожидания и привычки целевой аудитории. Начиная с IX в. особенно подробно рассматривается переводческая деятельность в германоязычных странах.

Различные методы описания истории перевода отражают две противоположные тенденции в современной историографии: первая состояла в том, чтобы разбивать поле исследования на все более мелкие области в соответствии со специализацией, а другая, напротив, стремилась к единению элементов в целях построения глобальной картины истории. Чтобы преодолеть эту антиномию, был найден выход — создание международных исследовательских групп при поддержке университетов и НИЦ, которые позволили внести плюрализм, объективность и широту взгляда. Другим важным фактором было создание онлайн сетей, которые облегчили работу международных исследовательских групп.

В 1985 г. в Германии в Геттингенском университете Георга-Августа был создан специальный НИЦ Sonderforschungsbereich, получивший грант на 12 лет на междисциплинарную программу по исследованиям в области художественного перевода.

В рамках программы была разработана исторически-дескриптивная ветвь в науке о переводе, в задачи которой входит определить суть перевода, каковы были суждения о нём и какую роль он сыграл в литературе и в культуре. Команда исследователей изучала наиболее известные переводы наиболее известных авторов в германоязычном мире (в определённых языковых комбинациях: немецко-английский, шведско-английский, польско-английский и т.п.) с конца XVIII в., т.е. с того момента, когда перевод вышел на рынок как продукт массового производства. На следующем этапе проекта потребовался уже многосторонний подход. Историческое описание нуждается в подходе, ориентированном на передачу информации, само же историко-дескриптивное направление науки о переводе выиграет, если сконцентрируется на различиях между оригинальным и переводным текстом. Работа Геттингенского центра увенчалась серией публикаций. Омечаются, в частности, их новаторские публикации в области переводов драматических произведений.

Ещё один пример крупномасштабного международного коллективного проекта в области истории перевода — Routledge Encyclopedia of Translation Studies под редакцией Моны Бэйкер, вышедшая в 2001 г. в Англии, особенно вторая ее часть — История и Традиции, посвящённая описанию переводческой деятельности и переводческой мысли более чем в 31 регионе мира (рефераты).

Особая тема построения «всеобщей истории перевода» — это тема периодизации переводческого опыта.

В современной науке о переводе встречается несколько подходов к периодизации переводческого опыта. Некоторые из них довольно подробно описаны в книге Н.К. Гарбовского «Теория перевода»⁷. Автор сравнивает периодизации истории перевода, предложенные П.И. Копаневым, Дж. Стейнером, М. Балляром, и предлагает свой подход к решению этого вопроса.

Обратимся к периодизациям, предложенным этими исследователями.

П.И. Копанев называет четыре периода в истории перевода и соотносит их с некоторыми этапами развития человеческой цивилизации:

- 1) первый, древний период (рабство и феодализм);
- 2) второй, или средний период (от первоначального накопления капитала до научно-технической революции XVIII в. включительно);
- 3) третий, или новый период (конец XVIII — конец XIX в.);
- 4) четвертый, или новейший, период (конец XIX — XX в.)⁸.

Подобная периодизация имеет право на существование. В самом деле, нельзя не согласиться с мнением М. Балляра о том, что существует некая договорённость в различении исторических периодов (Античность, Средние века, Возрождение и т.п.) и что привязка истории перевода к этим периодам исторического развития общества способна облегчить ориентирование, соотнесение событий во времени. Любое явление культуры, и перевод в том числе, может рассматриваться на фоне принятой исторической наукой периодизации человеческой цивилизации [Ballard, 1992].

Аналогичных взглядов придерживаются также авторы интересной и насыщенной историческими фактами работы «Возрождение и Реформация в истории перевода и переводческой мысли» Д.З. Гоциридзе и Г.Т. Хухуни. Само название книги уже свидетельствует о том, что её авторы рассматривают историю перевода сквозь призму условно принятой исторической наукой периодизации.

Но нельзя не заметить уязвимость такой периодизации.

Копанев строит свою периодизацию истории перевода на сугубо экономических основаниях — на отношении к собственности: рабство, феодализм, накопление капитала и пр.

Перевод же не связан напрямую ни с экономикой, ни с общественным строем, ни с научно-технической революцией. С момента своего возникновения перевод одинаково обслуживает все общественно-экономические формации. Конечно, интересно, были ли

⁷ См.: *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М. 2004.

⁸ См.: *Копанев П.И.* Указ. соч. С. 7.

переводчики рабами или свободными, феодалами или вассалами, помещиками или крепостными? Эти вопросы составляют периферийную область социальной истории перевода.

Ван Оф совершенно справедливо отмечает прерывистость истории перевода в отличие от всеобщей истории. Эта прерывистость обусловлена не столько тем, что в тот или иной период переводили меньше или больше, сколько фрагментарностью данных о том или ином периоде в истории перевода. Более того, наблюдения над историей переводческой практики не дают достаточных оснований для того, чтобы утверждать, будто каждый из рассматриваемых периодов оставил в истории перевода особый след и продемонстрировал существенные отличия от всего того, что делалось в переводе и писалось о нем в другие исторические эпохи. Напротив, в пределах одного исторического периода могли произойти весьма важные события, которые не могли не влиять на переводческую практику и соответственно составили главные вехи в истории рассматриваемого явления.

С момента возникновения перевода до настоящего времени переводчики решают аналогичные задачи, споря об одних и тех же проблемах, независимо от смены общественно-экономических формаций.

Но нельзя отрицать, что перевод имеет богатую событиями историю. Следовательно, эта история может и должна быть описана. Иначе говоря, переводческая деятельность может быть представлена в историческом развитии. Но периодизация истории перевода может и не совпадать с общепринятой исторической периодизацией, основанной на смене общественно-экономических формаций. Разумеется, каждый исторический период может служить фоном для исторического анализа переводческой деятельности. Весьма интересно познакомиться с источниками, свидетельствующими о переводческой деятельности в разные эпохи, выделяемые историей, например Возрождение, Реформация и др. Но такая история останется фрагментарной, так как не будет иметь собственно переводческих оснований.

Более того, подобный взгляд на историю перевода ограничивается лишь европейскими представлениями о периодизации истории. Китай, Индия, арабские страны строят свою историю по иным вехам, чего нельзя не учитывать, принимаясь за построение всеобщей истории переводческой деятельности.

Попытку построить историю перевода с акцентом на яркие, значительные явления именно в области переводческой деятельности предпринимает Дж. Стейнер в книге «После Вавилона». Для Стейнера первичны «переводческие события», под которыми понимаются не только явления собственно перевода, но и тексты, содержащие теоретические взгляды на перевод.

Стейнер выделяет 4 периода, которые, по его собственному признанию, вовсе не абсолютны. Основными вехами, маркирующими начало и завершение каждого этапа, у Стейнера оказываются тексты, содержащие размышления о переводе, тексты, в которых в наиболее яркой, по мнению автора, форме отражаются переводческая практика, переводческие стратегии.

Первый период продолжается 18 веков. Он открывается общеизвестными в западной науке о переводе высказываниями Цицерона и Горация о переводе и переводчиках, с которых обычно начинается всякое историческое описание теоретических рассуждений о переводе, и завершается комментариями немецкого поэта начала XIX в. Фридриха Гельдерлина к переводам Софокла. Этот период можно определить как эмпирический.

Второй период начинается трактатами английского гуманиста Александра Фрейзера Тайтлера о принципах перевода [Tytler Alexandre Fraser Essay on the Principles of Translation, 1792] и немецкого писателя Фридриха Шлейермахера о методах перевода, опубликованном в 1813 г. Заканчивается второй период книгой французского писателя и переводчика Валери Ларбо «Под покровительством св. Иеронима», опубликованной в 1946 г. XIX в. и первая половина XX в. оказываются периодом, когда предпринимаются попытки определить сущность перевода, построить первые философско-лингвистические и поэтические модели переводческой деятельности. Этот период автор определяет как период первых теорий и герменевтических разысканий.

Третий период начинается со второй половины XX в., точнее с 40-х гг., когда появляются первые работы о машинном переводе, основанные на идеях структурализма. В этот период лингвисты и философы стремились установить соответствие между формальной логикой и моделями языковых, а соответственно и межязыковых, переводческих преобразований. Перевод оказывается одним из важных объектов изучения, выходят первые книги по теории перевода. В этот период создаются профессиональные организации переводчиков, начинают издаваться журналы. Этот период продолжается и до настоящего времени, но с начала 1960-х гг. акцент в разысканиях в области теории перевода смещается в сторону междисциплинарных исследований, и начинается новый, четвертый период.

Стейнер связывает начало четвертого периода с распространением идей экзистенциализма, а также с открытием статьи о переводе Вальтера Беньямина, опубликованной еще в 1923 г. [Benjamin Walter: Die Aufgabe des Übersetzers]. Новый период Стейнер определяет как герменевтический. В этот период ослабевает интерес к автоматическому (машинному) переводу, ведутся жаркие споры между лингвистами об универсальности и относительности пере-

вода. Перевод становится объектом исследования антропологов, психологов, социологов и др.

Периодизация истории перевода, предложенная Стейнером, представляет несомненный интерес для науки о переводе. Но, как справедливо отмечает М. Балляр, в ней настораживает историческая неопределенность выделенных периодов, а также то, что предложенная периодизация не получает ожидаемого развития у автора [Ballard, 18].

Грузинские исследователи Д.З. Гоциридзе и Г.Т. Хухуни также подвергли критике концепцию Стейнера. По их мнению, предложенная Стейнером периодизация истории перевода лишена истинного историзма, так как в ней «по существу игнорируются те различия, которые характеризовали развитие перевода и переводческой мысли в течение двух тысяч лет — от античных авторов до европейских романтиков» [Д.З. Гоциридзе и Г.Т. Хухуни]. Они избирают для истории перевода периодизацию, основанную на выделении этапов развития литературы. Историко-литературный подход к исследованию фактов истории перевода основывается на представлении о неразрывной связи перевода с жизнью литературы.

Но построение периодизации истории перевода в виде кальки с истории литературы также оказывается уязвимым, ведь далеко не всегда переводческая практика и размышления о переводе ограничивались только областью литературного перевода.

Нельзя не согласиться со Стейнером, что конец 1940-х гг. оказался поворотным моментом в истории переводческой мысли. Это связано не только с первыми опытами в области машинного перевода, но и с рождением нового вида устного перевода — синхронного.

Таким образом, периодизация, предложенная Стейнером, при всей её уязвимости для критики тем не менее весьма интересна для теории перевода и истории переводческой мысли. Как отмечает Гарбовский, «Стейнер не претендует на построение истории перевода. Он лишь пытается представить в историческом ракурсе взгляды на перевод, содержащиеся в некоторых работах, объединить их вокруг идей или методов познания, доминировавших в тот или иной период. Ведь не случайно построенная им классификация открывается высказываниями о переводе Цицерона, в то время как перевод существовал еще за многие тысячелетия до того. Поэтому историографическая концепция Стейнера оказывается вполне состоятельной» [Гарбовский, 25].

В результате своих исследований Стейнер приходит к довольно пессимистическому заключению о том, что «несмотря на богатую событиями историю перевода и вопреки значимости тех, кто писал об искусстве и теории перевода, число оригинальных и существенных идей по этой проблематике весьма ограничено. Почти без

исключения от Цицерона и Квинтилиана до наших дней положения повторяются, рассуждения идут теми же путями» [Steiner, 226]⁹.

Вряд ли можно полностью согласиться с этим выводом. Помимо работ, которые представлены Стейнером как некие вехи, маркирующие переход от одного периода к другому, существует множество других, не менее важных для истории переводческой мысли. Это лишний раз свидетельствует о прерывистости истории перевода во времени и в пространстве, о которой писал Ван Оф.

Но прерывистость исторического описания обусловлена тем, что историографы выбирают наиболее яркие, значимые, а иногда и случайные, чудом сохранившиеся свидетельства переводческой практики и переводческой мысли. «Возможно поэтому, — пишет Гарбовский, — все исторические описания перевода ограничены в основном кругом одних и тех же событий: опыт первого коллективного перевода (Септуагинта), первые рассуждения о разных видах перевода (Цицерон и Гораций), первые рассуждения о пользе перевода как риторического упражнения (Цицерон и Квинтилиан), первые обоснования вольного перевода (Иероним), первые трактаты, посвященные переводу (Доле), первый машинный перевод и т.п. Одни из описаний более полные, другие — более скромные, но независимо от того, в каком объеме представлен в них переводческий опыт прошлого, все они построены как совокупность фрагментов, событий, выделяющихся тем или иным аспектом на фоне общего процесса перевода» [Гарбовский, 2004, с. 27]. Переводческий же опыт, напротив, непрерывен как во времени, так и в пространстве.

Следовательно, нужно найти иные критерии, позволяющие более или менее точно отграничить один исторический период в развитии переводческой деятельности от другого. И таким критерием может стать **способ хранения и передачи информации.**

В самом деле, если оставить в стороне все лингвистические, культурные, эстетические и другие аспекты перевода, на которые опираются исследователи, члени весь исторический опыт перевода на периоды, то в наиболее общем плане перевод — это передача информации, заключённой в исходном сообщении от одного коммуниканта к другому, предполагающая переход от одного кода к другому. Передача информации с необходимостью предполагает канал, т.е. некую материальную основу. И если взглянуть на историю перевода с этих позиций, то в ней можно довольно отчётливо увидеть целый ряд периодов. Следует иметь в виду, что использование того или иного канала, существенно влияет на все аспекты переводческой деятельности, на технологию и стратегию перевода. Чтобы убедиться в том, достаточно сравнить современный синхронный перевод с последовательным переводом.

⁹ Цит. по: *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М. 2004. С. 26.

Первый период, гипотетический, не позволяющий найти каких бы то ни было документальных подтверждений, можно определить как дописьменный. Можно лишь предположить, что он начинается с распада исходного праязыка на отдельные диалекты, положившие начало новым языкам. В условиях многоязычия для «международных» контактов люди первобытных обществ вряд ли могли обходиться без помощи переводчиков. Информация хранилась в сознании первобытных переводчиков и передавалась в устной форме гонцами.

С возникновением письменности начинается новый период в истории перевода. В древних царствах возникает «переводная литература». В IV—III тыс. до н.э. шумерская цивилизация умела фиксировать и передавать многоязычную, т.е. переводную информацию на глиняных табличках — туппумах.

Изобретение более «лёгких» носителей информации — папируса, пергамента, бересты а затем и бумаги — облегчает и ускоряет процесс фиксации и передачи информации, а следовательно, и процесс перевода. Но ещё более важно то, что новые материалы уже позволяют тиражирование. Оно ещё незначительно, но тем не менее сфера потребителей переводческой деятельности расширяется, соответственно меняется и характер отношений между переводчиком и получателем перевода, что не могло не оказать влияния на технологию и стратегию перевода.

Рукописные формы передачи информации постепенно уступают место печатным, глиняные оттиски сменяются деревянными, возникает ксилография. Это ещё больше расширяет сферу потенциальных потребителей переводческой деятельности.

Но истинная революция в переводческом деле происходит с появлением наборного книгопечатания и печатного станка. Благодаря книгопечатанию перевод становится всё более распространённой и востребованной деятельностью. Книга оказывается основным средством хранения и передачи информации. Книга же становится основным источником справочной информации, необходимой переводчику для успешного осуществления перевода. Разрабатываются самые разнообразные энциклопедические, терминологические и прочие словари. Разработка двуязычных и многоязычных словарей и глоссариев становится привычной областью деятельности переводчиков.

Технический прогресс оказывает воздействие и на устный перевод. К концу первой половины XX в. уровень радиоэлектронных средств позволяет начать эксперименты с синхронным переводом [см. Гофман]. В этот же период научные достижения в области кибернетики дают возможность разработать первые программы для машинного перевода.

Начало нового тысячелетия совпало с новым переворотом в области информационных технологий. Печатная книга и другие источники информации «на бумажных носителях», т.е. документы, периодическая печать и т.п., катастрофически быстро стали утрачивать своё значение основных источников информации, сохранявшееся за ними на протяжении пяти столетий.

Современный переводческий технологический процесс существенно отличается уже от процесса перевода даже второй половины XX в. Основным источником справочной информации для переводчиков стала всемирная паутина, позволяющая в короткий срок найти необходимые для переводческого решения данные, например спросив совета у коллег в самых разных уголках мира.

Переводчики вместе с программистами создают базы данных, банки терминов и т.п. и всё более пригодные для работы программы компьютерного обеспечения перевода. Стейнер справедливо отмечал угасание интереса лингвистов к машинному переводу в силу разочарований результатами экспериментов. Но невероятный прорыв в области электроники и кибернетики, новейшие электронные средства, компьютер полностью вытеснили не только рукописный перевод, но и пишущую машинку. Только одна элементарная операция «копировать-вставить» значительно сокращает затраты переводческих усилий, особенно в сфере перевода технической документации с повторяющейся тематикой.

Использование компьютерных переводческих программ сокращает дистанцию между переводчиком и редактором. Переводчик становится двуязычным редактором текста, переведённого «вчерне» компьютером. И это тенденция будет всё больше и больше развиваться.

Изменения, произошедшие в информационных технологиях в начале нынешнего тысячелетия, вносят существенные коррективы и в дидактику перевода. Компьютерное обеспечение перевода становится обязательной учебной дисциплиной в большинстве программ подготовки переводчиков.

Таким образом, периодизация в истории перевода может быть представлена следующим образом:

Первый (гипотетический) — дописьменный период, о котором нет никаких документальных подтверждений, и длительность которого весьма неопределённа — несколько десятков тысячелетий.

Второй период — от первых письменных двуязычных документов на глиняных табличках до изобретения печатного станка — его протяжённость ограничена несколькими тысячелетиями. Второй период характеризуется разделением письменного и устного перевода и выделением последнего в отдельный самостоятельный вид деятельности.

Третий период — от первой переведённой и напечатанной книги (Библия Гуттенберга на латинском языке) до настоящего времени, когда наблюдается очевидное угасание общественного интереса к печатным источникам информации, их стремительная замена электронными носителями, не только изменяющими технологию переводческой деятельности, но и влияющими на стратегии перевода, на характер взаимоотношений переводчика с другими участниками информационно-коммуникативного процесса, коим является перевод, на критерии оценки результатов переводческого труда.

Внутри третьего периода знаменательной вехой стало изобретение специальных технических средств, позволивших осуществление синхронного перевода, в том числе и на несколько языков одновременно.

Новые задачи ставятся и перед современной наукой о переводе. Сегодня уже недостаточно теоретизировать по поводу эквивалентности и адекватности, решая, что больше соответствует характеру отношений, свойственных всякому акту перевода. Недостаточно оценивать перевод как «плохой» или «хороший», «точный» или «неточный», недостаточно показать возможные уровни эквивалентности. Наука о переводе выходит на ту историческую ступень, когда прескриптивность, свойственная первой стадии теоретизации, и дескриптивность, характерная многим теориям более позднего периода, должны уступить место проспективности и пытаться предугадать развитие переводческой практики в будущем.

Такая наука о переводе не может не опираться на исторический опыт как далёкого, так и ближайшего прошлого. Более того, современные переводческие технологии сосуществуют с традиционными: синхронный перевод не вытеснил полностью последовательный, перевод с помощью переводческих программ и электронных словарей не отменяет поисковую работу переводчика с обычными словарями и справочниками и т.п. Как долго продлится то мирное сосуществование, предугадать сложно. Тем не менее современной науке о переводе следует, видимо, всерьёз задуматься не столько об особенностях межкультурного диалога, сколько о специфике диалога переводчика-человека с переводчиком-машиной.

Тем не менее, как бы ни совершенствовалась технология перевода, какие бы новые актанты не включались в процесс перевода, каждый переводчик вновь и вновь решает задачи, над которыми задумывались и Цицерон, и Иероним, и Доле, и Чуковский, и Беньямин, и Берман, и многие другие писатели, переводчики, философы, обратившиеся к переводу. Знание истории переводческой деятельности может уберечь переводчиков нынешнего и будущих поколений от сомнительных решений и ложных шагов.

Список литературы

- Балашов Л.Е.* Философия. Учебник. М., 2004. 672 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М., 2004.
- Гофман Е.А.* К истории синхронного перевода // Тетради переводчика. 1963. С. 20—26.
- Историография: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
- Копанев П.И.* Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972.
- Левин Ю.* Об историзме в подходе к истории перевода // Мастерство перевода. 1962. С. 373—392.
- Левин Ю.* Об исторической эволюции принципов перевода (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 5—63.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе. М., 2006.
- Перну Р.* Крестonosцы / Пер. с фр. А.Ю. Карачинского, Ю.П. Малинина; Научн. ред. Ю.П. Малинин. СПб.: Евразия, 2001. 320 с.
- Россель Вл.* Нужна история художественного перевода в СССР // Мастерство перевода. 1964. С. 53—62.
- Русские писатели о переводе / Под ред. А.В. Федорова. Л., 1960.
- Семенец О.Е., Панасьев А.Н.* История перевода. Киев, 1989.
- Фёдоров А.В.* Введение в теорию перевода. М., 1953.
- Шор В.* Как писать историю перевода? // Мастерство перевода. 1973. № 9.
- Ballard M.* De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions. Lille: Université de Lille III, 1992.
- D'hulst L.* Pourquoi et comment écrire l'histoire des théories de la traduction? 1991, in Mladen Jovanovic. Translation, a Creative Profession, Proceeding of XIth World Congress of FIT, Belgrade, 1990. Belgrade: Prevodilac. P. 62—67.
- Delisle J. and Woodsworth J.* Translators through History. Amsterdam, and Philadelphia: John Benjamin, 1995a.
- Delisle J. and Woodsworth J.* Les traducteurs dans l'histoire. Ottawa: Les Presses de l'Université d'Ottawa/Éditions UNESCO. 1995b.
- Cary E.* La traduction dans le monde moderne. 1956.
- Ellis R.* The Medieval Translator 2, Westfield Publications in Medieval Studies. Queen Mary and Westfield College, University of London, 1991.
- Steiner G.* After Babel Aspects of Language and Translation. N.Y.; London, 1975.
- Kelly L. G.* The True Interpreter: A History of Translation Theory and Practice in the West. N.Y.: St Martin's Presses, 1979.
- Lefevere A.* Translation/History/Culture: A Sourcebook. New York and London Routledge, 1992.
- Pym A.* Shortcomings in the Historiography of Translation in Babel. 1992. Vol. 38 (4). P. 221—234.
- Renner F.* Interpretatio: Language and Translation from Cicero to Tytler. Amsterdam and Atlanta, GA: Rodopi, 1989.
- Douglas R.* Western Translation Theory From Herodotus to Nietzsche. Manchester: St Jerome Publishing, 1997.
- Stanford M.* The Nature of Historical Knowledge. N.Y.: Basil Blackwell, 1985.
- Savory T.* The Art of Translation. 1957.
- Vermeer H.* Skizzen zur einer Geschichte der Translation. Vol. 1, 2. Frankfurt: IKO-Verlag für Interkulturelle Kommunikation, 1992.
- Woodsworth J.* Teaching the History of Translation, in Dollerup and Appel. 1996.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Д.Ю. Груздев,

референт Центра (лингвистического) Военного университета МО РФ;
e-mail: gru@inbox.ru

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОРПУС ТЕКСТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПЕРЕВОДЧИКА

В настоящей статье рассматриваются возможные способы использования тематических электронных корпусов текстов при выполнении письменного перевода на неродной язык. Утверждается, что данный ресурс может значительно улучшить качество перевода. Для демонстрации комплексного применения тематических корпусов автор взял фрагмент текста из «Каталога российского вооружения». Все решения о том или ином варианте перевода принимались на основе анализа корпусов текстов, составленных специально для этого исследования.

Ключевые слова: корпус текстов, корпус-менеджер, программ-конкордансер, конкорданс, коллокации, перевод на неродной язык.

Dmitry Yu. Gruzdev,

Interpreter at the Linguistic Center, Military University of the Russian Ministry of Defence, Moscow, Russia; e-mail: gru@inbox.ru

Corpora as Translators' Tools

The article considers possible ways of using ad-hoc corpora in translation into foreign languages. It is stated that these assets may dramatically improve the quality of translation. The author selected an extract from *The Catalogue of the Russian Arms* to put ad-hoc corpora into practice. All decisions as to possible solutions to translation problems are taken on the basis of the analysis of ad-hoc corpora, compiled specifically for the experiment.

Key words: corpus, corpus-manager, concordancer, concordance, collocations, translation into foreign languages.

До изобретения первых компьютеров в XX в. большие объемы информации были основной непреодолимой преградой для обработки во многих областях, в том числе и в лингвистике. После появления необходимого оборудования, т.е. счетно-вычислительных машин, в лингвистике зародилось новое направление — корпусная лингвистика. Были созданы сравнительно большие корпуса текстов на разных языках, и компьютеры позволили эффективно их использовать для различных целей. Данный факт очень важен, так как первый корпус текстов в бумажном виде был составлен еще в 1897 г. немецким лингвистом Кэйдингом для того, чтобы сравнивать частоту распределения букв в словах и определить их последовательность [Adolphs, 1998, p. 5]. Однако результаты иссле-

дования нельзя было назвать многообещающими в силу того, что ни один человек не смог бы проанализировать такое большое собрание текстов самостоятельно без применения технических средств.

Появление компьютеров позволило частично решить эту проблему. Последующие разработки программного обеспечения для работы с корпусами текстов увенчались созданием программ-конкордансеров [Захаров, 2002, с. 31]. **Программа-конкордансер (concordancer)**, или корпус-менеджер (corpus manager), — это компьютерная программа, которая помогает автоматически построить конкорданс, т. е. список контекстов, в которых искомая единица предстает в своем лексико-грамматическом окружении и характеризуется определённым набором статистических данных [Шевчук, 2009, с. 52].

Центральное место в корпусной лингвистике занимает электронный корпус текстов. Окончательный вариант определения этого ресурса был предложен С. Лавиозой, которая высказала мнение, что под электронным корпусом текстов следует понимать тексты и фрагменты текстов, отобранные по определённому принципу, размеченные и упорядоченные для поиска необходимой лингвистической информации [Laviosa, 2003, p. 3].

Практика разработки и применения электронных корпусов текстов показала, что невозможно создать универсальный корпус текстов. Задачи и цели любого исследования, которое предполагается проводить с помощью корпусов, определяют тип корпуса, правила отбора текстов и степень обработки [Рыков, 2005, с. 4]. За время существования корпусной лингвистики было разработано и составлено огромное количество корпусов текстов, адаптированных для различных исследований, вследствие чего возникла необходимость структурировать имеющиеся корпуса. Однако единой классификации не было. Существует пять чаще всего встречающихся классификаций. Наиболее структурированный вариант был предложен С. Лавиозой [Granger, 2003, p. 21]. За основу был взят языковой признак, по которому корпуса делятся на одноязычные и многоязычные.

В данной статье мы ставим целью рассмотреть, как электронный корпус текстов может помочь переводчику при выполнении письменного перевода на неродной язык. Стоит отметить, что подобный вопрос уже рассматривался Н.В. Владимовым [Владимов, 2005, с. 24]. Однако для исследования он использовал Национальный корпус британского варианта английского языка — British National Corpus (BNC). В нашем случае мы используем специально составленные нами корпуса оригинальных текстов по (1) авиационной технике, (2) автобронетанковой технике и (3) ВМС, а для составления конкорданса — программу-конкордансер AntConc 3.2.1W¹. Данная программа и набор указанных корпусов образуют

¹ Программа доступна для скачивания на <http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp>

инструментарий, который существенно облегчает работу переводчика на том этапе процесса перевода, когда он выполняет перебор переводческих вариантов, работая по методу «*проб и ошибок*» [Цвиллинг, 1977, с. 176; Шевчук, 2000, с. 43]. Суть этого подхода «заключается в последовательном приближении к оптимальному варианту путём перебора нескольких возможных вариантов перевода и отклонения тех из них, которые не соответствуют определённым функциональным критериям» [Швейцер, 1973, с. 264]. В процедуре перебора вариантов выделяется два основных этапа: (1) генерирование вариантов и (2) их диагностика, тестирование [Эшби, 1962, с. 34]. Сначала переводчик выдвигает как можно больше предположений относительно возможности перевода проблемного участка текста. Главную роль на этом этапе играет компетентность переводчика и умение пользоваться словарями, а также другими вспомогательными материалами. После этого проводится тестирование вариантов перевода. Перед переводчиком стоит задача проанализировать все варианты и выбрать только тот, который обеспечивает наиболее адекватный перевод [Швейцер, 2009, с. 173; Латышев, 1983, с. 26].

Электронный корпус текстов в силу своих свойств, которые будут рассмотрены в данной статье, идеально подходит для второго этапа указанного выше метода и не может заменить словари. Предполагается, что переводчик использует корпус в качестве «последней инстанции» для проверки своего решения.

Мы полагаем, что электронный корпус текстов может оказаться полезным для письменного переводчика в следующих случаях:

- при определении левого и/или правого окружения (лексико-грамматической сочетаемости) слова;
- при выборе из нескольких вариантов лексического эквивалента исходного слова, предлагаемых в разных словарях или встретившихся в Интернете;
- при проверке правильности решения, выбранного переводчиком;
- для поиска дополнительной энциклопедической информации по теме;
- для поиска терминологических дублетов, антонимов, голонимов, меронимов, номенклатурных наименований и дефиниций терминов;
- для расшифровки встретившихся в оригинале сокращений [Шевчук, 2003, с. 79—81].

Рассмотрим каждый случай в отдельности.

Очень часто переводчик сталкивается в своей практической работе с проблемой лексико-грамматической сочетаемости того или иного слова в тексте перевода. Предположим, переводчику надо описать силовую установку самолёта. Конкретно предстоит пере-

вести предложение: «Двигатель самолета развивает тягу 12,5 тонн, а на форсаже — 14,5 тонн». При переводе предложения на английский язык переводчику необходимо выбрать правильную синтаксическую конструкцию и определить необходимый тип управления. Рассмотрим возможные варианты перевода первой части данного предложения:

1. The engine (1) develops 12,5 ton thrust 14,5.
2. The engine (2) has 12,5 ton thrust 14,5.
3. Engine thrust (3) is 12,5 tons. 14,5.

Для проверки наших предположений набираем слово «thrust» в строке поиска программы AntConc 3.2.1W, в которой предварительно открыт корпус авиационно-технических текстов. Программа фиксирует 89 случаев употребления требуемого слова. Проанализировав результаты поиска, мы обнаруживаем, что первые два наших варианта вообще не находят подтверждения, а третий встречается в 22 случаях. Таким образом, выбор необходимой синтаксической конструкции совершенно очевиден.

Для перевода второй части предложения необходимо определить, как передать предлог «на». В результате интерференции родного языка в качестве основного варианта был выбран предлог «on». Проверяем вариант по описанному выше алгоритму и поиск ведём только по слову «afterburning». В результате анализа составленного конкорданса выясняем, что вторую часть предложения надо переводить следующим образом: and (1) **with** afterburning 14.5 tons.

В приведённых выше примерах мы составляли конкордансы для определения лексико-грамматической сочетаемости. Основная проблема, с которой мы столкнулись, — это формирование запросов. Данный вопрос будет подниматься и далее в ходе рассмотрения стратегий работы с электронными корпусами текстов. На данном этапе мы имели дело только с несложными запросами. В этой связи мы привлекли результаты проекта COBUILD «Грамматические модели», который ознаменовал новый подход к составлению словарей. Основная идея проекта заключается в том, что контекст в определённой степени влияет на значение слова [Hunston, 2002, p. 104]. Слова, которые употребляются в определённых моделях, формируют группы значений. Последние представляют особый интерес, так как могут быть использованы для формирования запросов. Это сводит к минимуму вероятность неточного запроса и ускоряет процесс работы с корпусом текстов. Более глубокое изучение моделей позволяет выбрать правильную конструкцию для лучшей передачи смысла с использованием конкретного слова.

Второй случай, когда целесообразно обращение к корпусу текстов, — это при подборе более уместного слова или термина для данного конкретного случая. Прежде чем переходить к анализу этого вопроса, обратимся к истории составления словарей и грам-

матических материалов. Важно отметить, что сегодня уже немислимы и неприемлемы словари и грамматические материалы, которые написаны без опоры на корпус текстов. Так, С. Ханстон [Idid., p. 101] сравнивает три типа словарей: Longman 1987, Longman 1995 и COBUILD 1995. Первый представляет «докорпусную» эпоху, а два последних составлялись уже на основе национального корпуса. В результате сравнительного анализа мы пришли к следующим выводам:

- прослеживается тенденция давать определение не отдельному слову, а целой фразе, в которой употребляется слово;
- все чаще в словарных статьях даются примеры наиболее вероятного употребления лексической единицы.

Современные словари выполняют основные функции электронных корпусов текстов (демонстрируют употребление слова в контексте). Основным принципом для отбора материала является частотность коллокаций в корпусе [Idid., p. 69]. При подборке примеров для включения в словарную статью отдают предпочтение вариантам с самыми высокими показателями. Таким образом, менее частые значения, скорее всего, не попадают в словарь. Например, фраза «on the brink of» в словаре Collins COBUILD имеет исключительно негативный оттенок (см. рис. 1).

Collins COBUILD — Lexicon				
File	Edit	Entry	Help	
brink				
Entries	Full text	<p>brink brink</p> <p>If you are on the brink of something, usually something important, terrible, or exciting, you are just about to do it or experience it.</p> <p><i>Their economy is teetering on the brink of collapse.</i> <i>Failure to communicate had brought the two nations to the brink of war.</i></p> <p><i>N-SIGN: usu on/fo/from the N of n</i> =verge</p>		
Brink Brink				
		Lingea Lexicon		
		72		

Рис. 1

Однако анализ конкорданса для фразы «on the brink of», составленного с помощью BNC, указывает на то, что данное выражение имеет нейтральное или положительное значение в 20% случаев. Это не отражено в словарной статье. Поэтому корпус текстов является незаменимым средством для проведения дополнительных исследований, особенно при работе с узкоспециализированными, техническими текстами [Wilkinson, 2006, p. 4].

Для иллюстрации возможностей использования тематических корпусов рассмотрим варианты перевода на английский язык словосочетаний «правое крыло» и «левое крыло», которые встречаются в типичном описании элементов самолета. Первое, что приходит на ум, — это перевести левые определения в обоих словосочетаниях как “right” и “left” соответственно. Проверка по корпусу текстов не подтверждает правильности такого выбора. После ввода слова “wing” программа составила конкорданс из 960 случаев употребления данной лексической единицы (ЛЕ). В итоге она показывает, что «port wing» и “starboard wing” являются единственно правильными вариантами перевода соответственно.

Следует отметить, что с помощью электронного корпуса текстов можно также получить определённую фоновую информацию по определённой тематике [Владимов, 2005, с. 46]. Часто это играет чуть ли не решающую роль при переводе на иностранный язык. Программа, о которой идет речь, не только помогает найти определённое слово с правым и левым окружением, но и делает возможным просмотр всего текста, из которого извлечено искомое слово. Например, прежде чем приступать к переводу документация нового истребителя, было бы полезно узнать общую информацию о боевых самолетах такого класса. Скорее всего, новый образец самолета основан на одном из предыдущих вариантов и вобрал в себя большинство свойств и качеств последнего. Для этого необходимо составить конкорданс для слова “fighter”. После предварительного анализа предложенных вариантов можно приступить к тщательному просмотру заинтересовавших нас вариантов, нажав на центральное слово. В данном случае стоит отыскать цель, как появляются названия оборудования и детали, характерные для истребителей.

Кроме того, с помощью программы-конкордансера можно отыскать в специализированном корпусе терминологические дублеты, антонимы, референты и номенклатурные наименования, а также расшифровку встретившихся в оригинале сокращений. В.Н. Шевчук предлагает использовать для этих целей целый ряд фраз-индикаторов:

— терминологические синонимы и дублеты **also called/named, also known as, formerly known as, also referred to as, a synonym for, synonymous with, a.k.a., what is/are termed;**

— дефиниции **a term applied to;**

— термины-антонимы **the opposite of;**

— голонимы и меронимы **the whole of, part of;**

— референты **designation of;**

— полное название аббревиатуры **(is) short for, stands/standing for** [Шевчук, 2009, с. 56].

Перечисленные выше фразы не являются универсальными, но могут быть использованы в качестве основы для выдвижения и проверки переводчиком своих вариантов перевода. Не будет ошибочным предположение о том, что для каждого вида корпусов характерен свой набор фраз. Если в корпусе нет такой фразы, то никакого положительного результата ожидать не стоит. Так, в корпусе по авиационной технике мы не встретили такие фразы, как **“the whole of”**, **“part of”**, **“synonym for”**, **“synonymous with”**. Данный факт свидетельствует о том, что для выполнения таких исследований наш корпус недостаточно представительен [Рыков, 2005, с. 4]. С другой стороны, анализ корпуса указывает на тенденцию перечислять альтернативные названия систем или расшифровки сокращений в скобках, избегая пояснительных слов.

Сразу отметим, что эффективность использования корпусов для этих целей зависит от опыта работы с ними. Существует много нюансов, которые необходимо учитывать при работе с электронным корпусом текстов. Один из них заключается в том, что программа находит в корпусе именно ту комбинацию слов, которая вводится в строку поиска, если таковая есть вообще. Любое дополнительное слово в строке поиска или иное расположение слов в корпусе текстов приводит к тому, что программа не может отыскать ни одного совпадения. Это отрицательно сказывается на результатах поиска. Невозможно ввести в поле запроса, например аббревиатуру для расшифровки и служебную фразу **“(is) short for”**, так как никто не знает точного их расположения в корпусе, если такой вариант есть.

Данная проблема частично решена в новой версии конкордансера AntConc 3.2.1W, которая, помимо прочего, включает также функцию расширенного поиска. Данная опция позволяет вводить искомое слово, фразу, аббревиатуру или слово, которое должно встретиться в контексте в установленном диапазоне. Например, для поиска названий российских вертолетов «Ми» по классификации НАТО в строку расширенного поиска мы вводим «Mi», а в строку контекста — «NATO», а также выставляем диапазон контекста от 12 до 12 (т.е. программа будет искать слово «NATO» слева и справа от «Mi» на удалении до 12 слов), например:

1. **Mi-26** TEXT: **NATO** reporting name: Halo Type Heavy lift helicopter.
2. **Mil Mi-28** TEXT: **NATO** reporting name: Havoc Type Attack helicopter.
3. **Mil Mi-34** TEXT: **NATO** reporting name: Hermit Type Four-seat helicopter.
4. **Mil Mi-10 (V-10)** TEXT: **NATO** reporting name: Harke Type Heavy flying crane helicopter.

5. Mil **Mi-14** TEXT: **NATO** reporting name: Haze Type Twin-turbine shore-based amphibious helicopter.

6. Mil **Mi-4** TEXT: **NATO** reporting name: Hound Type General purpose helicopter.

Из этого примера видно, что введение подряд слов “Mi” и “NATO” в строку поиска не помогло бы сформировать конкорданс, так как в тексте они не размещаются рядом. Данный пример также открывает новый подход к формированию сложных запросов: можно использовать не полностью служебную фразу, а только значимое слово в ней. Например, вместо “also known as” достаточно одного “known”. В этом случае будет построен более широкий конкорданс, в который войдут такие фразы, как “also known as”, “formerly known as”, “then known as”, “unofficially known as” и т.д.

Чтобы проверить это предположение, построим конкорданс для слова “known”:

1) at) configuration, otherwise known as CBT; main features are five-blade;

2) g modification programme, **known** as Derivative IDF, in preliminary design;

3) ports; prototype (originally known as IR-02: see 1997—98 Jane’s) made first;

4) Extended-range A300-600R (then known as -600ER) made first flight 9;

5) no formal plans to launch **known** by late 2000. A321 Freighter: EADS EFW;

6) work began in early June 1994; **known** as A3XX until December 2000;

7) A380-900: Stretched version initially known as A3XX-200; 656 seats in;

8) January 1999 and generally known as AMC. Strategic workshares (detailed);

9) (F-WARA, later F-PARA), then known as AAT Balbuzard, first flew 9 July;

10) Aircraft International Consortium (MTA; also known as Medium-Size.

Как видно из списка конкорданса, искомому слову могут предшествовать различные слова. Мы уже отмечали, что программа ищет в корпусе всё, что указано в строке поиска, поэтому будет отображён именно тот вариант употребления «known», в котором ему предшествует слово, введённое перед ним в строке поиска. Это приведёт к исключению других случаев словоупотребления, хоть они могут оказаться полезными для пользователя. Поэтому целесообразно вводить только значимое слово служебной фразы.

Далее рассмотрим конкретный случай применения описанного приёма с использованием тематического корпуса по авиационной

технике. Для этой цели мы отобрали оригинальный текст на русском языке о вертолете Ми-26ТС (пожарный вариант)². В нём выбрана фраза, которая описывает специальное оборудование машины:

Комплекс противопожарный вертолётный с водосливным устройством ВСУ-15 на внешней подвеске вертолёт Ми-26ТС и комплекс противопожарный вертолётный ВПЖ-2 предназначены для тушения и локализации пожаров в степной, лесостепной, лесной местностях, в районах торфяников, гор, а также в населённых пунктах и на промышленных объектах.

В поле расширенного поиска вводим ключевые слова helicopter, fire, fighting, extinguishing, control и known. Выбор этих слов обусловлен следующими причинами:

- helicopter — определяет тип летательного аппарата, который нас интересует;
- fire — сужает сферу поиска. Слово может быть частью составного слова, обозначающего системы пожаротушения, ведения огня, вооружение;
- fighting, extinguishing, control — каждое из этих слов в сочетании с «fire» обозначает системы пожаротушения;
- known — выбрано для поиска дополнительных названий оборудования.

Далее необходимо правильно распределить выбранные слова по полям расширенного поиска. В главное поле должны попасть “helicopter”, “fighting”, “extinguishing” и “control”. Остальные слова вводятся в поле контекста. Такой выбор объясняется тем, что программа сама должна найти необходимое слово из трёх определяющих значение «пожаротушение». Главное поле выполняет именно эту функцию и тем самым освобождает пользователя от ненужных возвращений к полю запроса, чтобы проверить каждое слово вручную.

Поиск по корпусу выдаёт только одно совпадение:

Programme Conair has developed a growing number of (1) **helicopter-mounted fire-control systems known** as (2) **helitankers**.

Данный конкорданс предлагает сразу два варианта названия системы: helicopter-mounted fire-control systems и helitankers. Первый вариант является описательным, тогда как второй — это более распространённое название подобных систем именно для вертолётов.

Таким образом, пользователь проходит следующие этапы формирования запроса в расширенном поиске:

(1) анализ фразы на ИЯ ⇒ (2) выделение ключевых слов ⇒ (3) формирование запроса на ПЯ ⇒ (4) анализ составленного конкорданса. Если конкорданс не подходит по тем или иным причинам, переводчик выдвигает предположения о возможных причинах неудачного запроса и возвращается к первому пункту.

² <http://www.kubpoj.ru>

В предыдущем примере мы применили лишь одну фразу-индикатор из тех, которые предложены выше. Объём работы не позволяет тщательно рассмотреть все остальные, поэтому из составленных конкордансов мы выбрали по одному примеру для каждой фразы.

1. Extra 330XS: Designation **applied** to the former 300S (including D-EJKS...

2. Variant of F-7M (briefly **called** Skybolt), embodying 24...

3. MS 300 Epsilon II: Initially **named** Sabre; ...

4. A 109 Power: Revealed at 1995 Paris Air Show... Engineering **designation** is A 109E.

6. Su-30KN: An undelivered production Su-30 first flew in early March 1999 as the testbed (also **referred** to as Su-30K and Su-30KM).

6. Su-30МКК ('Flanker-C'): Second K **stands for** Kitaya, or China.

Для демонстрации комплексного применения тематических корпусов мы взяли фрагмент текста из «Каталога российского вооружения»³ по бронетанковой технике. Каталог содержит оригинальные тексты на русском языке и их переводы, поэтому основное внимание будет уделено редактированию текстов на ПЯ. В тексте, в частности, говорится о российском командирском танке Т-72СК.

В левой колонке размещён оригинал на русском языке, в правой — перевод на английский язык, в котором подчёркнуты все моменты, которые вызывают сомнение (они выделены в тексте подчеркиванием) и подлежат проверке с помощью тематического корпуса текстов по бронетанковому вооружению.

Оригинал	Перевод
<p style="text-align: center;">КОМАНДИРСКИЙ ТАНК Т-72СК</p> <p>Предназначен для обеспечения управления подчинёнными подразделениями, связи с вышестоящими командирами, а также ведения боевых действий в составе частей и подразделений. Экспортное исполнение. Основные характеристики командирского танка Т-72СК аналогичны характеристикам танка Т-72С. Дополнительно на Т-72СК установлены бензоэлектрический зарядный агрегат АБ-1-П/30-М1-У для обеспечения питанием энергопотребителей при неработающем основном двигателе, радиостанция Р-173, радиоприемник Р-173П, КВ радиостанция Р-134, танковое переговорное устройство Р-174. танковая навигационная аппаратура ТНА-4-3.</p>	<p style="text-align: center;">T-72SK COMMAND TANK</p> <p>The tank (1) <u>is intended</u> to (2) <u>control subordinate subunits, maintain communication with higher commanders</u> and take part in combat actions of units. (3) <u>The tank is made for export.</u> (4) <u>The basic characteristics of the T-72SK tank are similar to those of the T-72S tank.</u> The T-72SK tank additionally mounts the (5) <u>AB-1-P/30-M1-U gasoline-engine generating set to supply users with power with the main engine inoperative,</u> the R-173 radio set, R-173P radio receiver, R-134 SW radio set, R-174 interphone, and TNA-4-3 tank navigation equipment.</p>

³ <http://obuk.ru/technics/2166-katalog-rossijskogo-vooruzhenija-s.html>

Первое, что вызывает сомнение при просмотре перевода, — это часто встречающееся в тексте выражение “to be intended”, указывающее на предназначение оборудования. Проверка по корпусу текстов подтверждает правильность такого выбора и фиксирует 12 примеров словоупотребления. В то же время фраза “to be designed to” встречается в корпусе 160 раз в этом значении, что служит основанием для выбора именно этого варианта.

Танк предназначен для «обеспечения управления подчинёнными подразделениями, связи с вышестоящими командирами». Перевод этой фразы выполнен несколько дословно. Скорее всего, подобные машины описывались и раньше. Для поиска лучшего варианта в корпусе текстов мы выбрали опцию расширенного запроса. С этой целью в основное окно поиска вводим “command tank”, а в поле контекста — “communication, control”. В результате было отобрано 4 варианта, в которых описываются подобные машины отечественного и зарубежного производства. Во всех вариантах перечислены основные функции машин подобного класса. Однако в них не уточняется, для управления кем они используются и кому они подчиняются: “to provide control and communication functions”. При этом основная идея выдерживается и смысл не искажается.

В тексте рассматривается экспортный вариант боевой машины, что в переводе передается с помощью следующего предложения: “The tank is made for export”. Сомнение вызывает выбор глагола. Был построен конкорданс для слова “export”. Выбор переводчика не нашел подтверждения в списке конкорданса. Более благозвучными представляются варианты “it is an export version” или “the tank is developed for the export market”.

Следующие два предложения составляют большую часть взятого для анализа отрывка. Причём в последнем предложении перечисляется дополнительное оборудование, которое отличает Т-72СК от Т-72С, о чем говорится в предыдущем предложении. Поэтому в данном случае необходимо прибегнуть к переводческим трансформациям, а именно объединить эти два предложения. Главное предложение в сложноподчинённом предложении взято из описания командирских танков в корпусе текстов. Все тексты начинаются одинаково, так как за основу всегда берётся какой-то прототип: “This is a command version of the... МВТ”. В подчинённом предложении описываются особенности новой машины. Одной из них является наличие дополнительного бензоэлектрического зарядного агрегата АБ-1-П/30-М1-У. Переводчик дословно переводит это. Воспользовавшись функцией полного просмотра текстов, мы устанавливаем, что этот дополнительный зарядный агрегат, который используется для обеспечения питанием энергопотребителей при

неработающем основном двигателе (to power the communication equipment when the tank is stationary), есть на всех танках такого типа, и эквивалентом русского термина в английском языке служит словосочетание “additional generator”. Из данных текстов также были взяты примеры перевода названий дополнительного связного оборудования. В результате определённых преобразований мы приходим к следующему варианту перевода: “The T-72SK is a command version of the T-72S MBT with an AB-1-R/30-M1-U additional generator to power R-173 radio, R-173P receiver, R-134 HF radio, R-174 intercom and TNA-4-3 position indicator (navigation equipment) when the tank is stationary”.

Ниже представлен отредактированный нами перевод:

T-72SK COMMAND TANK

The tank (1) is designed to (2) provide control and communication functions and take part in combat. (3) The tank is developed for the export market.

(4) The T-72SK is a command version of the T-72S MBT with an (5) AB-1-R/30-M1-U additional generator to power R-173 radio, R-173P receiver, R-134 HF radio, R-174 intercom and TNA-4-3 position indicator (navigation equipment) when the tank is stationary.

Таким образом, польза тематического электронного корпуса текстов при выполнении технических переводов на иностранный язык представляется совершенно очевидной. Даже для редактирования такого небольшого отрывка мы прибегли к большинству случаев использования корпуса текстов, предложенных В.Н. Шевчуком. Стоит отметить, что для правки последних двух предложений корпус текстов использовался в качестве ресурса энциклопедической информации, представляя собой аналог Интернета. Только при работе с корпусом времени потребовалось намного меньше для поиска необходимой информации. Это объясняется тем, что тексты были отобраны специально для данного тематического корпуса, что исключает возможность появления нерелевантных результатов поиска.

Итак, в результате анализа возможностей электронного корпуса текстов для целей перевода мы выяснили, что корпус текстов не может полностью заменить словари и является эффективным средством в большей степени на этапе проверки вариантов перевода, в меньшей — на этапе выдвижения переводчиком предположений. Во-вторых, основным критерием оценки эффективности корпуса текстов является его репрезентативность, которая определяется возможностью проводить определённые лингвистические исследования с помощью данного корпуса. Поэтому для перевода технических текстов целесообразнее использовать тематические

корпусы. В-третьих, для извлечения информации из корпуса текстов пользуются корпус-менеджером. Функциональные возможности этой программы влияют на эффективность работы с корпусом текстов. В-четвёртых, особенности корпуса текстов и корпус-менеджера требуют определённой гибкости при работе с ними. Крайне важно составлять короткие и четкие запросы. К сожалению, объём статьи не позволил тщательнее проработать стратегии использования корпуса текстов. Способы работы с этим ресурсом не ограничиваются только теми, которые перечислены в статье. Опыт переводчика и его умение пользоваться словарями и другими ссылочными материалами помогают максимально эффективно использовать потенциал корпуса текстов.

Список литературы

- Владимов Н.В.* Корпусный подход к решению переводческих проблем // Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 24.
- Захаров В.П.* Корпусный менеджер как поисковая система. СПб., 2002. С.31.
- Рыков В.В.* Корпус текстов — категории «этос», «пафос» и «логос». М., 2005. С. 4.
- Цвиллинг М.Я.* Эвристические аспекты перевода и развития переводческих навыков. Л., 1977. С. 176.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М., 1973. С. 264.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 2009. С. 173.
- Латышев Л.К.* Проблема эквивалентности в переводе // Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1983. С. 26.
- Шевчук В.Н.* Корпусная лингвистика и перевод // Проблемы обучения переводу в языковом вузе / Вторая междунар. науч.-практ. конф. М., 2003. С. 79—81.
- Шевчук В.Н.* Некоторые когнитивные операции в письменном переводе // 35. Сб. науч. трудов № 4. Ч. II. М., 2000. С. 43.
- Шевчук В.Н.* Электронные ресурсы переводчика. М., 2009. С. 52.
- Эшби У.Р.* Конструкция мозга. М., 1962. С. 34.
- Adolphs S. et al.* Clinical Linguistics? Corpus Linguistics in Health Care Settings. CHLR, 1998. P. 5.
- Granger S.* The corpus approach: a common way forward for Contrastive Linguistics and Translation Studies? University of Louvain, 2003. P. 21.
- Hunston S.* Corpora in applied linguistics. CUP, 2002. P. 104.
- Laviosa, S.* Corpora and Translation: the Methods and Theories of Corpus Work in Translation. Manchester, 2000. P. 3.
- Wilkinson M.* Compiling Corpora for use as Translation Resources // Translation Journal. 2006. Vol. 10. N 1. P. 4.
- Программа-конкордансер AntConc 3.2.1W <http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp>
- Описание вертолёта Ми-26ТС <http://www.kubpoj.ru>
- Каталог российского вооружения <http://obuk.ru/technics/2166-katalog-rossijskogo-vooruzhenija-s.html>

Б. Пионтек,

преподаватель и соискатель кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: barbarapiontek@hotmail.com

СОБЛЮДЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИДЕОЛОГЕМ — НАЗВАНИЙ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются проблемы перевода с польского языка на русский язык идеологем — названий польского государства в разные исторические периоды. Генерализация как главный метод перевода названий Польши (в истории и в современности) связана с более синкретичным восприятием Польши в русскоязычном ареале, чем в польскоязычном обиходе.

Ключевые слова: идеологема, перевод, польский язык, русский язык, язык политики.

Barbara Piątek,

Lecturer and Graduate Student at the Department of Slavonic Languages and Cultures, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: barbarapiontek@hotmail.com

Upholding Traditions in Translation of Ideologemes: Names of the Polish State

The article deals with translation issues of specific ideologemes, namely the issues of Polish to Russian translation of different names of Poland in her different historical periods. Generalization as the main method of translating Poland's names throughout her history is connected with a more syncretic perception of Poland in the Russian language area as compared to the Polish language area.

Key words: ideologeme, translation, Polish, Russian, political language.

Статья посвящена переводу на русский язык идеологем — названий польского государства на протяжении его исторического развития как ключевых лексических единиц исторического и общественно-политического дискурса.

Под идеологемами понимаются «устойчивые по форме, легко воспроизводимые лексические единицы (слова и сочетания слов), обладающие целостным идеологическим значением, имеющие общественно-культурную и историческую значимость для данного этноязыкового сообщества: вневременную (у идеологем, прочно укоренившихся в этноязыковом сознании народа) или ограниченную хронологически определённым периодом существования данного этноязыкового сообщества» [Пионтек, 2010, с. 87].

Целый ряд идеологем обладает этноязыковой лингвокультурной спецификой. Перевод таких идеологем вызывает особые трудности. Эти трудности являются следствием того, что «каждый язык

на протяжении своей истории впитывает в себя особенности обычаев и характера народа, который на нём говорит, факты его истории (...). Особенности эти настолько существенны, что принято говорить о *языковой картине мира*, специфичной для говорящих на каждом языке как родном» [Алексеева, 2004, с. 171]. Языковая картина мира формируется на основе лексики с национально-культурным компонентом, к которой нередко относятся идеологемы, прошедшие большой путь развития и содержащие напластования эпох.

Проблема этнолингвистической специфики текста впервые стала ставиться еще на рубеже XVIII—XIX вв., тогда речь шла о «национальном колорите» [Алексеева, 2004, с. 94—95, с. 172]). В XX в. лингвострановедческая специфика текстов стала предметом обсуждения многих исследователей (см.: [Верещагин, Костомаров, 1990; Влахов, Флорин, 2009]), а на рубеже XX—XXI вв. в центре внимания оказался лингвокультурологический аспект текстов (см.: [Тер-Минасова, 2004, с. 10—43]).

Для перевода большинства текстов, насыщенных идеологемами, нужен определённый объем фоновой информации. Фоновая информация — это «социокультурные сведения, характерные лишь для определённой нации или национальности, освоенные массой их представителей и отражённые в языке данной национальной общности» [Виноградов, 2001, с. 36]. В.С. Виноградов указывает, что фоновая информация «охватывает прежде всего специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности её географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т.п. Всё то, что в теории перевода обычно именуют реалиями» [там же, с. 36—37]. В некоторых работах мы находим не только употребление термина *реалия*, но и *экзотизмы*, или *безэквивалентная лексика*.

С. Влахов и С. Флорин подчёркивают, что под реалиями в переводоведении понимают не только сами факты, явления и предметы, но также их названия, слова и словосочетания. «Реалия-слово как элемент лексики данного языка представляет собой знак, при помощи которого такие предметы — их референты — могут получить своё языковое обличье» [Влахов, Флорин, 1980, с. 7]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что и идеологемы относятся к категории политических реалий, так как они есть слова или словосочетания, «называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не подда-

ются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [там же, с. 47].

Перевод идеологем, несомненно, является непростой задачей, но, как пишет А.В. Федоров, «нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык хотя бы описательно, т. е. распространённым сочетанием слов данного языка» [Федоров, 1968, с. 182]. Выбор переводческих приёмов обусловлен рядом факторов, в том числе и степенью знакомства реципиента с данной тематикой, что может быть обусловлено даже страной, из которой он происходит [Влахов, Флорин, 1980, с. 144].

Сложности при переводе возникают, как правило, из-за отсутствия в языке, на который мы переводим, эквивалента данного объекта или явления, но это отнюдь не означает, что переводчик не в состоянии найти способ передать его значение.

В.Г. Кульпина пишет, что «одной из главных проблем переводоведения является проблема подбора языковых средств на языке перевода. В этом аспекте особой спецификой отличаются специальные тексты исторической и культурологической направленности: необходимый для их перевода контекст часто выходит далеко за рамки предложения и формируется пространственно-временными координатами тех событий, о которых данный текст повествует» [Кульпина, 1996, с. 241].

Особую трудность для перевода представляют исторические названия, в частности названия государств, меняющиеся на протяжении их существования. Целью данной статьи является анализ способов перевода идеологем — названий польского государства, а также выявление некоторых сложностей и закономерностей, которые могут возникнуть при её переводе с польского языка на русский.

Название государства представляет собой для его граждан большую ментальную и духовную ценность, и в силу этого оно является идеологемой национального сознания. В современном глобализирующемся мире названия государств нередко представляют собой также ценностные идеологемы для стран-соседей, для жителей данного региона и даже для людей на всем земном шаре — таков удел наиболее известных и значимых стран мира.

Обратимся к генезису идеологем — названий польского государства на протяжении его истории. С этой целью рассмотрим имя собственное *Польша* — по-польски *Polska*, которое вместе с его исторической атрибутикой является ценностной идеологемой для его граждан и идеологемой-интернационализмом для стран европейского региона и других стран, вовлечённых в мировой процесс.

Этимологически название *Polska* ‘Польша’ берет своё начало от прилагательного женского рода, в свою очередь образованного от существительного *pole* ‘поле’. Десять веков тому назад на праисторических польских землях на реке Варте обитали люди, зани-

мавшиеся земледелием. Доминирующим элементом пейзажа этой территории являлись поля, поэтому этих людей стали называть *полянами* (польс. Polanie) [SE, s. 403].

Название «страны полей» — лат. terra Poloniae, польс. ziemia Polska ‘Польская земля’, сокращенно *Polska*, стало в XI в. названием всего государства, расположенного в бассейне Одры и Вислы. По словам Яна Длугоша, средневекового историка и летописца, «древнее название лехиты (польс. Lechici, Lechitowie) вскоре забылось, и весь народ и страна стала именоваться Польшей» [ESI, t. 4, s. 68]. О происхождении названия Польши см. подробнее мнение историка [Urbańczyk, 2008] и лингвиста [Mańczak, 2010].

В хронике Галла Анонима XII в. содержится официальное название страны — лат. Regnum Poloniae (польс. Królestwo Polskie), и такое название сохранилось в польской исторической традиции, так как оно было связано с политической программой, в основе которой лежало стремление к воссоединению раздробленного государства и восстановлению в нем королевской власти [Тымовский, Кеневич, Хольцер, 2004, с. 49; 103]. «Появление использованного господствовавшей элитой термина “Królestwo Polskie” ‘Польское Королевство’ стало главным результатом почти двухвекового периода становления и упрочения польского государства» [там же, с. 49].

Królestwo Polskie на русский язык в большинстве исторических материалов переведено как *Польское королевство* [СЭС, с. 1047], однако в некоторых материалах выступает перевод *Королевство Польское* [КИП, с. 501] и *Королевство Польша* [ИЮиЗС, с. 159].

В XIV в., в 1356 г., впервые для обозначения польского государства появляется новое название — лат. Corona Regni Poloniae (польс. Korona Królestwa Polskiego), которое на русский язык можно перевести как ‘*Корона Польского королевства*’. Термин пришёл в Польшу из Западной Европы, и его принятие было обусловлено внутренними политическими переменами и внешнеполитическим положением Польши. Новое понимание государства заключалось в отделении личности правителя от государства [Тымовский, Кеневич, Хольцер, 2004, с. 105].

XVI в. приносит очередное изменение в название польского государства. Так, в 1569 г. в результате Люблинской унии возникает Речь Посполитая Короны Польской и Великого княжества Литовского (польс. Rzeczpospolita Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego) как плод государственного объединения Польши и Литвы. Это государство продолжает своё существование вплоть до разделов Польши, т.е. до 1795 г.

В польской историографии для обозначения вышеназванного государственного образования широко применяется в качестве официального его редуцированное название *Rzeczpospolita Obojga*

Narodów ‘Речь Посполитая Обоих Народов’. В самом документе Люблинской унии, завещании короля Сигизмунда Августа, а затем и других политических документах упоминается о том, что создано «государство двух народов» [SH, s. 256]. *Речь Посполитая Обоих Народов* — так и называлось государство в течение длительного времени, став как официальным, так и обиходно-разговорным названием данной государственной формации. В переводе на русский язык встречаются варианты *Польско-Литовское Государство Двух Народов*, *Речь Посполитая Двух Народов* [МиОС, с. 13; 53], *Республика Двух Наций* (ИЦВЕ, с. 5) либо *Польско-литовская шляхетская республика* [ПиЕ, с. 5]. Однако в результате анализа исторических материалов, описывающих эту эпоху, можно прийти к выводу, что в русской терминологии чаще всего используется неразвёрнутое традиционное название *Речь Посполита/Речь Посполитая* [СЭС, с. 1047]. Это можно объяснить тем, что в сокращённом варианте государство с XVI по XVIII в. называлось *Rzeczpospolita* ‘Речь Посполитая’, и именно его мы часто находим в самих польскоязычных исторических материалах. При этом лексема *Rzeczpospolita* является калькой латинского выражения *res publica* и означает «общее благо». Впервые это название было употреблено польским летописцем и историком Винцентом Кадлубеком в XII в., но в то время Польшу как республику — *res publica* — В. Кадлубек понимал скорее в этических, чем географических или юридических категориях [КР, s. LXXII].

Историками применяется ещё одно название этого периода — *Rzeczpospolita szlachecka* и его эквивалент ‘*Речь Посполита шляхетская*’ либо ‘*Республика шляхетская*’, но оно никогда не было официальным названием страны, а скорее своего рода указанием на форму феодального государства, характерную для Польши начиная с XVI в.

С XVII в. в дипломатической переписке и других политических документах использовалось название *Najjaśniejsza Rzeczpospolita Polska* (лат. *Serenissima Res Publica Poloniae*) ‘*Светлейшая Речь Посполитая*’ [WTŻ, s. 403].

После упадка Речи Посполитой в XVIII в. под протекторатом Наполеона было создано *Księstwo Warszawskie* (1807—1813) ‘*Варшавское герцогство*’. Несмотря на то, что в Большом польско-русском словаре находим следующий перевод: *księstwo* — княжество; *Księstwo Warszawskie*, *исм.* Варшавское герцогство [WSPR, s. 368], во многих распространённых материалах по истории Польши *Księstwo Warszawskie* переводится все-таки как ‘Варшавское княжество’.

С чем связаны эти два варианта перевода? В допетровской России существовал лишь один титул — князь. В эпоху Петра Великого распространились заимствованные с Запада графские и баронские

титулы [Юрганов, Кацва, 1998, с. 275]. Титулы могли дублироваться. Так, например, в царской России титул герцога считался равнозначным титулу князя, отсюда и две возможности назвать территорию, находящуюся во владении данного правящего лица, *княжество* либо *герцогство*. Однако в русской традиции *Księstwo Warszawskie* называется ‘*Варшавским герцогством*’, что связано с заимствованным из немецкого языка титулом герцога (нем. Herzog). Этот вариант перевода фигурирует в исторических материалах, авторами которых являются российские историки, следовавшие русской традиции номинации [ИР, с. 245]. Он же выступает в переводах с других языков (кроме польского), например с французского [ИЦВЕ, с. 357]. Второй вариант перевода — *Варшавское княжество*, или *Княжество Варшавское*, выступает в тех случаях, когда источником перевода является польскоязычный текст [Тымовский, Кеневич, Хольцер, 2004, с. 303; ИПД, с. 168—171] и/или автор владеет польским языком и знает польскую историческую традицию [ИЮиЗС, с. 529—530; КИП, с. 501].

После поражения Наполеона *Варшавское герцогство* перестало существовать и вошло в состав образованного по решению Венского конгресса в 1815 г. автономного государства, объединённого с Россией персональной унией. Оно официально называлось *Królestwo Polskie* ‘Королевство Польское’, или *Królestwo Kongresowe* ‘Королевство конгрессовое’, а в польской разговорной речи — *Kongresówka* ‘Конгресувка’. Для этой государственной формации в русской традиции номинации существует название *Царство Польское* [WSPR, 1, s. 362], хотя в переводных материалах, как правило, функционирует калькированное с польского языка название *Королевство Польское* [ИПД, с. 172—175; 190—191; 195—197]. В одном из источников автором используются оба наименования таким образом, что когда впервые упоминается о Польше этого периода, сначала выступает название *Королевство Польское*, а в скобках даётся слово-пояснение ‘*Царство*’ [ИСЛ, с. 491]. Далее по тексту применяется уже исключительно название *Царство Польское*.

Кроме того, существует ещё название *Kongresówka*. С точки зрения словообразования это название является продуктом универбизации, т.е. преобразования названия, состоящего из нескольких слов в одно слово. Выражения с существительными среднего рода преобразуются в форму женского рода [Grzegorzczkova, 1979, s. 45]. См. примеры: Stare Miasto ‘Старый город’ — Starówka; Królestwo Kongresowe ‘Конгрессовое королевство’ — Kongresówka.

Н. Девис так описывает причины образования такого названия: «Говоря о нём (государстве), использовалась ласковая уменьшительная форма “конгресувка”, т.е. маленькое, беденькое создание конгресса» [Davies, 1994, s. 389]. На русский язык переводим его, прибегая к транскрипции (‘конгресувка’).

Царство Польское просуществовало до 1915 г., но вследствие двух восстаний, направленных против царя, занимаемая им территория утратила автономию. В результате данное образование «прекратило своё существование как особое владение русского государя с особыми правами и особым внутренним строем. Этот факт отразился в сознании русского правительства и общества тем, что само название Царство Польское стало выходить из употребления и заменяться названием “Привисленский край”» [Любавский, 2004, с. 553]. В конце XIX в. новое название, вначале чисто разговорное, стало проникать уже и в законодательный язык, хотя никогда не стало официальным. В польской исторической терминологии существуют два названия: одно является калькой из русского языка — *Przywiślański Kraj*, второе образовано по правилам словообразования польского языка — *Kraj Nadwiślański*.

Жизнь польского государства возобновилась в 1918 г. Его название *Rzeczpospolita Polska* ‘Польская Республика’ подчёркивало преемственность с Речью Посполитой (1569—1795), прекратившей своё существование в конце XVIII в. Отсюда и определение *Druga Rzeczpospolita*, либо *II Rzeczpospolita (II RP)* ‘Вторая Речь Посполитая’.

Прекращение дипломатического признания польского правительства в изгнании Соединённым Королевством Великобритании и США в 1945 г., а впоследствии и другими странами мира, следует считать фактическим концом *Второй Речи Посполитой* как субъекта международного права.

Официальным названием Польши в период с 1952 по 1989 г. стало *Polska Rzeczpospolita Ludowa (PRL)* ‘Польская Народная Республика (ПНР)’. От аббревиатуры названия страны образовано часто употребляемое прилагательное *peerelewski/PRL-owski* ‘касающийся Польской Народной Республики, пээнеровский’ (например, *gospodarka peerelewska* ‘экономика Польской Народной Республики’).

В 1989 г. после общественно-политических преобразований страна вернула себе историческое название *Rzeczpospolita Polska*. Точный перевод названия нынешнего польского государства звучал бы как ‘Польская республика’ (слово *Polska* в словосочетании *Rzeczpospolita Polska* является прилагательным). Однако при его официальном переводе на русский язык в качестве второго элемента употребляется не прилагательное, а существительное — Польша, что, во-первых, позволяет сохранить исходный порядок слов, а во-вторых, — не изменять аббревиатуры RP ‘РП’ [Тымовский, Кеневич, Хольцер, 2004, с. 528]. И, таким образом, официальным названием польского государства в переводе на русский язык является Республика Польша.

В преамбуле польской Конституции от 1997 г. употребляются ещё одно цифровое обозначение польского государства — *Третья*

Речь Посполитая (польс. *Trzecia Rzeczpospolita*), хотя официальным названием остаётся Польша Республика (польс. *Rzeczpospolita Polska*) [KRP, s. 8]. Причиной появления такого обозначения явилось стремление обеспечить преемственность с традицией государств-предтеч — Первой Речи Посполитой и Второй Речи Посполитой [Ibid, s. 7].

Суммируя приведённый выше обзор исторических названий Польши, отметим, что в языковом сознании носителей русского языка название Польши как идеологема русского языкового сознания функционирует в нерасчленённом синкретичном виде, без разбиения на исторические периоды существования Польши и без учёта исторических изменений, модификаций и нюансов её существования. Сформировалась определённая традиция перевода на русский язык лексем, означающих Польшу в разные исторические периоды, и своей задачей мы считали представить эту логику и эту традицию. Хотя, подчеркнём, что для носителей русского языка, не являющихся рафинированными историками, в качестве обозначения польского государства существует фактически лишь одна лексема — Польша, и независимо от исторических названий, функционирующих в польской и российской историографии, эта идеологема едина, цельна и фактически не подлежит какому-либо развёртыванию. Такое видение страны находит своё воплощение в общественно-политическом дискурсе и в переводах с польского языка, содержащих данную идеологему, где в качестве переводческой трансформации чаще всего применяется приём генерализации. «**Генерализацией** называется трансформационная операция, в ходе которой переводчик, следуя по цепочке обобщения, заменяет понятие с более ограниченным объёмом и более сложным содержанием, заключённое в слове или словосочетании исходного текста, понятием с более широким объёмом, но менее сложным, менее конкретным содержанием. Таким образом, генерализация непременно предполагает сокращение элементов содержания, т.е. в определённом смысле потери при переводе» [Гарбовский, 2004, с. 426], иными словами, более узкой по своему значению единице исходного языка (ИЯ) соответствует более широкая семантическая единица в языке перевода (ПЯ), поэтому «такая трансформационная операция может быть также определена как гиперонимическое образование» [там же]. Синкретизм переводных номинаций, через приём генерализации отражая обобщённость представлений о Польше носителей русского языка — как предков россиян, так и россиян современных, позволяет определить место рассматриваемых идеологемических лексем в языковых картинах мира обоих рассматриваемых языков.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура / Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990.
- Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Кульпина В.Г.* Взаимодействие культур сквозь призму лингвокультурологической категории культурно-исторической точки отсчета // Россия и Запад: Диалог культур. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Павловская; МГУ, ф-т иностр. языков. Центр по изучению взаимодействия культур. М., 1996. С. 241—249.
- Пионтек Б.* Идеологема как ключевая лексическая единица общественно-политического дискурса и как концепт общественного сознания современной языковой личности в России и в Польше // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 85—95.
- Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2004.
- Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши / Пер. с польск. М.: Изд-во Весь мир, 2004.
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1968.
- Юрганов А. Л., Кацва Л. А.* История России XVI—XVIII вв. М.: ЧеРо; Мирос, 1998.
- Davies N.* *Boże igrzysko. Historia Polski. T. 2 /* Tłum. E. Tabakowska. Kraków: Znak, 1994.
- Grzegorzczkova R.* *Zarys słowotwórstwa polskiego: słowotwórstwo opisowe.* Warszawa: PWN, 1979.
- Mańczak W.* *Czy cudzoziemcy nadali imię Polsce? // Prace Komisji Nauk Filologicznych, oddział PAN we Wrocławiu. 2010. N 2. S. 343—345.*
- Urbańczyk P.* *Trudne początki Polski.* Wrocław: Wyd-wa Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008.

Словари

- СЭС — Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1989.
- ESI — *Gloger Z.* *Encyklopedia staropolska ilustrowana /* Wstęp J. Krzyżanowskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974.
- SE — *Długosz-Kurczabowa K.* *Słownik etymologiczny języka polskiego.* Warszawa: Wydaw. Naukowe PWN, 2005.
- SH — *Словник истории Polski /* Pod red. J. Maciszewskiego. Warszawa: Polska Oficyna Wydawnicza, 1998.

WSPR — *Hessen D., Stypuła R.* Wielki słownik polsko-rosyjski: W 2 t. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2001.

Источники

ИПД — *Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я.* История Польши с древнейших времен до наших дней / Под ред. А. Сухени-Грабовской, Э.Ц. Круля. Варшава: ПВН, 1995.

ИР — *Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунов А.Ю., Терещенко Ю.Я.* Основы курса истории России. М.: Простор, 1997.

ИСЛ — *Любавский М.К.* История западных славян. 3-е изд. М.: Парад, 2004.

ИЦВЕ — *Алексюн Н., Бовуа Д., Дюкре М., Ключовский Е., Самсонович Г., Вандич П.* История Центрально-Восточной Европы / Пер. с фр. М.Ю. Некрасов, А.Ю. Карачинский, И.А. Эгипти. СПб.: Евразия, 2009.

ИЮиЗС — История южных и западных славян: В 2 т. / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой. М.: Изд-во Моск. ун-та; Печатные Традиции, 2008.

КИП — *Горизонтов Л.Е., Дьяков В.А., Зуев Ф.Г.* и др. Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. В.А. Дьяков. М.: Наука, 1993.

МиОС — *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой / Отв. ред. Л.А. Софронова; Исл РАН. М., 2002.

ПиЕ — Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой: Сб. ст. / Исл РАН. М., 1999.

KRP — *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej.* Kraków: Zakamycze, 2002.

KP — *Mistrz Wincenty zwany Kadłubkiem.* Kronika polska / Przekład i opr. В. Kürbis. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1992. N 277.

WTŻ — *Wiek XVI-XVIII w źródłach. Wybór tekstów źródłowych z propozycjami metodycznymi dla nauczycieli historii i studentów / Oprac. M. Sobańska-Bondaruk, S.B. Lenard.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Д.В. Бердникова,

преподаватель кафедры английского языка факультета менеджмента НИУ Высшая школа экономики; e-mail: dberdnikova@hse.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЗАИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ШОТЛАНДСКОЙ НАРОДНОЙ БАЛЛАДЫ «ТОМАС РИФМОПЛЁТ»

Перевод фольклорных произведений требует от переводчика полного понимания как содержания, так и языковых особенностей исторического периода создания данного текста. Жанр шотландской баллады представляет дополнительные трудности в силу важности не только содержательной, но и формальной стороны произведения. Переводчик баллады С. Шабалов выбирает дословный перевод в качестве основной стратегии, которая не предполагает использования каких-либо трансформаций. В анализируемом переводе наблюдается достаточное количество лексических и синтаксических трансформаций, которые рассматриваются в настоящей статье.

Ключевые слова: фольклорный текст, перевод, баллада, шотландская народная баллада, дословный перевод, языковая асимметрия, переводческие трансформации, среднеанглийский язык.

Daria V. Berdnikova,

Lecturer at the Department of the English Language, Faculty of Management, Higher School of Economics State University, Moscow, Russia; e-mail: dberdnikova@hse.ru

The Peculiarities of Prosaic Translation of Scottish Folk Ballad “Thomas the Rhymer”

The translation of folk texts requires full comprehension of the content and language peculiarities in a particular historical period. The Scottish ballad genre presents special challenges in terms of its linguistic and textual structural features. S. Shabalov, the translator of the Scottish ballad “Thomas the Rhymer” into Russian, chooses direct rendering as a translation strategy that does not imply using any transformations. The author of this version makes use of sufficient amount of lexical and syntactical transformations, which are analyzed in the article.

Key words: folk texts, translation, ballad, Scottish folk ballad, literal translation (direct translation), language asymmetry, translation transformations, Middle English.

Перевод художественного текста испокон веков считается самым трудоёмким видом перевода, так как переводчик является творцом нового художественного поэтического произведения. Б. Пастернак писал: «Переводы мыслимы, потому что в идеале и они должны быть художественными произведениями и, при общности текста, становятся вровень с оригиналами своей собственной неповторимостью» [Пастернак, 1991, с. 393].

Поэзия — это особый жанр художественной литературы, для которого характерны стихотворная строка, ритм, метр, также особое внутреннее строение (форма), а также специфическая система компонентов и их взаимосвязи (средства, приёмы). Основными критериями определения и классификации произведений являются методы поэтической обработки текста.

По мнению В.В. Виноградова, поэтическое произведение — «это устойчивая, завершённая, самозамкнутая структура, сформированная на основе сосуществования, взаимодействия, соотношения и динамической последовательности строго определённых средств элементов поэтического выражения» [Виноградов, 1963, с. 131].

«Передача звучания текста средствами другого языка составляет одну из центральных проблем теории и практики поэтического перевода и тех случаев, когда звучание приобретает смысл» [Гарбовский, 2007, с. 387]. Это высказывание перекликается с мнением одного из основателей поэтического перевода в России, выдающегося переводчика М.Л. Лозинского, который утверждал, что «поэт, приступая к переводу чужеземных стихов, берёт на себя задачу, в конечном счёте, невыполнимую, и успех его зависит лишь от того, насколько глубоко он продвинулся в решении этой задачи, насколько ему удалось приблизиться к непостижимой цели» [Лозинский, 1955; цит. по: Дмитриева, 2009, с. 99].

Основной задачей переводчика поэтических текстов является необходимость реализовать одну из коммуникативных функций произведения, а именно художественно-эстетическую и поэтическую. Цель произведений данного типа заключается в создании художественного образа и эстетического воздействия на читателя [Комиссаров, 1990, с. 97].

Работая над переводом фольклорных поэтических произведений, переводчик сталкивается с рядом проблем, которые условно можно подразделить на группы.

Для стихотворных жанров выделяется группа проблем, связанных с организацией стихотворного текста в целом. К ним относятся все виды рифмообразующих приёмов (анафора, эпифора, внутренняя и межстрочная аллитерация, ассонанс) и ритмический строй стиха [Лиморенко, 2007, с. 10—11]. Поэтические размеры фольклорных произведений разных народов культурно обусловлены эмоционально-стилистической окраской. Как отмечает О.М. Семёнова, «слово и словесный ряд могут вмещать в себя одновременно и логико-понятийное, и образное, и эмоционально-оценочное, и ритмико-звуковое начало. Любой элемент в поэтическом тексте может становиться значимым, а формальные элементы могут приобретать семантический характер, что увеличивает информативность текста» [Семёнова, 2003, с. 22] и является дополнительной сложностью для переводчика.

Во вторую группу попадают проблемы, связанные со спецификой структуры и языком именно фольклорных поэтических текстов: устойчивые формулы, эпические повторы, общие места, параллелизм строк в стихотворных текстах, особая ритмичность, рифма или её отсутствие. Также к этой группе относятся проблемы, связанные с употреблением архаических, диалектических слов, вышедших из употребления в современном языке; лексическая многозначность, оставляющая простор для интерпретации текста; идиоматические выражения; особая символика и образность, которой нет соответствия в языке перевода.

К третьей группе можно отнести сложности, связанные с языковой асимметрией знаков переводящего и исходного языков. Языковая асимметрия возникает когда «знак и значение не покрывают друг друга полностью» [Карцевский, 2000, с. 76], т.е. план выражения в исходном языке (ИЯ) не совпадает полностью с планом содержания в переводящем языке (ПЯ). Одно и то же значение может быть выражено разными знаками, так же как один знак может иметь разные функции. На фоне этого возникают явления омонимия и синонимия, когда «переводчики в ряде случаев ошибочно принимают за универсалии и используют в качестве эквивалентов знаки переводящего языка, имеющие сходные внешние оболочки (чаще всего фонетические) со знаками исходного языка, но отличающиеся семантикой или особенностями функционирования в речи» [Гарбовский, 2007, с. 324].

Здесь переводчик встаёт перед выбором — либо создать «аналог на своей языковой почве», либо «создавать чужую необычную словесную форму» [Федоров, 2006, с. 123]. Перед переводчиками поэтического произведения всегда стоит двойная задача: не только перевести сам текст, стараясь максимально сохранить поэтическую форму, но и передать смысловую наполненность произведения, его атмосферу. Часто переводчикам приходилось отказываться от передачи формы и стиля произведения. Для многих переводных стихотворных произведений характерна совершенно отличная от оригинала «картинка» (система образов). Главное, чем следует руководствоваться переводчику, это то, чтобы «восприятие произведения современным читателем подлинника было аналогично восприятию произведения современным читателем перевода» [Алексеева, 2001, с. 255].

В связи с этим нам представляется интересным проанализировать оригинал старинной шотландской народной баллады «Томас Рифмоплёт» (“Thomas the Rhymer”) с тем, чтобы попытаться показать особенности её перевода. «Перевод выполнен по изданию: *The Wisdom of the Scots. A choice and a comment by M. McLaren.* London: Michael Joseph, 1961. Текст поэмы написан на архаичном

шотландском диалекте» [Шабалов, 2001, с. 97]. Данный текст перевода опубликован в книге «Шотландская старина: книга сказаний» С. Шабалова (2001) и сопровождается переводческо-историческим комментарием.

Критерием выбора данного материала послужила уникальность как самой баллады, написанной на шотландском диалекте английского языка, так и перевода, выполненного в прозаической форме.

Баллада «Томас Рифмоплёт» была записана в четырёх манускриптах, хранящихся в библиотеках в разных частях Великобритании. The Thornton MS (manuscript) хранится в библиотеке Собора Линкольн (Lincoln Cathedral) в городе Линкольн, на востоке Англии. Манускрипт Торнтон считается самым древним собранием фольклорного наследия Великобритании (1400—1430). Дж. Мюррей не без оснований считает, что это самый точный и надёжный источник, так как Роберт Торнтон старался не вносить никаких изменений в текст, который меньше других подвергся последующим корректировкам и влиянию времени [Murray, 1875, с. 56].

Роберт Торнтон (1418—1456) из Йоркшира принадлежал к классу землевладельцев, занимался переписыванием и составлением манускрипта, который впоследствии стал ценным собранием средневековой литературы Великобритании. Баллада «Томас Рифмоплёт» занимает девять страниц манускрипта и написана в две колонки по 36–40 строк в каждой. В текст баллады входят не только три части, но и четверостишия со знаменитыми предсказаниями Томаса Рифмоплёта.

Баллада «Томас Рифмоплёт» состоит из 66 строф, первая и третья, а также вторая и четвёртая строки которых рифмуются:

Als I me went this endris day,
Full fast in mind makkand my moan,
In a merry morning of May
By Huntly Bankis myself alone
(подчёркнуто мной. — Д.Б.)
[Joseph, 1961, p. 27—35].

**Такой же день я шёл себе
один Охотничьим Берегом;
в то веселое майское утро
я горько жаловался в своей душе**
(подчёркнуто мной. — Д.Б.)
[Шабалов, 2001, с. 90].

Что касается языковых особенностей, то среднеанглийское слово **als** в этом отрывке соответствует **as** («так, таким образом») в современном английском языке, а **endris day** — **other day**, впервые упоминается в Коттонском манускрипте XVI в. Cott. MS þis endir dai. **Makkand** представляет герундий от ранне-среднеанглийского глагола **macian** (**make** — современный английский язык). Суффикс для образования герундия **-and** характерен только для северного диалекта среднеанглийского языка (North Middle English). **Bankis**, где **s** обозначает множественное число, происходит от древнескандинавского **banki** (Old Norse) — «берег».

Данный вариант намного подробнее, чем многие другие, более поздние варианты баллады. Следует отметить, что не были предприняты попытки поэтического перевода этого подробного текста.

«Относясь к любому избранному нами тексту, прежде всего как к первоисточнику, мы отказались от мысли перевести балладу стихами и предлагаем читателю подстрочный прозаический перевод», — так пишет С. Шабалов в своей книге «Шотландская старина. Книга сказаний» [Шабалов, 2001, с. 97]. Целью переводчика было передать как можно точнее с помощью переводящего языка то, что изложено в балладе. Здесь мы можем говорить о дословном переводе, т.е. переводе, который состоит в «передаче структуры предложений без изменения конструкции и без существенного изменения порядка слов» [Рецкер, 1982, с. 7]. Но, как видно из сравнения приведённых выше строк, передача синтаксической структуры и порядок слов в переводе не совпадают с оригиналом.

Канадские ученые Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне рассматривают особенности дословного перевода в статье «Технические способы перевода» (1978). Они считают, что дословный перевод представляет собой способ перевода «с языков, входящих в одну и ту же семью (французский — итальянский), и в особенности между языками, входящими в одну и ту же культурную орбиту» [Вине, Дарбельне, 1978, с. 160]. Только в этом случае перевод будет удачным. Имеет смысл заметить, что к дословному переводу прибегали переводчики, работая над переводами таких памятников культуры и религии, как Библия, Коран и многих других, где было важно каждое слово. Дословный перевод не отменяет при этом использование переводческих трансформаций и приёмов [Вине, Дарбельне, 1978, с. 160].

Согласно литературному поэтическому словарю, подстрочный перевод является преднамеренно буквальным прозаическим переводом поэтического произведения, сопровождаемый многочисленными пояснениями и комментариями и служащий в дальнейшем основой для создания равноценного поэтического произведения на языке перевода другим переводчиком, который не владеет языком оригинала или же владеет им недостаточно для восприятия всех тонкостей поэтического текста.

Пословный перевод (буквальный или подстрочный) — это механический перевод слов иностранного текста в том порядке, в каком они встречаются в тексте, без учета их синтаксических и логических связей. Дословный перевод при правильной передаче мысли переводимого текста стремится к максимально близкому воспроизведению синтаксической конструкции и лексического состава подлинника.

Мы бы хотели рассмотреть пример из баллады «Томас Рифмоплёт» с тем, чтобы понять, как осуществляется дословный перевод поэтического произведения, так как английский и русский не являются родственными языками.

I heard the jay and the throstell,
The mavis menied of hir sang,
The woodwale beried als a bell,
That all the wood about me rang
[Joseph, 1961, p. 28].

Я слышал сойку и дрозда;
дрозд горевал в своей песне;
жаворонок пел как колокольчик;
Так что весь лес вокруг меня звенел
[Шабалов, 2001, с. 90].

Заявленная дословность данного перевода не всегда является таковой, так как каждая строка текста баллады содержит в себе инверсию в той или иной степени: Her selle it was of roelle-bane, full seemly was that sicht to see! — Седло под ней было из кости, — зрелище это ласкало взор.

Следует обратить внимание на следующий отрывок:

Her palfray was a dapple gray;
Swilk ane ne saw I never nane;
(подчёркнуто мной. — Д.Б)
Als does the sun on summer's day,
That fair lady herself scho schane
[Joseph, 1961, p. 27–35].

**Под ней был серый в яблоках скакун;
такого я никогда не видывал;
(подчёркнуто мной. — Д.Б)
Как солнце в летний день,
сияла эта прекрасная госпожа**
[Шабалов, 2001, с. 90].

Часть слов имеет отношение к среднеанглийскому периоду. Например, слово “palfrey”, относящееся к XII—XIII вв., происходит от старофранцузского слова “palefrei” — верховая лошадь для дам. В современном английском языке эта лексема функционирует в форме “palfrey” как поэтическое и историческое слово для обозначения лошади для дам. Фраза “dapple gray” бытовала с XV по XVII в. и первоначально слово «dapple» означало «пятнистый», так как происходило от исландского слова “deppil” (XIII в.) — «пятнышко». Другая часть лексики имеет отношение к древнеанглийскому языку. Сравните: “Swilk” восходит к древнеанглийскому слову “swilc” в значении “such”, “ane” — среднеанглийское слово “anes” — “once”, отрицательная частица “ne” образовалась от древнеанглийского слова “nē + o”, тогда как “nane” — none происходит от древнеанглийского слова “nan”, которое, в свою очередь, сформировано отрицательной частицей “nē” (not) и числительным “an”(one). Для среднеанглийского периода характерно двойное отрицание, тогда как в представленном отрывке мы можем наблюдать случай употребления тройного отрицания.

Слово “fair” (faire — fager, faier, fei(e)r, vair, fare, fer (early ME) связано с древнеанглийским “fæger” — прекрасный о характере,

красивый о внешности, также имеет значения светлокосый, со светлыми глазами и волосами. Форма “hirsself” (herself), характерная для среднеанглийского языка, эволюционировала от древнеанглийского “hire sylfre”. Буквосочетание “sch (sh)” было характерно для шотландского диалекта и встречается в таких словах, как среднеанглийское местоимение “scho” (she), образованное от древнеанглийских местоимений “sio, seo”. Глагольная форма “schane” (shone) функционировала в северном диалекте среднеанглийского языка с XIV по XVI в., что опять же косвенно является указателем временных рамок, в которые данный вариант баллады был записан.

С. Шабалов в своём переводе прибегает к целому ряду переводческих трансформаций на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях. Одним из аспектов, которым пользуется С. Шабалов, является такая переводческая трансформация, как перестановка. Термин «перестановка» впервые встречается в книге Л.С. Бархударова «Язык и перевод» (1975). Перестановка связана с «изменением порядка слов и словосочетаний в структуре предложения, так как известно, что словопорядок в английском и русском языках неодинаков; это, естественно, не может не сказываться в ходе перевода [Бархударов, 1975, с. 191].

Случаи использования такого приёма в тексте перевода очень часты, так как для текста оригинала свойственна повсеместная инверсия, что является неизменным атрибутом балладно-поэтического жанра:

Into the hall, suthly, scho went;	Она вошла прямо в зал;
Thomas followit at hir hand;	Томас проследовал бок о бок за ней;
Than ladies come baith fair and gent,	Затем к ней вышли с учтивостью
With courtesy to hir kneela	женщины, прекрасные и благородные
[Joseph, 1961, p. 33].	[Шабалов, 2001, с. 94].

К лексико-семантическим модификациям, которые использует переводчик, можно отнести сужение (конкретизация) и расширение (генерализация) исходного значения, также есть случаи нейтрализации и усиления эмфазы, и смыслового развития.

Остановимся подробнее на конкретизации и генерализации (Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Ж.-П. Вине, К. Дарбельне) или сужении и расширении исходного значения (Т.А. Казакова).

Согласно Л.С. Бархударову, конкретизация бывает языковой и контекстуальной (речевой). Здесь мы наблюдаем языковые конкретизации, замены слов с широким значением словами с более узким, обусловленные расхождением в строе двух языков [Барху-

даров, 1975, с. 210]. При переводе на русский конкретизируются глаголы движения **come** и **go**, так как они семантически не включают способ передвижения и являются более общими по значению.

Now sall I **go** (здесь и далее выделено мною. — Д.Б.)
with all my might,
Hir for to meet at Eildon Tree
[Joseph, 1961, p. 29].

Изо всех моих сил я сейчас **побегу**
(здесь и далее выделено мною. — Д.Б.)
чтобы встретить её
у Эйлдонского дерева
[Шабалов, 2001, с. 92].

К контекстуальной конкретизации переводчик прибегает при переводе следующих строк:

Scho bare a **horn** about hir halse;
And under hir belt full mony a flone
[Joseph, 1961, p. 28].

На шею у неё висел **охотничий рог**
а за поясом было множество стрел
[Шабалов, 2001, с. 91].

Rachis lay **lapped** in the blude
[Joseph, 1961, p. 33].

Гончие лежали, **лакая** кровь
[Шабалов, 2001, с. 94].

Переводчик также прибегает к контекстуальной конкретизации, так как буквальный перевод данной строки «гончие лежали, плескаясь в крови» создаст лишнюю эмфазу на лексическом уровне, не обусловленную содержанием текста, так как в этой строфе идёт простое описание пира во дворце Королевы.

Alone in **longing**, thus als I lay,
Underneath a **seemly** tree
[Joseph, 1961, p. 28].

Одинокий в **тоске** какой я лежал
под сенью **пригожего** дерева
[Шабалов, 2001, с. 91].

При передаче слова *longing* (сильно желать) переводчик прибегает к замене не только части речи (деепричастия на существительное), но и самого плана выражения, так как слова «сильно желать» и «тосковать» не являются синонимами. Но в то же время оба слова имеют одно следствие: душевная мука из-за отсутствия предмета желания. Данный приём мы можем назвать смысловым развитием, основанном на замене причины следствием (Я.И. Рецкер). Рассмотрим фразу *Her selle it was of roelle-bane, full seemly was that sicht to see!*, которая переведена как «Седло под ней было из кости, — **зрелище это ласкало взор**» где *seemly* (adj.) — «красивый, на который приятно смотреть». Это слово пришло из древненорвежского языка (*soemiligr*) в XIII в. Как мы можем видеть, здесь автор перевода отошёл от принципа дословности и воспользовался приёмом смыслового развития.

В случаях усиления эмфазы автор руководствовался общим характером балладного жанра, которому свойственно преувеличение

всех качеств, как положительных, так и отрицательных, для придания красочности создаваемых образов.

Hir hair it **hang all ower hir head**, Все волосы на голове её **стояли дыбом**,
Hir een seemit out, that ere were gray её серые глаза, казалось, **вылезли**
[Joseph, 1961, p. 28]. [Шабалов, 2001, с. 91].

He said, "Yon is Mary, **most of nicht** Он сказал: "То Мария, **Владычица**
[Joseph, 1961, p. 28]. **величайшая** [Шабалов, 2001, с. 91].

Queen of **Hevin** am I nocht, Я не Владычица **Неба** ибо никогда
For I tuik never so **heich degree** не **забиралась я так высоко**
[Joseph, 1961, p. 29]. [Шабалов, 2001, с. 91].

С точки зрения лингвистики и переводоведения текст баллады как сложное закодированное сообщение представляет определённые трудности для понимания и особенно для перевода.

С.Е. Никитина выделяет два уровня понимания фольклорного текста. Первый уровень подразумевает владение языком и типичными социокультурными знаниями. «Такое прочтение означает поверхностное знакомство с текстом, при котором непонимание диалектизмов и историзмов частично устраняется с помощью словарей. Однако полное, глубокое понимание фольклорного текста требует знакомства с семантической структурой фольклора, знания всех аспектов фольклорного слова. И это будет второй уровень понимания фольклорного текста» [Никитина, 1993, с. 66].

За каждым балладным произведением стоит какое-то историческое событие или мотив жизни какой-либо исторической личности. Баллада «Томас Рифмоплёт» не стала исключением.

Шотландская фольклорная традиция гласит, что Томас Рифмоплёт это не только герой баллады, но и историческая личность. Многие ученые XIX века (Дж. Мюррей, Д. Ирвинг, В. Скотт, Р. Джеймисон), занимавшиеся этой проблемой пришли к выводу, что прототипом главного героя действительно была реально существовавшая личность — Томас Лермонт [Murray, 1875, p. 9; Irving, 1810, p. 226].

В книге «Лермонты — Лермонтовы 1057—2007» авторы указывают, что Гектор Боэций, один из первых летописцев истории Шотландии, причислил Томаса из Эрсильдуна (Стихотворца, Рифмоплёта) к роду Лермонтов в 1526 г. Документов, подтверждающих, что сам Томас называл себя Лермонтом, не сохранилось, но только один клан претендует на родство с Томасом Рифмоплётом. Факт существования такого загадочного пророка — песенника в своём роду оказал большое влияние на творчество и личность М.Ю. Лермонтова [Молчанова, Лермонт, 2008, с. 12—16].

Баллада повествует о встрече Томаса и Королевы Эльфов на Охотничьем берегу одним майским утром. Королева была так прекрасна, что Томас принял её за Деву Марию (из-за её внешности и одеяний), но она отрицала это, а Томас влюбился в нее с первого взгляда.

He said, "Yon is Mary, most of nicht,
That bare that Child that died for me"
[Joseph, 1961, p. 28].

**Он сказал: "То Мария, Владычица
величайшая, которая родила
Младенца, что умер ради меня
[Шабалов, 2001, с. 91].**

Прекрасная дама (a lady gay, где слово gay (old Frisian — gai) означает весёлый, живой, беззаботный, приятный, красивый, а также облачённый в прекрасные богатые одежды использовалось не случайно) призналась, что, услышав его речи, влюбилась и пришла за ним. Томас тут же настоял на том, чтобы они «возлежали» и все уверенья Королевы в том, что это испортит её красоту, не возымели действия на главного героя. В правдивости её слов Томас вскоре убедился.

All the rich clothing **was away**,
That he before saw **in that steid**;
Hir ae schank black, hir uther gray,
And all hir body like the leid
[Joseph, 1961, p. 30].

**Пропало всё роскошное одеяние,
что он прежде видел на ней.
Одна голень её стала чёрной,
живот — серым,
и всё её тело — как свинец
[Шабалов, 2001, с. 91].**

В данной строфе автор перевода также прибегает к таким переводческим трансформациям, как перестановка и конкретизация. Слово шотландского диалекта "steid" (от древнеанглийского "stede"), согласно комментарию самого М. Джозефа (M. Joseph), означает слово "place" — «место», которое заменило древнеанглийское слово "stede" в XII в. Дословно эта фраза означает «на том месте», автор же перевода конкретизировал «на ней», что не меняет сути повествования. Перестановка придает поэтичность переводу и усиливает эмфазу в данной строке. Использование этих приёмов также является отходом от принципа дословности.

Королева Эльфов после этого настояла на том, чтобы Томас пошёл за нею в ее страну. Пройдя тайным проходом у Эйлдонского дерева (берёзы — Eildon Birk), они оказались в подземелье, где было темно и воды по колено. Три дня они шли, пока Томас не стал умирать от голода. Королева провела его в прекрасный сад, но не позволила сорвать яблоко, сказав, что тогда его душа попадёт в Ад. Она сама накормила его и указала ему четыре дороги (в рай, ад, на небеса и дорогу искупления грехов). Пятой дорогой был

путь к замку Королевы, где было много красивых утонченных дам и прекрасных рыцарей, но Томасу было строго запрещено разговаривать с кем-либо, кроме самой Королевы. Через три дня, как казалось Томасу, Королева сообщила, что ему нужно уехать срочно, так как Дьявол ищет жертву и это будет знатный и знаменитый Томас. Он пробыл семь лет в эльфийском королевстве и, оказавшись у Эйлдонского дерева, Королева наделила Томаса пророческим даром, при этом напроорочив падение нескольких известных шотландских родов.

“If thou will spell, or talis tell,
Thomas, thou sall never leising lie:
Quharever thou fare, by frith of fell,
I pray thee, speik none ill of me”
[Joseph, 1961, p. 35].

«Если будешь читать нараспев или повествовать, ты никогда не должен, Томас, лгать; где бы ты ни был — на воде или на суше, — прошу, не говори обо мне ничего дурного»
[Шабалов, 2001, с. 91].

Королева пообещала вернуться за Томасом, и место встречи было назначено на Охотничьем берегу у Эйлдонского дерева.

Область поэтического перевода довольно обширна и касается не только проблем перевода поэтических жанров в общем, но и, в частности, перевода отдельных поэтических жанров. Много работ посвящено переводам баллад, как литературным, так и народным, как в общем и целом литературным или фольклорным, так и относящимся к определённом народу (немецкие, английские, шотландские и т.д.).

В XIX в. появились первые переводы английских и шотландских баллад на русский язык. Отрывок из шотландской баллады об обманутом муже прозвучал в «Сценах рыцарских времён» А.С. Пушкина — «Воротился ночью мельник...». Перевод баллады «Эдвард» А.К. Толстого справедливо считается выдающимся переводом, появившимся в предыдущем веке [Елина, 1973, с. 130].

В XX в. интерес к англо-шотландским балладам возрос. В советское время было переведено многое из робингудовского цикла. Одним из первых к этому циклу обратился поэт Вс. Рождественский. Но особое место англо-шотландские баллады занимают в творчестве С.Я. Маршака. Начиная с 1913—1914 гг. он работал над переводами баллад. Первую публикацию переводов, куда вошёл стихотворный перевод анализируемой баллады, С.Я. Маршак осуществил в содружестве с В.М. Жирмунским в 1916 г.

Англо-шотландские баллады имеют характерные особенности структуры текста и содержания, повествования и функционирования в речи. Отличительной чертой англо-шотландских баллад будет сюжетная направленность балладного повествования. Только англо-шотландские баллады имеют такие группы баллад, как лю-

бовные баллады с обязательной волшебной составляющей (Томас Рифмоплёт), и разбойничьи баллады (Робин Гуд), которые несут в себе глубокую социально-культурную нагрузку времени их создания и распространения.

В предисловии к прозаическому переводу данной баллады С. Шабалов указал, что его задачей будет не создать полноценное художественное произведение, какое мы можем встретить у С.Я. Маршака, а напротив, сделать дословный прозаический перевод, который позволит передать точнее определённые моменты содержания текста оригинала, максимально сохранить синтаксис и первоначальную систему образов, не искажая её использованием всевозможных литературных и переводческих приёмов.

Такой перевод баллады «Томаса Рифмоплёта» призван помочь русскоговорящему читателю, не владеющему английским языком и его историческими вариантами, прочитать и оценить именно исходный текст, а не его художественный аналог, который существует только в авторском переводе С.Я. Маршака, но также и является переводом краткого варианта данной баллады.

В своей работе С. Шабалову не удалось избежать использования переводческих трансформаций и приёмов, так как это было продиктовано особенностями строения и функционирования русского и английского языков. Задача точной передачи содержания повествования и особенностей шотландского балладного жанра, на наш взгляд, была выполнена.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика. СПб.: Союз, 2001. 288 с.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 238 с.
- Вине Ж.-П., Дарбельне Ж.* Технические способы перевода / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. 1978. С. 157—167.
- Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 346 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
- Елина Н.Г.* Английские и шотландские народные баллады. М.: Наука, 1973. 15 с.
- Казакова Т.А.* Практические основы перевода. СПб.: Союз, 2005. 320 с.
- Карцевский С.О.* Из лингвистического наследия. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 341 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (линг. аспекты). [На прим. англо-рус. переводов]. М.: Высшая школа, 1990. 250 с.
- Лиморенко Ю.В.* Проблемы перевода фольклорных текстов: на материале фольклора эвенков: Дисс ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 205 с.

- Молчанова Т.* Лермонты — Лермонтовы 1057—2007 / Т. Молчанова, Р. Лермонт. М.: Логос, 2008. 144 с.
- Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 346 с.
- Пастернак Б.Л.* Заметки переводчика. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1991. С. 392—394.
- Рецкер Я.И. Пособие по переводу с английского на русский язык. М.: Провещение, 1982. 159 с.
- Семенова О.М.* Типообразующая роль языковых средств, формирующих локально-темпоральную структуру в поэтических текстах (на примере немецких баллад и стихотворений): Дисс. ... канд. филол. наук. М.: 2003. 225 с.
- Федоров А.В.* О художественном переводе. Работы 1920—1940-х годов. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2006. 256 с.
- Шабалов С.* Шотландская старина. Книга сказаний. СПб.: Летний сад, 2001. 256 с.
- Joseph M.* The Wisdom of the Scots / A choice and a comment by M. McLaren / Michael Joseph. London, 1961. — 360 p.
- Krappe A.H.* The science of Folklore/ А.Н. Кrappe. London: Methuen & Co. Ltd, 1965. 388 p.
- Murray J.* The romance and Prophecies of Thomas of Erceldoun / J. Murray. London, 1875. 490 p.
- Online Middle English Dictionary. Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/>
- Online Oxford Etymology Dictionary. Режим доступа: <http://www.etymonline.com/index.php>

И.А. Вотякова,

кандидат филологических наук, доцент отделения славянской филологии Гранадского университета; e-mail: irinavotyacova@hotmail.com,

Х.-Э.-Ф. Керо,

доктор филологии, доцент, заведующий отделением славянской филологии Гранадского университета; e-mail: efquero@ugr.es

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭСТЕТИЧЕСКУЮ ОЦЕНКУ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ, И ИХ ПЕРЕВОД НА ИСПАНСКИЙ¹

Во всех языках существуют оценочные слова, предназначенные отражать позитивное или негативное восприятие действительности, но основания оценки зачастую размыты. Так, говорящий обычно не задумывается, прежде чем высказывает какое-либо суждение (позитивное или негативное) об определённом предмете или событии. По нашему мнению, при проведении сравнительного анализа прилагательных, отражающих оценочные значения, следует придерживаться следующих параметров: тип оценочного значения; место, которое занимает оценочное прилагательное в шкале типов анализируемых оценочных значений; значение, выражаемое оценочным прилагательным; отнесённость оцениваемого объекта, выраженного существительным, к той или иной стороне действительности; частота употребления наиболее приемлемого языкового эквивалента прилагательного с оценочным суждением по отношению к отображаемой им действительности; стиль текста, где встречается оценочное прилагательное. В данной работе на материале русского языка мы будем анализировать прилагательные *красивый*, *прекрасный*, *некрасивый* и *уродливый*, выражающие эстетическую оценку, с точки зрения их семантики, а также попытаемся найти аналогичные им лексемы в испанском языке.

Ключевые слова: оценочная оценка, русский язык, испанский язык, эстетическая оценка.

Irina A. Votyakova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Slavonic Philology, University of Granada, Spain; e-mail: irinavotyacova@hotmail.com

Enrique F. Quero Gervilla,

Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Slavonic Philology, University of Granada, Spain; e-mail: efquero@ugr.es

A Comparative Analysis of Adjectives Expressing Aesthetic Evaluation in Russian and Their Translation into Spanish

In all languages there exist lexical items which express a negative and positive evaluation of objects and events. However, the reasons for which a speaker expresses his or her positive or negative evaluation are often unclear. One such reason may be insufficient

¹ Данная проблема исследуется в рамках проекта HUM 1937 «Сопоставительное изучение количественной и качественной оценки в языковой картине мира русского и испанского языков», который проводится при финансовой поддержке Автономной области Андалусии (Испания).

reflection on the part of the speaker before expressing his or her positive or negative evaluation. In this article the authors try to identify the characteristics that should be taken into account both in terms of lexicographical description of adjectives expressing evaluation in Russian, and their translation into Spanish: the type of evaluation (i.e. total or partial); the place of the adjective on the total or partial evaluation scale; the kind of reality described; the frequency of the evaluating adjective and the style of the text. Our analysis focuses on the adjectives *красивый*, *прекрасный*, *некрасивый* and *уродливый*, which express aesthetic evaluation in Russian, and also considers their translation into Spanish.

Key words: Evaluation, the Russian language, the Spanish language, aesthetic evaluation.

1. Введение

Многие мыслители от Аристотеля до Фон-Вригта, включая Гоббса, Локка, Канта, Бентама, Сидвика, Мора, а также целый ряд наших современников, стояли на подступах к разрешению проблемы оценки, вызванной отсутствием точных и ясных критериев, мотивирующих какое-либо суждение о предмете или явлении. Известно, что говорящий выражает своё отношение к явлениям окружающего мира и событиям, пользуясь определёнными языковыми средствами оценочного характера. Несмотря на то что бывает совсем несложно выявить слова, которые содержат в себе элемент оценки, зачастую трудно определить их целенаправленность и намерение того, кто выносит это оценочное суждение. Как утверждает Н.Д. Арутюнова, «оценка создаёт совершенно особую, отличную от природной, таксономию объектов и событий» [Арутюнова, 1988, с. 62]. Оценочные суждения подразделяются на общеоценочные и частнооценочные. К первым относятся те суждения, которые содержат самый общий взгляд на вещи с точки зрения их природы или предназначения. Частнооценочное суждение выражает субъективное отношение говорящего к оцениваемому объекту как проявление возникающей между ним и данным объектом связи [см. Арутюнова, 1988; Вольф, 2002]. Частнооценочные значения представлены в языке более разнообразно и обширно, нежели общеоценочные, и дают оценку одному из аспектов объекта с определённой точки зрения. Их группы существенно различаются между собой по диапазону сочетаемости, т.е. по тому, какие виды объектов они способны квалифицировать. Частнооценочные значения могут быть разделены на 7 категорий: сенсорно-вкусовая, психологическая, эстетическая, этическая, утилитарная, нормативная или телеологическая [Арутюнова, 1988, с. 75—76].

Самое сложное в процессе анализа оценочных суждений заключается в том, что они не всегда легко поддаются разложению на семантические компоненты, отражающие определённую сторону

или аспект оценки. Кроме того, рассматривая употребление прилагательных оценочного характера, мы отдаём себе отчёт в том, что не так просто бывает определить, чем собственно мотивирована положительная или отрицательная оценка явления или предмета. В частнооценочном суждении важен взгляд его носителя на природу вещей, поэтому в нём преобладает субъективный компонент. Каждый по-своему оценивает свойства объектов действительности, и этот субъективный критерий приводит к тому, что им приписываются разные значения в зависимости от точки зрения оценивающего их субъекта и его эмоциональной сферы.

Естественно, что личностный подход, лежащий в основе оценки, приводит к тому, что при переводе оценочного прилагательного на другой язык мы сталкиваемся с возможным несовпадением или частичным совпадением типов частнооценочного значения языка — оригинала и языка перевода (т.е. с их принадлежностью к разнотипным семантическим сферам). «Субъективный и объективный компоненты оценочного значения в языке представляют собой диалектическое единство с весьма сложными и меняющимися соотношениями в пределах каждого ряда языковых единиц» [Вольф, 2002, с. 28, 29].

Во всех языках существуют оценочные слова, предназначенные отражать позитивное или негативное восприятие действительности, но основания оценки зачастую размыты. Так, говорящий обычно не задумывается, прежде чем высказывает какое-либо суждение (позитивное или негативное) об определённом предмете или событии.

По нашему мнению, при проведении сравнительного анализа прилагательных, отражающих оценочные значения, следует придерживаться следующих параметров:

1. Тип оценочного значения: общеоценочное или частнооценочное.

2. Место, которое занимает оценочное прилагательное в шкале типов анализируемых оценочных значений. В случае частнооценочного значения необходимо выяснить, к какой категории оно принадлежит (сенсорно-вкусовая, психологическая, эстетическая, этическая, утилитарная, нормативная или телеологическая) [Арутюнова, 1988, с. 75].

3. Значение, выражаемое оценочным прилагательным.

4. Отнесённость оцениваемого объекта, выраженного существительным, к той или иной стороне действительности. В этом случае надо заметить, что язык бывает «капризен»: совсем необязательно, чтобы оценочное прилагательное, приложимое к существительному, обозначающему данный круг объектов действительности, в русском языке переводилось на испанский прилагательным, приложимым

к существительному, обозначающему тот же самый круг объектов действительности.

5. Частота употребления наиболее приемлемого языкового эквивалента прилагательного с оценочным суждением по отношению к отображаемой им действительности как в переводе, так и в оригинале.

6. Стыль употребления: нейтральный, литературный, высокий, низкий, и т.д.

Исходя из анализа этих параметров в приложении к языку оригинала, мы можем выбрать оптимальный вариант перевода прилагательного со значением оценки с русского языка на испанский. В данной работе согласно обозначенным выше параметрам на материале русского языка мы будем анализировать прилагательные *красивый, прекрасный, некрасивый и уродливый*, выражающие эстетическую оценку, и его семантику, а также попытаемся найти аналогичные им лексемы в испанском языке.

В нашем исследовании используются материалы словарей русского и испанского языков, сайтов Интернета, а также Национального корпуса русского языка — информационно-справочной системы, основанной на собрании русских текстов в электронной форме.

2. Анализ употребления прилагательного *красивый* в русском языке и его перевод на испанский

Прилагательное *красивый* употребляется при обозначении:

— «приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий и т.п.»: «Эти растения не могут похвастаться роскошными цветками, однако их *красивая листва*, сохраняющая декоративность весь сезон, представляет особый интерес» // *Estas plantas no destacan por tener unas flores muy llamativas, aunque resulta particularmente interesante su bonito follaje, que se conserva radiante durante toda la temporada* (В. Иршенкова); «Среди царственных надгробий склонила голову тишина. Особенно *красива часовня* короля Сигизмунда. Мрачность и величавость властвуют здесь: слова уходят и чувства растворяются» // *El silencio se hacía omnipresente entre las tumbas de los reyes. Resultaba particularmente bella la capilla del rey Segismundo. Un ambiente lúgubre y majestuoso lo impregna todo: las palabras se van y los sentimientos se diluyen* (из газет), «Хорошее качество очистки воды, *красивый дизайн* и удобство в пользовании — таковы бесспорные достоинства этого фильтра, сделанного с немецкой добротностью» // *Una buena calidad en el filtrado del agua, un elegante/bonito diseño y fácil manejo son las virtudes indudables de este filtro, fabricado con el sello y calidad de los alemanes* (из газет).

В данном значении *красивый* переводится на испанский как *bonito* или *elegante* в зависимости от объекта действительности, к которому прилагается объект. Когда речь идёт о природном явлении, оно переводится на испанский язык как *bonito*, а когда говорится об искусственных объектах, созданных человеком, оно переводится на испанский язык как *bonito* или *elegante*. *Bello* выражает наибольшую интенсивность в высоком стиле речи и употребляется чаще всего в предпозиции по отношению к существительному.

— «имеющий такие черты лица, фигуру; привлекательный, видный»: «По ночам он иногда на цыпочках входил в ее палату, осторожно снимал с девушки одеяло и разглядывал ее красивое тело» // *A veces él entraba por las noches de puntillas en su habitación, sigilosamente le quitaba la manta a la chica y observaba su bello/bonito/hermoso cuerpo* (Ю. Буйда); Рядом с ним стоял его сын, серьёзный, *красивый мальчик*. // *Junto a él estaba su hijo, un chico serio y guapo* [Виктория Токарева].

В данном значении *красивый* переводится на испанский как *bonito* или *hermoso* при описании фигуры человека и как *guapo*, когда говорится о чертах лица или о красоте и привлекательности человека в целом. *Bello* в данном значении экспрессивно наполнено и употребляется в высоком стиле речи.

— «отличающийся стройностью и изяществом движений»: «Время от времени быстрым и *красивым движением* руки, не переставая дудеть, он выхватывал гвоздик изо рта, приставлял к подмётке и точным ударом молотка загонял по самое темечко» // *De vez en cuando con un movimiento de mano rápido y elegante y sin dejar de soplar, se sacaba un clavo de la boca, lo ponía en la suela y de un golpe certero en la cabeza del clavo lo metía hasta el fondo* (Д. Маркиш), «Роскошно одетые кавалеры, ещё более нарядные красавицы дамы, всё это движется в плавном и *красивом танце*» // *Los caballeros con sus lujosos vestidos y las más aún si cabe elegantes damas se desplazaban en un baile rítmico y elegante* (Л.А. Чарская).

В данном значении *красивый* переводится на испанский как *bonito* или *elegante*. *Bello* в данном значении также выражает наибольшую интенсивность в высоком стиле речи.

— «приятный для слуха, благозвучный»: «Вы ко мне? — неожиданно *красивым, мелодичным голосом* осведомилась женщина» // *¿Usted viene a verme a mí? Dijo una mujer repentinamente con una voz melodiosa y bella*. (Д. Донцова), «Проиграв мелодию песни Садовского, я представил её как *красивую мелодичную песню* в итальянском духе» // *Cuando sonó la canción de Sadovskij me pareció que era una bonita canción melódica de estilo italiano* (М. Магомаев), «Даниловский звон выделялся богатым, чётким и *красивым тембром*, необычайно гармоничным созвучием больших и малых колоколов,

это отмечали и знатоки колокольного звона, и простые прихожане» // El tintineo de las campanas de Danilov se caracterizaba por su rico, exacto y bello timbre y por el sonido armonioso de las campanas grandes y pequeñas; eso es lo que decían tanto los especialistas en la materia como los parroquianos de a pie (из газет).

В данном значении *красивый* переводится на испанский как *bonito* или *bello*.

— «отличающийся полнотой и глубиной внутреннего содержания»: «В защиту скажем лишь, что, увы, пропасть между *красивой и могучей теорией* и неприглядной практикой была, есть и будет, а кроме того, всё равно вряд ли кто-то воспримет всё это всерьёз» // En defensa de lo expuesto tan solo diremos que el abismo que separa una *teoría bien construida/bien elaborada* y potente de una práctica poco atrayente ha existido, existe, y existirá, y además va a ser difícil que alguien se tome esto en serio (В.Э. Карпов, Т.В. Мещерякова), «В какой-то момент я понял, что мы начинаем терять удивительно *красивый миф, очень красивое слово: клоун*» // En un momento dado comprendí que empezábamos a perder *un mito y una palabra muy bonitos*: me refiero al payaso (В. Молчанов).

В данном случае *красивый* можно перевести на испанский как *bonito* или *bien construido/bien elaborado*. *Красивый* переводится на испанский как *bien construido* или *bien elaborado*, когда относится к понятиям, которые подразумевают определённую сложность.

— «рассчитанный на эффект, на внешнее впечатление»: «Поэтому, когда в программу сольного концерта 2000 года поставили это произведение, журналисты тут же решили, что это *красивый пиаровский ход*» // Por eso, cuando eligieron esa obra para el programa de conciertos solistas, los periodistas inmediatamente comprendieron que se trataba de un *hábil movimiento publicitario* (из газет).

В данном значении *красивый* переводится на испанский как *hábil*, когда употребляется с отглагольными существительными, выражающими действие.

Определение *красивый* и *некрасивый* весьма субъективно, так как один и тот же предмет или явление каждый оценивает со своей точки зрения. Бесспорно, что зачастую *красивый* подразумевает *здоровый* (и наоборот) или имеет такую ассоциацию: «Тигрята выросли на редкость *красивыми* и здоровыми, я работал с ними больше пятнадцати лет» // Los cachorros de tigre crecieron con *una belleza* y una salud fuera de lo común; yo estuve trabajando con ellos más de quince años (В. Запашный); «Ты же ещё совсем молодая, *красивая, здоровая*» // Pero si eres todavía muy joven, *guapa* y gozas de buena salud (Л. Гурченко), «Быть *красивым* — значит, быть здоровым» // Ser *guapo* implica gozar de buena salud (из интернета). Также очень тесная связь прослеживается между *красивым* и *молодым*. *Красивое*

не может быть *старым*, в этом случае используется прилагательное *старинный*. Например: «Загадочная штука эта старина. Почему-то старинный *дом* всегда считается *красивым*. Мне никогда не попадалось, чтобы *храм*, допустим, XIII—XIV вв., был уродлив» // Extraña cosa esto de lo antiguo. Por algún motivo siempre se considera que una casa antigua es *bonita*. Nunca he oído decir que una catedral, del siglo XIII o XIV por ejemplo, sea horrible (Д.А. Гранин).

Как правило, *красивым* является то, что мы видим, слышим и даже чувствуем, хотя последнее отмечается достаточно редко, например *ощущение, чувство*: «Сильные, *красивые чувства* и поступки всегда рождали легенды...» // Los *sentimientos* hondos y *bonitos* siempre han dado lugar a leyendas (В. Бурлак), «Само *здание* внутри очень *красивое*, такое ощущение, что ты попал в ботанический сад, и вся территория отеля богата растительностью, вокруг все чисто и аккуратно» // El *edificio* en sí es *muy bonito* por dentro, te da la sensación de que estás en un jardín botánico, y todo el hotel es muy verde, alrededor está todo limpio y bien cuidado (интернет-форум). Однако из пяти известных чувств — вкус, зрение, обоняние, осязание, слух — прилагательное *красивый* практически никогда не характеризует вкус или запах.

Абстрактные существительные также достаточно редко употребляются с данным прилагательным. В нашем материале мы отмечаем *красивая идея, красивая концепция, красивое завершение, красивая философия*: «Эту красивую идею до сих пор нельзя считать ни опровергнутой, ни доказанной» // Esta *bonita idea* aún no ha podido ser ni refutada ni demostrada (М. Голубовский), «Только одна тревожная нота грозила разрушить эту *красивую* и стройную *концепцию*: а не окажется ли исламский фундаментализм привлекательным для советских мусульман?» // Solo una nota preocupante amenazaba con destruir esa *teoría bonita* y bien construida: ¿Y no resultará que el fundamentalismo islámico acabará siendo atractivo para los musulmanes soviéticos? (О. Гриневский), «...и в качестве красивого завершения чемпионата — на десерт, какой-нибудь скандал...» // Un escándalo sería un *colofón bonito* al campeonato (интернет-форум), «Плюс — у них очень *красивая поэзия и философия*» // Además, *su filosofía y su poesía son muy bonitas* (запись LiveJournal).

Красивым может быть какой-то временной отрезок или период: *момент, день, лето, осень* и т.д. Например: «Всякий раз в это жаркое, *сумасшедшее красивое парижское лето*, проделывая путь до её больницы за рулём автомобиля, я мысленно говорила с Лизой, понимая, что никогда не произнесу этих слов вслух» // Cada vez que recorría en automóvil el camino hacia el hospital durante aquel cálido, *alocado y bonito verano parisino*, hablaba mentalmente con Liza, a pesar de que comprendía que nunca pronunciaría esas palabras en voz alta

(С. Спивакова), «Самый первый месяц весны — март, а *самый красивый день* весны, конечно, 8-е Марта — праздник всех наших мам и бабушек, сестрёнок и подружек» // El primer mes de la primavera es marzo y *el día más bonito* es, por supuesto, el 8 de marzo, día de nuestras madres y abuelas, hermanas y amigas («Мурзилка»), «Необыкновенно *красивая осень*, день ясный, и шуршат кленовые листья» // Un *otoño* inusualmente *bonito*, el día está despejado y susurran las hojas de arce (В. Катанян), «С другой стороны, искусное пользование черно-белой гаммой экрана и его контрастами света и тени дало *немало красивых моментов*, построенных на чёткой силуэтности при световой игре...» // Por otra parte, el uso hábil de los efectos en blanco y negro de la pantalla con sus clarososcuros ha dado lugar a muchos *momentos bellos* basados en siluetas precisas en este juego de luz (Ю. Елагин).

Чаще всего данное прилагательное используется со словами *лицо, женщина, девушка, парень, человек, голос*, а также *город, здание, имя, дом, мальчик, мужчина, почерк, цвет, баба*. Например: «Она вышла... и оказалась высокой, крепкой, ещё не старой брюнеткой с крупным, грубоватым, но *красивым лицом*, чёрными, очень правильными бровями и бархатным взглядом» // Ella salió... y observamos que era una mujer morena de mediana edad, alta y fuerte, con un *rostro de rasgos duros pero bellos* con cejas rectas y bien perfiladas y con una mirada profunda (Ю.О. Домбровский), «Очень *красивая девушка* рекомендовала крем для сухой кожи» // *Una chica muy guapa* recomendaba una crema para pieles secas (Л. Улицкая), «Лицо её было бледно, но не грустно; *молодой красивый парень* стоял рядом с нею и, смеясь, рассказывал ей что-то, а на другой стороне Рейна маленькая моя мадонна всё так же печально выглядывала из тёмной зелени старого ясеня» // Estaba pálida pero no estaba triste. *Un chico joven y guapo* estaba junto a ella y, esbozando una risa, le contaba alguna cosa al tiempo que en la otra orilla del Rin mi pequeña madonna seguía mirándome con tristeza desde un viejo fresno (И.С. Тургенев), «...буду стоять в этой церквушке в черном фраке на клиросе и буду петь *красивым голосом*, и все в меня будут влюблены...» // Estaré en esa pequeña iglesia vestido con un frac negro en el coro, cantaré con *una bonita voz*, y todos se quedarán encantados conmigo (Л. Вертинская), «Нанси — старинный и очень *красивый город*. Когда-то это была столица лотарингских герцогов, от прежних времён сохранилась прекрасная архитектура, театр, построенный в стиле барокко, два университета...» // Nancy es *una ciudad* antigua *muy bonita* que en su momento fue la capital del ducado de Lorena y conserva desde la antigüedad una arquitectura preciosa, un teatro de estilo barroco y dos universidades... (И.А. Архипова), «Признаюсь, мне, как питерцу и министру финансов, крайне важно, чтобы город и театр получили

самое лучшее и красивое здание» // Reconozco que como habitante de S. Petersburgo y Ministro de Economía y Hacienda es importante que la ciudad tenga un teatro y que ese teatro esté ubicado en el mejor edificio posible (А. Чудодеев), «Время близилось к вечеру, над сказочно *красивыми домами* нависла звонкая тишина» // Era ya casi de noche y sobre las *preciosas casas* se cernía un silencio sonoro (В. Генина), «Когда я вошёл в класс, у доски стоял Шурик Авдеенко, и, хотя решение задачи было написано на доске его красивым почерком, объяснить решение он не мог» // Cuando entré en la clase Shurik Avdeenko estaba junto a la pizarra y aunque tenía escrita la solución al problema con buena letra, no fue capaz de explicarla (Ф. Искандер).

При характеристике человека оцениваются и *прическа*, и *походка*, и *платье*, и т.д., особое значение приобретает *лицо* и *голос*. Если обобщить самые популярные мнения, *красивыми* воспринимаются *женщины*, у которых: ухоженная внешность, пропорциональные черты лица и особенные глаза, пропорциональная фигура, стильная и со вкусом подобранная одежда. Стереотипным является утверждение, что красивая женщина, а это, как правило, блондинка, в отличие от мужчины не обладает умом: «Это то же самое, как с *красивыми женщинами* — то же клише «*красивая*, значит глупая» // Es lo mismo que ocurre con las *mujeres guapas*, el mismo estereotipo “*guapa* es sinónimo de tonta” (интернет-форум), «Миф о том, что *красивая женщина* непременно глупа, выдуман из зависти и явно в женском кругу» // La idea extendida de que una *mujer guapa* tiene que ser tonta, es una invención que tiene su origen en la envidia y que se da claramente en círculos femeninos (В. Горюнова). С другой стороны, очень распространённой является пословица «Не родись *красивой*, а родись *счастливой*» // Es mejor nacer feliz que nacer *guapa*.

При характеристике здания и дома более важной является форма. Как правило, *красивый дом* или *здание* имеют какую-либо отличительную деталь: камин, высокая прочная ограда, мраморная лестница, место нахождения и т.д. Например: «Рядом стоит очень *красивый дом* с эркерами, облицованный керамическими вставками, — работа архитектора А. Мейснера, а напротив, в Ружейном переулке — похожий на шкатулку дом в русском стиле работы архитектора М. Исакова» // Aquí al lado podemos ver una *casa muy bonita* con un mirador revestido de azulejos, obra del arquitecto A. Mejsner y, enfrente, en el callejón Ruzhejnyj, una casa de estilo ruso del arquitecto I. Isakov que recuerda a un cofre («Мир & Дом. City»), «Подъезжаем к *большому красивому дому* под красной черепичной крышей» // Nos acercamos a una *casa grande y bonita* con una techumbre de teja roja (Е. Лория, А. Хохлов), «Стояла эта будка — у ворот серого *красивого дома* с большими окнами» // Esa garita estaba situada a las puertas de una *bonita casa* gris con grandes ventanas (Б. Минаев);

«Древние пряники с осколками глазури, ребенок их честно грыз, поглядывая без всякого любопытства на *красивое здание* с колоннами — папин офис» // El niño mordisqueaba obedientemente las galletas de jengibre de toda la vida, con pedazos de azúcar glaseada, observando sin el más mínimo interés el *bonito edificio* con columnas donde estaba la oficina de su padre (К. Сурикова).

Данные ассоциативного словаря также показывают, что наиболее частыми реакциями являются *человек, дом, парень, цветок, урод, мужчина, страшный, мальчик, я, город, умный, лес, юноша, голос, прекрасный, добрый, день, пейзаж, вид, красный, молодой, привлекательный, цвет*.

Синонимами данного прилагательного являются *прекрасный (красный), благовидный, благолепный, благообразный, великолепный, взрачный, видный, живописный, изящный, казистый, картинный, милостивый, нарядный, прелестный, привлекательный, пригожий, смазливый, хороший, хорошенький, художественный; пышный, роскошный, щегольской, разубранный, разукрашенный; бесподобный, божественный, блестящий, дивный, чудный, восхитительный, обворожительный, пленительный, распрекрасный*. Прилагательное *красивый* является самым употребительным в разговорной речи, так как является более нейтральным. «В условиях непосредственного общения, с одной стороны, нет возможности выбрать слово из синонимического ряда, а, с другой стороны, в этом и нет необходимости... Обычно в разговоре почти не используются синонимические возможности русского языка, т.е. для РР характерно употребление самых обычных, самых распространенных слов» [Сиротина, 1996].

3. Анализ употребления прилагательного *прекрасный* в русском языке и его перевод на испанский

Прилагательное *прекрасный* означает:

— «отличающийся необыкновенной красотой, очень красивый»: «Я смотрел ей в лицо снизу вверх, стараясь плотнее коснуться грудью *прекрасной груди*» // Yo la miraba a la cara de arriba abajo, intentando rozar con mi pecho su *precioso pecho* (В. Рецеттер), «Это был *прекрасный ковёр* из живых цветов на затхлом петербургском болоте» // Era una *alfombra preciosa* de flores vivas en medio de este putrefacto cenagal petersburgués (И.Е. Репин). *Преkрасный* является важным элементом при характеристике места: *прекрасный город, место, остров, парк, равнина* и т.д.

В данном значении *прекрасный* переводится на испанский как *precioso*.

— «очень хороший; превосходный»: «Мы закупили эти машины, и они понравились всем: *качество прекрасное*, австрийская сборка,

по словам Франца, произведённая на его собственных заводах» // Nosotros compramos estos coches y les gustaron a todos: *una calidad excelente*, montados en Austria; como dice Franz, salidos de sus propias fábricas (А. Тарасов), «Поселили в *прекрасном номере*: большая комната с застеклённым эркером, альков с кроватями, прихожая и все удобства, даже горячая вода» // Me alojaron en una *habitación excelente*: era una habitación grande con un mirador acristalado, una alcoba con sus correspondientes camas, un recibidor y todas las comodidades posibles, incluso agua caliente (Л. Вергинская). Прилагательное *прекрасный* часто встречается при характеристике профессиональных качеств: *прекрасный специалист, альпинист, врач, педагог* и т.д.: «И дебютом ещё одного артиста — *прекрасного артиста* Ефима Копеляна» // Y con el debut de un artista más, el *excelente artista* Efim Koperjan (Г. Жжёнов), «Генерал Кутепов был начальник, хорошо разбирающийся в обстановке, большой воинской доблести, совершенно исключительного упорства в достижении поставленных целей, умевший близко подойти к офицерам и солдатам, *прекрасный воспитатель* войск» // El general Kupertov era un jefe que se desenvolvía muy bien en esa situación, con gran valentía militar, con una tenacidad fuera de lo común para conseguir los objetivos marcados, que sabía cómo llegar a los oficiales y a los soldados, y que era un *excelente educador* de las tropas (П.Н. Врангель), «Они не только лучшие носильщики в горах, но и *прекрасные знатоки* местности, незаменимые проводники и помощники» // Ellos no son tan solo los mejores portadores en la montaña sino también unos *excelentes conocedores* del lugar, guías y ayudantes insustituibles (Ю. Капишникова), «Хренников... По-моему, он был некогда *прекрасным мелодистом*» // Xrennikov... creo que hubo una época en la que fue un *excelente compositor* (А. Избицер).

На наш взгляд, *прекрасный* может соответствовать *хорошему*, что, например, заметно при употреблении таких выражений: *прекрасное здоровье, самочувствие, состояние*. В данном значении *прекрасный* переводится на испанский как *excelente*.

— «полный высокого значения, возвышенный»: «Ох, как ужасно обманчива бывает иногда внешность человеческая, как страшны бывают порой на поверку так называемые лучистые, или кротчайшие, или добрейшие глаза, и как вдруг неказистое обличье таит, случается, действительно *прекрасное сердце*, ясный ум и огромную, недостижимую чистоту помыслов...» // Pero hasta qué punto puede llegar a ser engañosa la apariencia externa del ser humano, qué temibles pueden llegar a ser en realidad, en determinadas ocasiones, los ojos luminosos o dulces o bondadosos y cómo, de pronto, un aspecto poco agraciado esconde un *gran corazón*, una inteligencia clara y una pureza de intenciones fuera de lo común (Ю. Герман), «У Вергинского было

прекрасное чувство юмора, он любил шутить» // *Vertinskij tenía un extraordinario sentido del humor. Le gustaba bromear* (Л. Вертинская).

В данном значении *прекрасный* переводится на испанский как *grande* или *excelente/extraordinario*.

Кроме этого, как правило, *прекрасной* является женщина, причём отмечаются в русском языке такие устойчивые выражения, как *Прекрасная дама, Прекрасная Елена, Василиса Прекрасная, прекрасная половина человечества, прекрасный пол*: «Эта женщина... Самая прекрасная женщина в мире. И она страдает сейчас» // *Esta mujer es la mujer más guapa del mundo y ahora está sufriendo* (И. Муравьева), «*Прекрасная женщина. Вот именно прекрасная. Большая, статная, сильная*» // *Una mujer bellísima/guapísima. Eso sí que es una mujer bella. Alta, esbelta y fuerte* (И. Грекова); «Дома теща — Баба Яга, жена — ведьма, соседка — Василиса Прекрасная, а её муж — Иванушка-дурачок, кстати, он тоже депутат!» // *En casa, la suegra es una Baba Yaga, la mujer es una bruja, la vecina es Vasilisa la Bella, y su marido es Iván el Tontín. Por cierto, ¡este último también es diputado!* (Коллекция анекдотов: Верховный совет и Дума); «Счастливым игрокам он завидовал тою же завистью, с какой некогда позавидовал поклонникам *Прекрасной Дамы*» // *A los jugadores felices les tenía envidia por el mismo motivo que en algún momento envidiaba a los seguidores de la Bella Dama* (este fragmento alude a los *Versos de la Bella Dama* de Alexandr Blok) (В.Ф. Ходасевич), «Но для большей части *прекрасной половины человечества* вопрос защиты чести и достоинства стоит ребром» // *Pero para la mayor parte de las mujeres, la cuestión de la defensa del honor y la dignidad es de gran actualidad* (А. Яшкин); «И всё же светскому сыску не обойтись без *прекрасного пола*, а тут дело совсем, совсем другое, не до болтовни» // *Pero a fin de cuentas el espionaje no puede prescindir de las mujeres aunque éste no es el asunto que nos ocupa; no estamos para conversaciones inútiles* (Ю. Давыдов), «С первого весеннего номера у нас снова появляются страницы, предназначенные специально для *прекрасного пола*» // *Con el primer número de la temporada de primavera volverán a aparecer páginas especialmente dedicadas a las mujeres* (А. Лезандр). При сравнении достаточно частотное обращение к мифологии: *прекрасна, как богиня, как Геркулес, как ангел, нимфа* и т.д.; а также *как солнце, луна*. Как видно из примеров, выражения *прекрасная половина человечества* и *прекрасный пол* переводятся на испанский как *las mujeres*.

При характеристике мужчин в указанный ранее ряд можно поставить устойчивое выражение *прекрасный принц*: «Когда-то со мной в институте училась Аня Решетова, вот она тоже полжизни ждала *прекрасного принца*, а потом выскочила замуж за лысого вдовца, обременённого тремя детьми» // *Nace algún tiempo estu-*

diabamos juntas en la misma universidad Anja Reshetova y yo, y ella también se pasó media vida esperando a un *príncipe perfecto* para acabar casándose con un viudo calvo que tenía tres hijos (Д. Донцова), «Это лицо из сказки: *Прекрасный Принц* без тени смущения глядит на меня» // A este *Príncipe perfecto* salido de un cuento maravilloso no le da ninguna vergüenza mirarme fijamente (О. Сувльчинская). Данное выражение переводится на испанский как *Príncipe perfecto*.

Наиболее часто данное прилагательное сочетается с такими существительными, как *утро, человек, пол, дама, день, женщина, лицо*, менее частотно — с существительными *вечер, вид, город, Елена, идея, место, мир, память, половина, работа, язык, возможность*. Регулярно в нашем материале фиксируется *прекрасный день* и, как правило, в значении «однажды»: «В *один прекрасный день* Андрей предложил Парфенову несколько идей для сюжетов в программу «Намедни» // *Y un buen día* Andrej le propuso a Parfenov varias ideas que le servirían de temas para el programa “*Namedni* (Hace unos días)” (М. Торгова), «А вдруг в *один прекрасный день* он придёт с намерением... убить меня?» // ¿Y qué pasa si de pronto *un buen día* él viene con una idea... matarme? (Т. Тронина). Кроме этого при характеристике периода мы отмечаем *прекрасный вечер, утро, время, момент* и др. Выражение *один прекрасный день* переводится на испанский как *un buen día*.

4. Анализ употребления прилагательного *некрасивый* в русском языке и его перевод на испанский

Некрасивый означает «отличающийся неправильностью очертаний, отсутствием гармонии красок, тонов, линий и т.п., непривлекательный на вид», «имеющий непривлекательные черты лица», «неприятный для слуха, неблагозвучный», а также «нечестный, непорядочный, предосудительный». Синонимами данного прилагательного являются *некрасивый, невзрачный, неказистый, безобразный, уродливый, неприглядный, нескладный, несуразный, неуклюжий, грубый, дурной, лубочный, аляповатый, плюгавый*. Как правило, данное прилагательное употребляется с существительными *девочка, девушка, женщина, лицо, человек*. Например: «У нас нет стереотипов, да и вообще — *некрасивых* *девушек* не бывает, бывают глупые мужчины» // *Nosotros no tenemos estereotipos y, en general, no hay chicas feas sino hombres tontos* (Е. Грудинина, О. Белодед), «Женщина вспыхнула, и впервые бледное её, *некрасивое* *лицо* зажёл румянец» // *La mujer se ruborizó y, por primera vez, su feo y pálido rostro se puso colorado* (О. Павлов), «*Некрасивые* *люди* часто погибают при столкновении с красотой, красота пожирает их души, питаюсь ими» // *La gente fea frecuentemente sucumbe ante la belleza; la belleza devora sus almas y se alimenta de ellas* (Д. Липскеров).

Прилагательные *красивый* и *некрасивый* достаточно часто употребляется с существительными, имеющими уменьшительно-ласкательный суффикс:

— *красивый*: «За несколько лет до смерти я подарил ей *красивую лакированную сумочку*» // Pocos años antes de su muerte yo le regalé un *bonito bolso de charol* (Ф. Чеханков), «Идёт *красивый, чистенький блондинчик* в заграничном костюме, при галстуке, в модных штиблетах...» // *Va un rubito guapo y aseado con un traje importado, corbata y zapatos de moda* (А.Рыбаков).

— *некрасивый*: «Было, когда я взбегал позади неё в кабинет фонетики и вдруг увидел, что у неё толстенькие, *некрасивые ножки*, и сердце наполнилось к ней теплом, жалостью и еще большей, чем всегда, любовью» // *Ocurrió lo siguiente: cuando salí corriendo detrás de ella hacia el laboratorio de fonética me di cuenta, de pronto, de que tenía unas piernas gordas y deformes y mi corazón se inundó de afecto y de compasión y, más que nunca, de amor* (И.М. Дьяконов).

5. Анализ употребления прилагательного *уродливый* в русском языке и его перевод на испанский

Прилагательное *уродливый* означает «прирождённый физический недостаток, отличающийся уродством», «резко отклоняющийся от нормального вида, строения (о частях тела)», «очень некрасивый, безобразный», «неправильный, ненормальный, искажённый». Так же, как и *некрасивый*, оно сочетается с такими словами как *город, дом, здание, лицо, форма, человек*: «Возьмем, например, Афины — до чего *уродливый город*» // *Fijémonos, por ejemplo, en Atenas: ¡Hasta qué punto es una ciudad horrible!* («Неприкосновенный запас»), «Лучше бы мне больше никогда не бывать на Новгородской улице, но я как-то случайно оказалась там пару лет назад и, к несчастью, летом. Одинаковые белые *уродливые дома*. Да что их ругать, всё ведь и так понятно» // *Lo mejor que podía hacer es no volver a ir a la calle Novgorodskaja, pero de alguna forma aparecí allí, por casualidad, hace un par de años y, por desgracia, era verano. Casas blancas horribles todas idénticas. Pero no se les puede reprochar nada porque, en realidad, está todo claro* (К. Метелица), «*Уродливое здание*, содержащее супермаркет и «Макдональдс», сильно портит барочные дома по периметру» // *Un edificio horrible que tiene un supermercado y un McDonald's estropea considerablemente las casas barrocas que hay alrededor* (П. Вайль), «Позже всех приходил Барадупин, коллежский секретарь, большой, шумный, с *уродливым лицом*, покрытым угрями» // *El último que venía era Baradulin, el secretario del colegio, un tipo grande y ruidoso, con la cara horrible y llena de granos* (М. Шишкин), «Было странно, что этот грубый со всеми, *уродливый человек*

всегда говорил с Егором заискивающе» // Resultaba extraño que este tipo, que era brusco con todo el mundo y una *mala persona*, siempre hablaba con Egor con un tono adulator (Р.Б. Гуть).

Кроме этого частотны *мир, фигура, человек, отношение, явление, отношение, проявление, жизнь, воспоминание, система, существо, тень. Уродливый* воспринимается как более высокая степень *некрасивого*: «Mesrob был не просто некрасив, но уродлив» // Mesrob no era simplemente feo; era *horrible* (А. Тарасов). С другой стороны, *уродливый*, в отличие от прилагательного *некрасивый*, может характеризовать конкретные предметы: *ботинок, одежда, рот, рубец храм, шапка, шам.*

Как видно из примеров, *уродливый* при описании физических недостатков переводится на испанский *horrible*. Если же речь идёт об отрицательных моральных качествах человека, более точным переводом является *malo* или *perverso*.

6. Заключение

В настоящей статье было рассмотрено семантическое употребление прилагательных *красивый, прекрасный, некрасивый* и *уродливый*, выражающих эстетическую оценку в русском языке и имеющих согласно предложенному выше систематическому анализу аналогичные лексемы в испанском языке.

Проделанная работа показала, что при сопоставительном исследовании необходимо чётко определять не только значение, выражаемое прилагательным, но и соотнесённость оцениваемого объекта, выраженного существительным, с той или иной стороне действительности. Достигнутые результаты могут быть использованы в практике лексикографического описания (одноязычных и двуязычных словарей), а также в преподавании русской лексикологии и практической стилистики на продвинутых этапах обучения русскому языку испаноговорящим.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М., 1988.
Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
Булгыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.
Сиротинина О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи. М., 1996.

Н.М. Нестерова,

доктор филологических наук, Пермский государственный технический университет, профессор; e-mail: nest-nat@yandex.ru

Е.А. Наугольных,

кандидат филологических наук, Пермская государственная фармацевтическая академия, доцент; e-mail: pulina_jane@mail.ru

О «ЗАГАДОЧНЫХ» ОККАЗИОНАЛИЗМАХ ДЖ. ДЖОЙСА И СПОСОБАХ ИХ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена проблеме переводимости и/или непереводимости лексических новообразований Дж. Джойса в романе «Улисс», который является одним из сложнейших произведений в мировой литературе. Авторские окказионализмы, концентрация которых в романе очень велика, отличаются большим разнообразием моделей их создания, что делает перевод романа очень сложной задачей. Авторы анализируют как способы создания окказионализмов, так и способы их перевода на русский и немецкий языки. Исследование позволило выявить определённые закономерности в выборе способа перевода, в частности их зависимость от словообразовательной модели, используемой автором романа.

Ключевые слова: окказиональное слово, словообразовательная модель, переводимость, соответствие, закономерное соответствие, способ перевода.

Natalya M. Nesterova,

Dr. Sc. (Philology), Professor of Foreign Languages, Linguistics and Cross-cultural communication at Perm State Technical University, Russia; e-mail: nest-nat@yandex.ru

Yevgenia A. Naugolnykh,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Perm State Pharmaceutical Academy, Russia; e-mail: pulina_jane@mail.ru

On “Mysterious” Nonce Words of James Joyce and Methods of Their Translation

The paper aims at studying translatability/untranslatability of nonce words in James Joyce’s *Ulysses* which is known as one of the most challenging novels in the world literature. A great number of such words in the novel and their structural variety makes the task of the translator very complicated. The authors analyze both the ways of forming original new lexical units and the ways of their translation into Russian and German. The comparative analysis of original units and their Russian and German equivalents allowed to outline some regularity in the choice of a translation method and to reveal the dependence of this choice on word-formation models used by James Joyce.

Key words: nonce words, word-formation model, translatability, equivalent, translation method.

At the beginning of translation is the word.

Ж. Деррида

«Произведение, которое переводимо, не стоит перевода», — сказал в своё время французский писатель Жан Поль Рихтер, подчеркнув тем самым, что именно «непереводимые» литературные

тексты и должны переводиться. Одним из самых «непереводимых» произведений в мировой литературе, бесспорно, является «Улисс» Дж. Джойса. Прочитать, понять и перевести этот великий текст — задача практически невыполнимая, не случайно он заслужил славу «unreadable». Но можно определить произведение Дж. Джойса и по-другому — как текст, который «поддаётся *бесконечному* прочтению, поскольку не существует единого исторического кода значения, способного истощить его семантические возможности» (перевод и курсив наши. — *Н.Н., Е.Н.*) [Mcgee, 1988, p. 7].

О необходимости «бесконечного прочтения» некоторых художественных текстов пишет и У. Эко, который называет чтение таких текстов «прогулкой в литературных лесах» [Эко, 2007, с. 50]. Если говорить о прогулке по тексту Дж. Джойса, то можно сказать, что автор действительно заставляет читателя «идти, разбираясь по дороге, *как* лес устроен, и выясняя, почему некоторые тропинки проходимы, а другие — нет» [там же]. Таких «непроходимых» или «труднопроходимых тропинок» в «Улиссе», с его сложным языковым устройством, очень много. Здесь уместно привести слова С. Хоружего, который совершил прогулку по этим «непроходимым» тропинкам и совместно с В. Хинкисом рискнул перевести этот «нечитабельный» текст. В комментарии к собственному переводу он, в частности, пишет: «В отличие от старых романов, автор Улисса желает не просто поведать историю, хотя бы и поучительную. Он смотрит иначе на литературное дело. У него многое найдётся поведать — о человеке, о жизни, об искусстве, — но он убеждён: всё по-настоящему важное литература доносит, не “рассказывая историю” и не вкладывая идейное содержание, а уже самую свою форму, письмом, способом речи — *тем, как говорится*» [Хоружий, 2009, с. 779].

Суждение переводчика вызывает в памяти размышление о переводе Э. Сепира, который считал, что есть два вида, или уровня, литературного искусства — «обобщающее *внеязыковое* искусство, доступное передаче без ущерба средствами чужого языка, и *специфически языковое* искусство, по существу непереводимое». Соответственно литература, по мнению Сепира, «движется в языке как в своём средстве, но это средство обнимает два пласта: скрытое в языке содержание — нашу интуитивную регистрацию опыта, и особое строение данного языка — специфическое “как” этой нашей регистрации опыта» [Сепир, 2001, 196]. Соответственно, считает Сепир, литература, которая «питается по преимуществу низшим пластом, переводима без всякого ущерба для своего содержания», и, наоборот, литература, которая «движется по верхнему языковому слою, фактически непереводима» [там же]. Совершенно очевидно, что и читаться эти разные литературы должны по-разному. Так, по

мнению С. Хоружего, задача читателя «Улисса», несомненно, относящегося ко второй литературе, состоит в том, чтобы «не столько внимать идеям, которые автор преподаёт читателю, сколько всматриваться и вслушиваться в текст». Это означает, что «читатель должен быть не пассивным, а активным, не учеником автора, а самостоятельным соучастником в событии текста. Ему полезней не мудрствовать, а востричь ухо и глаз, следя, что *продельывает* автор» (курсив наш. — *Е.Н., Н.Н.*) [там же]. А Дж. Джойс как автор «продельывает» многое, в частности со словом, которое у него не подчиняется обыденным значениям, в нем «реальность и язык расходятся, превращая текст в невротическую структуру, разрушая его физические границы» (перевод наш. — *Н.Н., Е.Н.*) [MacCabe, 1979, p. 107]. Стремление писателя к многосмысленности буквально расщепляет слово на морфемы и фонемы, обнажая самую сердцевину образа, в котором сосредоточены человеческая жизнь, религия, науки и искусства. В результате этого возникают образы, контексты, слова, звуки, зачастую изуродованные, диковинные и абсурдные, практически «непереводимые»:

Bronze by gold heard the *hoofirons, steelyringing.*
Impertnthn thnthn.
 Chips, picking chips off rocky thumbnail, chips.
 Horrid! And gold flushed more.
 A husky *fifenote* blew.

Did not: no, no: believe: *Lidlyd.* With a cock with a *carra.*
 Black. *Deepsounding.* Do, Ben, do.
 Wait while you wait. *Hee hee.* Wait while you *hee.* (p. 244)

Как видно из вышеприведённого отрывка, концентрация окказиональных единиц в некоторых частях романа «Улисс» настолько велика, что, кажется, Дж. Джойс создаёт свой особый язык и оперирует им на протяжении всех 900 страниц произведения.

У. Эко, обращаясь к проблеме перевода Дж. Джойса, считает, что в данном случае нужно говорить об особом случае создания текста на ПЯ, требующего радикальной осмысленной переработки первоисточника, поскольку передать такой «язык, столь легко поддающийся неологизмам и скрещиванию различных слов, как английский», на менее гибкие и свободные многочисленные языки перевода — непростая задача [Эко, 2006, с. 365]. Исходя из этого любой перевод романа «Улисс» изначально будет «менее динамичным, сентиментальным, более размытым, вводящим в заблуждения и напротив не вводящим в них; такими переводами следует восхищаться, но не доверять им» (перевод наш. — *Н.Н., Е.Н.*) [Senn, 1985, s. 34]. Если рассматривать перевод как возможность отделения содержания от формы, то «Улисс» — это своеобразный рубеж, грань, за которой перевод фактически невозможен.

Перевод, по мнению Х.Г. Гадамера, есть «предельный случай, удваивающий сам герменевтический процесс», а «ситуация переводчика, по сути дела, совпадает с ситуацией интерпретатора». Особенностью данного вида интерпретирования является то, что текст перевода как результат интерпретации предстаёт перед читателем «в новом свете, в свете другого языка». Этим осложняется проблема верности оригиналу, которая характерна для любого истолкования. «Как и всякое истолкование, перевод означает переосвещение (*Überhellung*), попытку представить нечто в новом свете. Тот, кто переводит, вынужден взять на себя выполнение этой задачи. Он не может оставить в своём переводе ничего такого, что не было бы совершенно ясным ему самому» [Гадамер, 1988, с. 449].

В случае с таким текстом, как «Улисс», достигнуть подобной ясности очень трудно, если не невозможно. Высокая языковая обусловленность романа, несомненно, очень затрудняет его чтение, интерпретацию и особенно перевод. Традиционно принято различать перевод в условиях наличия переводческого соответствия и в условиях отсутствия такового. Когда речь идёт о переводе окказиональных единиц, безусловно, мы имеем дело с переводом в условиях отсутствия соответствия, поскольку, создавая новое слово, писатель заключает *новое* значение в *новую* форму. В такой ситуации автоматизм понимания перестаёт действовать, так как за *новым* иноязычным словом не стоят легко угадываемый референт и соответствующее понятие. Подобная ситуация может быть с полным правом названа герменевтической, где главной проблемой является проблема понимания, точнее понимание часто абсолютно «непонятного» нового слова.

Хорошо известно, что окказиональные слова всегда вызывают трудности при их межъязыковой трансляции. Отсутствие готового закономерного соответствия делает его поиск индивидуальным творческим процессом. К тому же появление нового слова всегда связано с особенностями системы словообразования того языка, в котором оно появляется. Это означает, что различия в словообразовательных системах языков оригинала и перевода могут стать причиной непереводимости окказионализма. Однако, как показывает анализ переводов, и «непереводимое» переводится, причём перевод и в этом случае подчиняется определённым правилам. И правила эти «работают» как в процессе восприятия (первая фаза перевода), так и в процессе нахождения переводного соответствия. Поскольку в случае с окказиональными единицами, обладающими специфическим набором признаков, восприятие смыслового комплекса затруднено, то процесс порождения текста становится в значительной степени «авторским», что и приводит к возникновению множества вариантов, часто различных как по форме, так и по содержанию.

Проведённый нами анализ новообразований Дж. Джойса позволяет утверждать, что хотя писатель и стремился к разрушению традиционного мира в литературном тексте при помощи языка, именно язык во многих случаях «подсказывал» ему использование той или иной модели словообразования. Наша выборка окказионализмов «Улисса» (около 1000 окказиональных единиц) позволила выделить следующие основные способы их образования: *словосложение, слияние, контаминация, аффиксация, конверсия, альтернатива, редеривация, протеза, звукоподражание, вставки внутри слова и смешанные формы словообразования.*

Многообразие и уникальность новообразований Дж. Джойса представляют собой одну из тех «непроходимых тропинок», по которой должен пройти переводчик и найти свой «выход». В этой связи интересным и важным (с точки зрения обобщения переводческого опыта и выявления определённых закономерностей восприятия и перевода художественного окказионального слова) представляется сопоставительный анализ тех переводческих решений, которые были предложены переводчиками при переводе на разные языки. В данной работе анализируются два русскоязычных перевода: один из них принадлежит В. Хинкису и С. Хоружему и является уже своего рода хрестоматийным, а второй был выполнен С. Маховым в 2007 г.

Для сопоставления также были взяты два немецких варианта произведения. Выбор немецкого перевода не случаен, он продиктован особенностями этого языка, в частности, тенденцией объединять простые слова в сложные, поскольку именно словосложение является доминирующим способом образования новых слов в произведении Дж. Джойса. Это позволило нам предположить относительную «лёгкость» транслирования окказионализмов Дж. Джойса на немецкий язык. Кроме того, немецкий перевод Г. Гойерта, законченный в 1927 г., при жизни Дж. Джойса стал первым иностранным переводом «Улисса», который, как известно, не вызвал удовлетворения у самого писателя, отлично знавшего этот язык. По мнению критиков, вариант Г. Волльшлегера, впервые опубликованный в 1975 г., во многом эстетически и филологически превосходит первоначальный перевод Г. Гойерта, однако не лишён ряда ошибок и неточностей [Melchior, 1985, s. 72]. Показалось интересным сопоставить эти два перевода, разделённые значительной временной дистанцией, и сравнить способы трансляции окказиональных единиц, используемые переводчиками.

Наше исследование включало в себя морфемный и словообразовательный анализ исходных (англоязычных) окказионализмов, а также комплексный сопоставительный анализ лексических новообразований оригинала и их немецких и русских переводных соответствий.

Рассматриваемые в данной работе примеры приводятся в следующем порядке по изданиям: Joyce J. *Ulysses*. London: Picador, 1998. 741 p.; Joyce J. *Ulysses: Roman / übersetzt von Georg Goyert*. Zürich: Rhein-Verlag, 1956. 836 s.; Joyce J. *Ulysses: Roman / übersetzt von Hans Wollschläger*. Ulm: Suhrkamp Verlag, 2004. 987 s.; Джойс Дж. Улисс: Роман / пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. СПб.: Симпозиум, 2002. 830 с.; Джойс Дж. Соч.: В 3 т. Т. 2: Одиссея / Пер. с англ. С. Махова. М.: ООО «СФК Инвест», 2007. 696 с.

Проведённый нами анализ окказиональных единиц и их переводных соответствий в русском и немецком языках позволил выделить следующие основные способы перевода окказиональной лексики: 1) создание окказионализма в языке перевода с учётом модели окказионализма исходного языка (сохранение как формы, так и содержания); 2) лексическая замена окказиональной единицы узуальным словом (сохранение содержания с потерей формы); 3) транскрипция/транслитерация окказионализма (сохранение формы с потерей содержания); 4) опущение окказионального слова (потеря и формы, и содержания).

Как уже отмечалось, различия в способах создания окказиональных новообразований обуславливаются, как правило, различиями в словообразовательных системах языков. В связи с этим способы перевода окказиональных слов также во многом зависят от структурной близости/дальности словообразовательных систем языка оригинала и языка перевода. Существует определённое сходство систем словообразования в английском, немецком и русском языках. Во всех трёх языках присутствуют три основных способа словообразования: аффиксация, словосложение и конверсия, однако их распространённость в анализируемых языках неодинакова. Относительно похожий фонетический строй, а также некоторые общие черты словообразовательных систем позволяют предположить, что немецкий и английский языки являются более взаимотранслируемыми по сравнению с русским языком, словообразовательная система которого в определённой степени отличается от первых двух. В качестве подтверждения приведём анализ некоторых примеров.

В романе «Улисс» содержится огромное количество фонетических окказионализмов, к которым относят новообразования какого-либо звукового комплекса, содержащие семантику, обусловленную фонетическими значениями звуков, их составляющих. Это так называемые многообразные «звуки объектов», прямая речь вещей и стихий, поскольку автор, как отмечает С. Хоружий, «ярко выраженный слуховик». Показательными примерами таких фонетических окказионализмов являются: *kraandl*, *pfrwritt*, *sllt* и т.д.

That door too *sllt* creaking, asking to be shut. Everything speaks in its own way (p. 117).

Die Türe da knarrt auch, *sllt*, will geschlossen werden (s. 140).

Die Tür da vorn *sllt* auch, knirscht, kreischt, will gern geschlossen sein (s. 166).

И та дверь *maxaet*, поскрипывает, просит, чтобы прикрыли (с. 117).

Дверь вон тоже *o-oxxx* прокряхтывает, просит, мол, закройте (с. 115).

Латинский алфавит, лёгший в основу немецкого и английского алфавитов, позволил Г. Гойерту и Г. Вольшшлегеру оставить окказионализм Дж. Джойса без изменений, тогда как русским переводчикам пришлось создавать подобную единицу на языке перевода. С. Махов образует окказионализм от междометия «ох», в то время как В. Хинкис и С. Хоружий останавливаются на другом междометии — «ах», пытаясь тем самым выразить «прямую речь» двери, которую Дж. Джойс одушевляет в тексте романа.

Занимаясь словотворчеством, Дж. Джойс, как уже было отмечено, нередко прибегает к словосложению с простым примыканием или агглютинацией, что в целом характерно для английского языка. Словосложение в немецком языке также является продуктивным средством, в первую очередь в сфере образования существительных. Что касается русского языка, то здесь основы сложного слова часто соединяются при помощи служебных морфем -о или -е. В «Улиссе» наиболее распространён двухосновный тип сложных слов (*hoofirons, girlgold, ringsteel, lovesoft*). Реже встречаются трёх- (*bensoulbenjamin*), четырёх- (*stickumbrelladustcoat*) и даже семикомпонентные единицы (*mangongwheeltracktrolleyglarejuggernaut*).

Как для английского, так и для русского языка сложные слова, состоящие из трёх основ, являются большой редкостью, в то время как в немецком языке компоненты сложных слов, в свою очередь, тоже могут быть сложными. Это становится причиной размещения одного и того же окказионального слова в данных языках на разных полюсах шкалы, где один конец занимают новообразования, сразу поражающие своей яркостью и сложностью восприятия, а с другой — единицы, образованные по продуктивным моделям словообразования и, следовательно, менее экспрессивные.

Условное деление окказиональных единиц на потенциализмы и собственно окказионализмы позволяет частично объяснить, почему в тексте Г. Гойрета, Г. Вольшшлегера, В. Хинкиса и С. Хоружего, а также С. Махова им порой соответствуют узуальные слова. Наблюдается тенденция к увеличению количества окказиональных слов во вторых по хронологии переводах романа «Улисс» как в русском (*boowomen — героини, которые играли юношей, мальчикоженщины*), так и в немецком языках (*booseguzzling — versoffenen, schnaps-sauphenden*).

Очевидна любовь Дж. Джойса к созданию сложных глаголов по модели V + V + ..., что является атипичным для немецкого и русского языков: *seehears* (*siehthört, siehthört, услышел, слывидит*); *smiledawnednodded* (*lächeltegähntenickte, lächeltegähntenickte, улыбнулсязевнулживнул, улыбнулсязевнулживнул*). Нами замечено, что все переводчики воспроизводят основы, входящие в состав сложного слова в тексте перевода, соединяя их согласно правилам ПЯ.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что переводчики Дж. Джойса в целом стремились сохранить способ образования окказиональной единицы и в то же время максимально передать её значение на языке перевода, иными словами, они создавали окказионализмы в ПЯ по модели окказионализма в ИЯ:

Horseness is the *whatness* of *allhorse* (p. 178).

Pferdsein ist das *Wassein* des *Allpferds* (s. 212).

Pferdheit ist die *Washeit* des *Allpferds* (s. 254).

Лошадность — это *чтойность вселошади* (с. 178).

Лошадность — это *чтойность вселошади* (с. 177).

В данном случае модель образования окказионализмов относительно «прозрачна» и в переводческих решениях наблюдается относительное единство. Однако далеко не все окказионализмы Дж. Джойса одинаково легко переводимы. Особую сложность, естественно, вызывают те единицы, которые были созданы по смешанным моделям словообразования: например, сложное авторское новообразование из 7 основ *mangongwheeltracktrolleyglareju ggernaut* (man + gong + wheel + track + trolley + glare + juggernaut).

Might have lost my life too with that *mangongwheeltracktrolleyglareju ggernaut* only for presence of mind (p. 424).

Leben kommen können mit diesem *Kerlglockeradgeleiserrolleglitschige rboden*, wenn ich nicht Geistesgegenwart besessen hätte (s. 501).

Hätte ja auch glatt ums Leben kommen können durch diesen *Kerlgon gradgleisrolleglitzerdschagannath*, wenn ich nicht geistesgegenwärtig genug (s. 606).

Мог бы расстаться с жизнью из-за этого *трамгонгфардугрельсджаггернаут*, хорошо, что не растерялся (с. 426).

Чуть жизни не решился из-за той *вожатогудкоколесопутедугосветодавилки*, хорошо сохранил присутствие духа (с. 429).

Как видно из переводов, каждый переводчик по-своему разбивал окказионализм на морфемы, а следовательно, по-разному трактовал новое слово Дж. Джойса.

Итак, как видно из приведённых примеров, среди способов перевода авторских новообразований Дж. Джойса преобладает создание окказионализма в языке перевода согласно словообразовательной модели, предложенной автором, особенно в случае «прозрачного» способа словообразования. Это позволяет говорить о некоторых

универсальных способах окказионального словообразования. Наибольшую сложность для перевода вызывают новообразования, созданные по смешанным окказиональным моделям.

Возможности русского языка в меньшей степени, чем немецкого, позволяют передать полностью семантическую и звуковую основу окказиональных новообразований Дж. Джойса. Это объясняется, прежде всего, структурными различиями в словообразовательных системах английского и русского языков, принадлежащих к различным группам.

Структурная близость немецкого и английского языков как следствие их принадлежности к одной и той же языковой группе позволяет, как правило, сохранить в переводе словообразовательные особенности окказиональной единицы. В то же время при переводе английских окказиональных слов, образованных посредством словосложения, в немецком языке несколько стирается «окказиональность» подобных единиц, поскольку такие новообразования более типичны для немецкого языка, чем для английского.

Таким образом, анализ моделей, использованных Дж. Джойсом для создания окказионализмов, а также сопоставительный анализ данных лексических единиц и вариантов их перевода на русский и немецкий язык позволяет сделать определённые выводы. Во-первых, можно говорить, что образование «новых» слов Дж. Джойса подчинено определённым моделям словообразования английского языка. Во-вторых, модель создания исходного английского окказионализма в значительной степени влияет на выбор способа перевода. Исследование переводов показало, что в случае использования только одной модели, которая легко выявляется и не противоречит словообразовательной системе языка перевода, переводчики в основном стремятся создать вариант перевода по этой же модели, что ведёт к определённому совпадению переводческих решений. И наоборот, если исходный окказионализм был создан по смешанной модели, варианты переводов значительно отличаются друг от друга, поскольку в данном случае переводческое решение зависит от того, как переводчик расшифровал внутреннюю структуру англоязычного окказионального слова. Кроме того, перевод окказиональной лексики во многом зависит от степени близости словообразовательных систем языков оригинала и перевода.

В заключение хочется подчеркнуть, что проблема межъязыковой трансляции окказионализмов представляет, на наш взгляд, большой интерес для исследований в области художественного перевода, где авторское *новое слово* требует очень бережного отношения со стороны переводчика. В данном случае слова Ж. Деррида «at the beginning of translation is the word», вынесенные в эпиграф, кажутся особенно справедливыми.

Список литературы

- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем.; Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
- Джойс Дж.* Улисс: роман / Пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. СПб.: Изд. группа «Азбука-классика», 2009. — 992 с.
- Сенир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ.; Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. 656 с.
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с итал. А.Н. Ковалю. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.
- Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах / Пер. с итал. А. Глебовской. СПб.: Симпозиум, 2007. 285 с.
- MacCabe C.* James Joyce and the revolution of the word. London: Macmillan, 1979. 186 p.
- Mcgee P.* Paperspace: Style as ideology in Joyce's Ulysses. Lincoln: University Press, 1988. 243 p.
- Melchior C.* «Ulysses» Deutsch // James Joyce betreffend: Materialien zur Vermessung seines Universums. Wien, 1985. Bd 1. S. 67—73.
- Senn F.* Die Modernität der Rücksicht // James Joyce betreffend: Materialien zur Vermessung seines Universums. Wien, 1985. Bd 1. S. 27—42.

В.С. Петрина,

аспирантка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: well-33@yandex.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СПОРТ»

В данной работе исследуется фразеосемантическое поле «спорт» в русском и французском языках. Проводится анализ структурной организации поля (выделяются центр, ядро и периферия), системных отношений между единицами поля, а также внутренней формы самих фразеологизмов. Подобное сопоставительное изучение ФСП позволило выявить некоторые сходства и различия в манере членения действительности каждым из сопоставляемых языков.

Ключевые слова: фразеосемантическое поле, фразеологическая единица, термин, ядро, центр и периферия поля, синонимия, эквивалентность.

Valentina S. Petrina,

Graduate Student at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: well-33@yandex.ru

A Comparative Analysis of the Phraseological-Semantic Field “Sport” in the Russian and French Languages

This research deals with the phraseological-semantic field “sport” in the Russian and French languages. First of all, the author studies the structure of the field (center, core, periphery), then the relations between various units of the field, and finally the structure of the meaning of phraseological units. Such comparative research reveals several important similarities as well as differences between the way each language structures the reality.

Key words: phraseological-semantic field, phraseological unit, term, core, center, periphery, field, synonymy, equivalence.

Исследования фразеосемантических полей (ФСП) появились около десяти лет назад. При этом термин ФСП понимается как совокупность фразеологических единиц, связанных по смыслу. На данный момент существуют статьи и монографические исследования различных ФСП: Аюпова Р.А. Семантическое поле «любовь и ненависть» в русской и английской фразеологии, 2003; Бабенко Е.В. Фразеосемантическое поле эмоций, 2003; Волошикина И.А. Фразеосемантическое поле «характер человека» на материале французского языка, 2009 и др. ФСП «спорт» еще не было исследовано с лингвистической точки зрения, и потому наша работа представляется актуальной как в теоретическом плане (дальнейшая разработка теории ФСП), так и в практическом, так как предлагает способы репрезентации (перевода) фразеологизма в другом языке.

Объектом нашего исследования являются русское и французское фразеосемантические поля «спорт» и входящие в них фразеологизмы спортивного происхождения. Генеральной задачей исследования является сопоставительное изучение организации полей, а также анализ соотношения фразеологических единиц русского и французского спортивного языка, что позволит определить национальную специфику образа мышления носителей двух разных культур. Наша картотека состоит из 257 русских и 338 французских терминов-фразеологизмов, извлечённых методом сплошной выборки из следующих толковых и фразеологических словарей: для русского языка — Большой фразеологический словарь русского языка под ред. Телия В.Н.; Жуков В.П. Лексико-фразеологический словарь русского языка; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка; Сулов Ф.П., Тышлер Д.А. Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов; Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка; для французского языка — Така В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь; Новый большой французско-русский фразеологический словарь под ред. Така В.Г.; Le Robert des sports; Le Petit Robert, par A.Rey et J. Rey-Debove; Dictionnaire des expressions et locutions figurées, par Alain Rey et Sophie.

Итак, фразеосемантическое поле «спорт» понимается нами как структурная организация совокупности фразеологических единиц, которые находятся в определённых системных отношениях и объединяются общностью семантической темы (т.е. обозначают различные спортивные игры, правила, участников, спортивный инвентарь). В ФСП входят следующие виды фразеологизмов. Во-первых, однозначные термины, относящиеся к специальному языку (или ЯСЦ) спорта и составляющие в русском языке 53,3% корпуса отобранных фразеологизмов, а во французском — 33%. Большинство из них являются унилатеральными фразеологизмами, которые характеризуются односторонней смысловой зависимостью компонентов: *aller à la rame, tir en cloche, saut de l'ange*. Вторую группу составляют терминологические фразеологизмы, называемые А.В. Куниным «идиофразеоматизмы» (41% в русском языке и 53% во французском), т.е. «устойчивые словосочетания, у первых фразеосемантических вариантов которых компоненты имеют буквальные, но осложнённые значения, а у вторых идиоматических вариантов — полностью переосмысленные» [Кунин, 1986, с. 27]. Таким образом, подобные терминологические фразеологизмы имеют как минимум два значения: одно — буквальное, которое соответствует какому-то определённому специальному понятию в сфере спорта, а второе — переосмысленное, которое употребляется, как правило, в какой-то другой сфере деятельности: политической, общественной, куль-

турной: *бить прямо в цель, выйти в дамки, держать на мушке, играть в поддавки; avoir le vent en poupe, gagner la première manche, miser sur le mauvais cheval*. В-третьих, в исследуемое ФСП мы включили ФЕ (7% русских фразеологизмов, входящих в картотеку, и 14% — французских), которые реализуются в речи исключительно во фразеологическом значении, как единственно возможном для них, т.е. являются идиомами. Это устойчивые сочетания слов, которые употребляются в спортивной сфере либо происходят этимологически из спортивных игр: за флагом (остаться), аллюр три креста, без руля и без ветрил; *bol d'or, faire cavalier seul, être mal à cheval*.

Любое семантическое поле характеризуется помимо семантической общности элементов следующими основными свойствами: наличием семантических отношений между составляющими его единицами; системным характером этих отношений; относительной автономностью поля; принципиальной незамкнутостью; взаимосвязью семантических полей в пределах всей лексической системы [Стернин, 1985, с. 38-39]. Необходимыми конститuentами в составе поля выступают ядро, центр и периферия. В исследуемом семантическом поле ядро составляют однозначные спортивные термины-фразеологизмы, которые обозначают названия и виды спортивных игр (*ballon rond, balle au panier, poids et halters, соревнования с листа, рубка лозы*), участников спортивных игр (*снежный барс, столбы схватки, une fine lame, un excellent fusil*) и другие спортивные реалии. К центральным понятиям относятся идиофразеоматизмы, у которых буквальное значение соответствует какому-то определённом специальному понятию в сфере спорта (*оказаться в нокауте, prendre la barre*). А к периферии относятся фразеологизмы третьей группы, т.е. идиомы, которые демонстрируют высокую степень спаянности компонентов и приобретают значения, порой далёкие от спорта (*chevaux à toute selle* — «мастера на все руки», *avoir un oeil qui joue le billard et l'autre qui compte les points* — «косить глазами»).

Что же касается семантических отношений между составляющими ФСП словосочетаниями, то в обоих языках присутствуют разные виды отношений: синонимические, антонимические, варианты. Другие виды отношений, такие как гиперогипонемия, корреляция часть-целое, конверсивная корреляция, почти не представлены в исследуемом поле, поскольку единицами ФСП являются фразеологизмы, а не слова.

Синонимия характерна для той части русского и французского ФСП, к которой относятся образные фразеологизмы (т.е. группа идиофразеоматизмов). При этом под фразеологическими синонимами мы понимаем «фразеологизмы с близким значением, обозначающие одно и то же понятие, как правило, соотносительные

с одной и той же частью речи, обладающие частично совпадающей или (реже) одинаковой лексико-фразеологической сочетаемостью, но отличающиеся друг от друга оттенками значения, стилистической окраской, а иногда тем и другим одновременно» [Жуков, 1987, с. 4]. Наиболее общим и решающим условием синонимичности фразеологизмов, таким образом, следует считать то, что они выражают одно общее понятие и совпадают во всех значениях. Например, ФЕ *сойти с дистанции, выйти из игры* значат «1) выйти из спортивного соревнования 2) перестать участвовать в чём-то»; *une bonne épée, une fine lame* значат «отличный фехтовальщик»; *lacher la bride, mettre la bride sur le cou* значат «1) отпустить поводья у лошади, 2) предоставить кому-то свободу, волю». Однако существуют и частичные синонимы, которые совпадают только в одном из значений: ФЕ *попасть в цель* и *бить не в бровь, а прямо в глаз* выражают понятие «удачно, точно, остро говорить о чём-то», хотя у первого есть ещё и буквальное значение «при стрельбе попасть в чёрную часть мишени». Нередко фразеологизмы, выражающие одно понятие, имеют добавочные оттенки значения, вследствие различной образности: *botte à botte* — «se dit d'une course où deux chevaux luttent de près, la jambe intérieure des jockeys presque au contact», *bord à bord* — «avoir deux bateaux luttant de près parallèlement», *roue à roue* — «cycl. au même niveau que concurrent». Все перечисленные фразеологизмы значат «наравне, на одном уровне с соперником», хотя каждое в силу своего происхождения употребляется в разных видах спорта. Как правило, в синонимический ряд входят фразеологизмы одной и той же части речи, например глагольные фразеологизмы с общим значением «лишать уверенности, стойкости кого-то»: *выбивать из седла, выбивать почву из-под ног, сбивать с ног*. Синонимические ряды в языках далеко не всегда совпадают по количеству компонентов. Так, например, во французском имеется четыре синонима для обозначения очень быстрого передвижения на лошади (*aller à étripe cheval, courir à franc étrier, faire feu des quatre fers, faire ventre à terre*), а в русском — два (*скакать во весь опор, скакать так, что искры из-под копыт летят*).

Следует различать такие близкие явления, как синонимия и вариантность. Если при замене одного компонента другим меняется внутренняя форма, то речь идёт о фразеологических синонимах, напротив, если замена компонента не нарушает семантического единства фразеологизмов и не приводит к изменению образного представления, то налицо вариантность. В данной работе мы будем трактовать фразеологические варианты как «закреплённые нормой разновидности фразеологической единицы, характеризующиеся единством образа и общностью смыслового содержания, совпадающие по выполняемой в языке функции, равно как по

своим категориальным (лексико-грамматическим) значениям» [Назарян, 1987, с. 245]. При анализе количества ФЕ, имеющих варианты в русском и французском ФСП, мы выявили, что вариантность более присуща французскому языку (встречается в два раза чаще), так как, по мнению многих исследователей (Федоров А.И., Назарян А.Г.), она — важнейший источник обогащения и обновления фразеологического фонда французского языка. Существуют следующие типы фразеологических вариантов: структурно-грамматические варианты (морфологические варианты (*n'être plus (pas) dans le course* — «1) fam. n'être pas en mesure de gagner 2) fig. avoir perdu contact avec la tête, avant-garde, être complètement dépassé; на хвост(е) — «непосредственно за другими лошадьми»), синтаксические варианты (*quand la balle me viendra (si la balle me venait)* — «при первом удобном случае»); лексические варианты (*cheval de carosse (de charrue)* — «1) упряжная лошадь, 2) грубый, неотёсанный человек, 3) дурак»); лексико-стилистические варианты (лавровый венок (венец)); квантитативные варианты (*faire les (quatre) cent coups* — «предаваться излишествам; кутить; безобразничать»).

Отношения антонимии встречаются в исследуемых ФСП реже, чем отношения синонимии. При этом фразеологические антонимы трактуются Куниным как «коррелятивные фразеологизмы, относящиеся к одному грамматическому классу, частично совпадающие или полностью не совпадающие по лексическому составу, имеющие общий семантический компонент при наличии полярных значений» [Кунин, 1986, с. 117]. Примерами фразеологических антонимов во французском языке могут служить фразеологизмы с общим компонентом: *la queue de peloton / le peloton de queue* — «отстающие» и *la tête de peloton / le peloton de tête* — «головная, лидирующая группа (в велоспорте)»; фразеологизмы, не имеющие общего компонента: *abandonner le gouvernail* — «уйти от власти» и *prendre la barre* — «взять власть в свои руки»; *prendre un carton* — «(разг. спорт.) потерпеть неудачу, полный провал» и *honorer les couleurs du club* — «одержать победу».

Помимо отношений между фразеологическими единицами в поле необходимо сопоставить особенности значений фразеологизмов в каждом из языков. Во французском языке большое количество многозначных фразеологизмов, «когда за одним звуковым комплексом стоит несколько понятий, связанных между собой смысловой общностью и образующих внутреннюю систему» [Соколова, 2010, с. 108]. Развитие многозначности в ФЕ (53% — французских фразеологизмов и 41,6% — русских) обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Полисемия, как правило, является результатом вторичного семантического преобразования, что означает, что образные фразеоло-

гизмы более склонны к образованию нескольких значений. При этом нами было замечено, что чем конкретнее значение компонентов фразеологизма, тем ярче и живее образ, поскольку конкретные слова создают картину и будят воображение, и следовательно, тем больше значений может развить фразеологизм (*оказаться за бортом* — «1) упасть в воду, 2) оказаться вне чего-либо, 3) не быть принятым куда-либо»). Из всех лексико-грамматических разрядов больше всего распространены глагольные многозначные фразеологизмы, которые составляют около 70% всех многозначных фразеологизмов во французском ФСП и 61% — в русском ФСП. Примерами могут служить ФЕ: *tourner bride, renvoyer la balle à qn, закинуть удочку, набирать обороты*. Субстантивные фразеологизмы в обоих языках значительно уступают глагольным: *à pleines voiles, banc d'essai, cheval de renfort, перетягивание каната, круг почета*. Более того, французские фразеологизмы могут развивать нередко больше значений, чем русские (русских ФЕ, имеющих три и больше значений, в три раза меньше).

При этом новые значения ФЕ возникают либо одно из другого — последовательно переосмысление, либо из свободного сочетания, лежащего в основе данного фразеологизма, — параллельное переосмысление. Примером последовательного переосмысления, когда новое значение фразеологизма является результатом переноса предыдущего, может служить многозначный фразеологизм *dans la foulée* — 1) не прерывая бега, не сбавляя шага, 2) продолжая делать что-либо, не ослабляя усилий, 3) по инерции, сразу же после. Таким образом, можно утверждать вслед за Назарян, что при последовательном переосмыслении каждое новое значение ФЕ все дальше удаляется от значения исходного переменного сочетания [Назарян, 1987, с. 225]. В то время как при параллельном переосмыслении новое значение фразеологизма образуется на основе исходного свободного словосочетания и соответственно связь между значениями подобного фразеологизма может быть установлена только через значения этого переменного сочетания. Примером может служить ФЕ *prendre la balle du second bond* в значениях «запоздать с каким-либо делом, взяться за дело слишком поздно» и «не сразу добиться успеха, не сразу достичь цели». Возможны случаи, когда в комплексе значений фразеологической единицы присутствует и параллельное, и последовательное переосмысление. Как пример можно привести многозначный фразеологизм *coup d'envoi*: 1) спорт. подача, первый удар, 2) сильный удар ногой, пинок, 3) начало осуществления чего-то, 4) первый толчок, зачин, 5) выдвижение кандидатуры. В системе значений данной ФЕ последовательными являются значения 1, 3, 4. Значения 2 и 5 восходят к значению

прототипа, т.е. являются параллельным переосмыслением свободного словосочетания.

При поиске эквивалентов в другом языке для фразеологизмов исследуемого поля было выявлено несколько групп возможных языковых соответствий. Первую группу составляют ФЕ с идентичными значениями и образными составляющими, например: *aller contre le courant* — *идти против течения*, *à pleines voiles* — *на всех парусах*, *croiser le fer* — *скрестить шпаги*, *ronger son frein* — *грызть удила*. Они составляют около 11% всех фразеологизмов. Во вторую группу входят ФЕ с идентичными значениями, но разными образными составляющими. Эта группа делится на две подгруппы: ФЕ, относящиеся к семантическому полю «спорт» (*abandonner le gouvernail* — *оставить бразды правления*, *les mettre* — *смаывать удочки*, *à boulevue* — *с места в карьер*), и фразеологизмы, эквиваленты которых в другом языке входят в иное СП (*à un tour de roue* — *рукой подать, только поле перейти*; *à bon joueur la balle* — *на ловца и зверь бежит*). Вторая группа более многочисленна и составляет 26% фразеологического фонда. К третьей, наименее многочисленной (3%) группе, относятся фразеологизмы, имеющие одинаковый образ, сходную форму, но разные значения: брать на буксир («прям. и перен. помочь кому-либо в выполнении чего-либо») — *être à la remorque* («прям. брать на буксир, перен. тащиться в хвосте, слепо следовать за кем-то»); идти по течению («прям. и перен. действовать и жить как повелось») — *aller à vau l'eau* («прям. плыть по течению, перен. провалиться, пойти прахом»). Самая большая, четвёртая, группа включает фразеологизмы, не имеющие фразеологического эквивалента в другом языке (60%). Такие фразеологизмы переводятся либо одним словом, а не фразеологизмом (*ballon oval* — регби, *pointe de vitesse* — спринт), либо свободным словосочетанием (*coucher en joue* — прицелиться из ружья, *prendre à contre-pied* — 1) поставить противника в невыгодное положение, 2) послать мяч не в ту сторону).

Также стоит отметить существенную часть широкоупотребительных французских фразеологизмов (52 единицы), содержащих слова «*balle, ballon, bille, boule*». Большинство таких фразеологизмов относятся к четвертой группе и не имеют эквивалентов в русском языке: *arranger les billes à (de) qn* — «уладить дела, поправить положение дел», *être de la balle* — «быть одной профессии, быть своим», *garder les balles* — «1) караулить мячи, смотреть, как другие играют; 2) остаться не у дел, быть на задворках». Количество и распространённость этих ФЕ вызваны культурно-историческими особенностями французского народа, который всегда любил самые разные виды игры в мяч.

Итак, с помощью исследования фразеологического состава языка посредством выделения ФСП нам удалось выявить различия и сходства в манере членения действительности каждым из сопоставляемых языков. Мы выявили ядро, центр и периферию исследуемого поля, проанализировали системные отношения между единицами поля (при этом выявили, что вариантность более характерна для французского языка). При изучении особенностей формы содержания ФЕ было сделано заключение, что французские фразеологизмы более склонны к полисемии и развивают больше значений, чем русские. Мы выделили четыре способа перевода фразеологизмов, соотношение которых (полных эквивалентов с одинаковыми значениями и образностью в обоих языках всего 11%) подтверждает, что фразеологические картины мира исследуемых языков разнятся.

Список литературы

- Жуков В.П.* Предисловие к Словарю фразеологических синонимов русского языка / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляров. М.: Русский язык, 1987. 4 с.
- Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. С. 27—117.
- Назарян А. Г.* Фразеология современного французского языка: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1987. С. 225—245.
- Соколова Г.Г.* Курс фразеологии французского языка. М.: Высшая школа, 2010. 108 с.
- Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: 1985. С. 38—39.

О.А. Шершукова,

кандидат филологических наук, докторант Института языкознания РАН, преподаватель кафедры романских языков Дипломатической академии МИД, e-mail: okshera@yandex.ru

ТИПОЛОГИЯ ЗНАЧЕНИЙ ЧАСТИ У ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИМЕН В ПОРТУГАЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье речь идет о различных средствах выражения значения части у вещественных имён в португальском и русском языках. Части вещества могут быть различными по своей величине. В русском языке партитивные отношения выражаются с помощью падежей, а в португальском языке посредством артиклей или за счет их отсутствия.

Ключевые слова: часть, целое, вещественное имя, величина, количество, неопределённость, порция.

Oksana A. Shershukova,

Cand. Sc. (Philology), Doctor's Degree Applicant at the Department of Romance Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Lecturer at the Department of Romance Languages, Diplomatic Academy of the Russian Ministry for Foreign Affairs, Moscow, Russia; e-mail: okshera@yandex.ru

The Typology of Meanings of Mass Nouns' Parts in the Portuguese and Russian Languages

The article is devoted to different means of expressing the meaning of mass nouns' parts in the Portuguese and Russian languages. Parts of a thing may be of different size. In the Russian language partitive relations are expressed by means of cases while in Portuguese they are expressed by means of articles or their absence.

Key words: part, the whole, mass noun, size, quantity, indeterminacy, portion.

Одним из видов количественных отношений являются партитивные отношения, характеризующие неполные по мощности множества. Партитивные отношения присущи всем именам, но сами имена имеют различный денотативный статус, т.е. соотносимы с классом-множеством или классом-абстракцией. По мнению Ш. Балли, «часть является предметом, о котором говорят, т.е. определяемым; целое — определяющим» [Балли, 2001, с. 249]. Наиболее явно партитивные отношения выражают вещественные имена. А.А. Уфимцева отмечает, что денотат вещественного имени «номинально» недискретен, так как вещество представляет собой «континуум определённой последовательности», но «актуально» дискретен, поскольку референциально соотносим с делимой на части массой вещества, «поддающейся измерению, а не счёту» [Уфимцева, 1986, с. 125, 127]. Б.А. Успенский полагает, что для обозначения части в языке необходимо, чтобы, с одной стороны, она была вы-

членяема из целого, а с другой стороны, она была качественно однородна, при этом количественно она может быть различна [Успенский, 2004, с. 12].

Обычно лингвисты, занимающиеся количественной тематикой, анализируют значения формы множественного числа неисчисляемых имён, в частности вещественных существительных. Однако мы хотели бы подойти к анализу значений части, обозначаемой вещественным именем, с позиций выражения величины, размера и других параметров. Нам представляется интересным сравнить типологию значений части в португальском и русском языках. В частности, мы собираемся рассмотреть способы обозначения части различными лексическими и грамматическими средствами, которые в португальском и русском языках имеют как сходные черты, так и различия.

Семантика части логически связана с членимостью вещественного объекта на качественно однородные элементы, которые в контексте могут быть представлены либо как квантифицируемая масса (*umas toneladas de marmore* — несколько тонн мрамора; *dois quilos de toucinho* — два килограмма свиного сала; *um litro de leite* — один литр молока), либо как отдельные части с помощью специальных слов-счётчиков со значением партитивности (слова-партитиваторы) или дозификации (слова-дозификаторы), исходя из потребностей человеческого социума в членении и количественном определении вещества [Акуленко, 1990, с. 23]. Значения части могут выражаться не только с помощью слов-счётчиков в словосочетаниях типа «чашка чаю», «кусочек мыла», но и с помощью логико-синтаксической структуры высказывания, в которой ведущую роль играет референтная отнесённость вещественного объекта. Характер представления вещества как части или как целого зависит от референтной отнесённости вещественного объекта.

К грамматическим средствам выражения значения части в португальском языке относятся система артиклей, а в русском языке падежная система. При этом отношения между частью и целым строятся на противопоставлении: в португальском языке между значениями артиклей, а в русском языке между значениями падежей, в частности на противопоставлении родительного партитивного винительному. Кроме того, выделяются по две разновидности родительного и местного падежей [Якобсон 1985, 164]. По мнению Б.А. Успенского, слово, обозначающее часть, вычленяемую из целого, может быть представлено как первым родительным падежом, так и вторым родительным, однако отношения части и целого будут передаваться только вторым родительным падежом [Успенский, 2004, с. 12]. Значения части в португальском и русском языках выражаются также с помощью количественных детерминативов, которые совмещают в себе лексические и грамматические черты.

Часть вещества может быть различна по своей величине, в частности, представлять неопределённо большую или неопределённо малую величину. Партитивное значение указывает на неопределённость, которая не зависит от величины части. Значение части в отличие от значения целого не предполагает количественной завершённости вещественного объекта, поэтому оно указывает либо на количественную неопределённость вещества, либо на часть от количественно определённого вещества. Партитивное значение выражается в португальском языке пропуском артикля перед названием вещества, реже предлогом *de* перед вещественным существительным без артикля, например: *As aves granívoras <...> quando os cactos secam têm que procurar água de contrário morrem (Desertos)* ‘Когда высыхают кактусы <...>, зерноядные птицы *должны отыскивать воду*, в противном случае они погибнут’; *O que sobejava dos linhos, as mães gastavam-no em sabão (Ferreira de Castro)* ‘То, что оставалось от продажи льняных полотен, матери *тратили на покупку мыла*’; *...polvilhe-os de açúcar... (Marie Claire)* ‘...*посыпьте их сахаром*...’. Партитивное значение в португальском языке может передаваться любым сочетанием вещественного имени с предлогом, что не всегда соответствует русскому существительному в родительном или предложном (местном) падеже в партитивном значении. Следует отметить, что в русском языке в родительном партитивном употребляются неодушевлённые существительные. Р. Якобсон отмечает, что «у имён, обозначающих одушевлённые существа, противопоставление винительного и родительного несущественно и в большинстве парадигм устранено: винительный одушевлённых существительных приобретает ту же форму, что и родительный», например *отведай курицы* [Якобсон 1985, с. 150]. При переводе на русский язык португальских фраз, в которых употребляются одушевлённые существительные в значении вещества, значение партитивности не всегда может быть передано, например: *Olha, temos bacalhau cozido (B. Santareno)* ‘Послушай, у нас сегодня *жареная треска*’; *Dantes, em Monte Real, só decorridas algumas horas, depois da pescada, se comia sardinha fresca (Ferreira)* ‘В былые времена в Монте Реал, спустя несколько часов после рыбной ловли, ели *свеженькую сардину*’.

В португальском языке в аналогичных контекстах вещественный объект может быть концептуализирован как часть или как целое, при этом при обозначении целого вещественное имя оформляется определённым артиклем, а при обозначении части артикль опускается, например: *Rosária: Queres água? Ângelo: Não, mãe. Agora, não (B. Santareno)* ‘Розария: *Хочешь воды?* Анжелу: Нет, мама. Сейчас не хочу’; *Elisa, depressa, traga água a ferver (A.M. Magalhães, I. Alçada)* ‘Элиза, быстро *принеси кипятку*’. Следует отметить, что

в русском языке родительный партитивный употребляется в сочетаниях с глаголами «совершенного вида, вид которых обозначает абсолютный предел действия»: *поел хлеба*, но *ел хлеб* [Яacobсон 1985, с. 147]. В португальской фразе вещественное имя может быть оформлено определённым артиклем, что указывает на значение целого, однако при переводе на русский язык семантика глагола и его вид обуславливают употребление вещественного имени в партитивном значении, например: «*Mota, queres o chá, agora? Indagou a esposa ... (M. Ferreira) '«Мота, сейчас хочешь чая?» — спросила жена...'*». Для передачи значения целого у вещественного имени данную фразу следовало бы перевести следующим образом: «*«Мота, будешь пить чай?»*».

Характер представления вещества как части или как целого во многом определяется путём взаимодействия между стандартной ситуацией и контекстной ситуацией, между которыми, по мнению Е.М. Вольф, нет чётких границ, поскольку, с одной стороны, стандартные ситуации входят в «картину мира», а с другой стороны, возникают из контекста [Вольф, 1978, с. 81]. Вещество может восприниматься как целое, если часть вещества обобщается в процессе его использования человеком. Целостность вещественного объекта может определяться как обобщающим контекстом, так и референтной отнесённостью, например: *Cândida da mercearia enxota as moscas da carne* (M. Ferreira) 'Кандида в бакалейной лавке сгоняет мух с мяса'; *Ó Quicas, o meu pai trouxe chouriço da terra. Aguenta aí que eu vou gamar uma lasca <...> Repartiram o pão e o chouriço em doses iguais* (M. Barreto) 'Эй, Кикаш, мой отец привез колбасы. Подожди-ка, отрежу кусок <...> Они разделили хлеб и колбасу на равные порции'.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что тип предметной отнесённости имени в романских языках «оформляется системой артиклей и местоимённых показателей», тогда как в русском языке референтность/нереферентность имени связаны со структурной схемой предложения» [Арутюнова, 1976, с. 368—369]. Однако синтаксическая позиция вещественного имени в португальском языке также существенна. Так, в позиции субъекта высказывания португальское вещественное имя всегда оформляется артиклем, что указывает на представление части как целого, например: *Sibila: Dá-me lenha! Rafael vai buscar algumas achas e põe-nas no fogão* (B.Santareno) 'Сибилла: Принеси мне дров. Рафаэл находит несколько поленьев и кладёт их в печь'; Ср. *A lenha crepitava, espalhando um cheirinho bom de madeira queimada* (A.M. Magalhães, I. Alçada) 'Дрова потрескивали в печи, издавая приятный запах сожжённой древесины'.

Португальские вещественные имена, обозначая часть вещества, могут употребляться с неопределённым артиклем, обозначая одну

порцию. Значение порционности у названий веществ и пищи обусловлено утилитарной функцией, при этом мы сталкиваемся как со стандартными мерами, используемыми, в частности, в ресторанном бизнесе, которые тем не менее могут варьироваться в зависимости от страны, так и с нестандартными мерами. Например, специфика выражения значения дозификации у названий жидкостей обусловлена функциональной предназначенностью жидкостей, и в первую очередь напитков. Заказываемые напитки обычно употребляются с неопределённым артиклем, что непосредственно указывает на одну порцию, при этом сами порции количественно связаны с ёмкостями (рюмки, стаканы, чашки, бутылки и т.п.), например: ...não pede *uma bica* ou *um refresco*... (F. Namora) ‘...он не заказывает *чашечку чёрного кофе* или *прохладительный напиток*’; *Refresco para nós e uma garrafinha de vinho verde para Jaime* (A.M. Magalhães, I. Alçada) ‘*Прохладительные напитки для нас и бутылочку молодого вина для Жайме*’; *Traga-me então uma mineral sem gas Bem gelada* (J. Amado) ‘Принесите мне тогда *минеральной воды*, негазированной, очень холодной’; — *Um café?* — *Talvez um porto.* Como quiser. Psst... *Um porto!* (A. Redol) ‘*Кофе?* — Или лучше *портвейн*. Как пожелаете. Эй... *Один портвейн*’; *Apetecia-lhe uma ginja com elas. Há quanto tempo não bebia uma ginja nas Portas de Santo Antão?* (A. Redol) ‘Ему хотелось выпить с ними *рюмочку вишнёвой наливочки*. Сколько же времени прошло с тех пор, как он в последний раз *пил вишнёвую наливочку* в *Порташ де Санту Антан?*’. При обозначении жидкостей через слова-дозификаторы или при обозначении порций широко распространён эллипсис, при этом название жидкости обычно опускается (*um porto, um branco*).

Если объём одной порции у разных напитков различен, то у названий кофе в португальском языке, например, может варьироваться не только объём (*uma bica* — маленькая чашечка чёрного кофе (только в Португалии)), но и составные части напитка (*um galão* ‘стакан кофе с молоком’, *um garoto* ‘чашечка кофе с молоком’), например: *Um galão e uma bola-de-berlim, depressinha* — ... (F. Namora) ‘*Один стакан кофе с молоком* и один берлинский шарик, быстренько...’

Жидкости также могут члениться на части нестандартной величины. Например, в русском языке слово *капля* обозначает элементарную единицу жидкого вещества, в португальском языке она имеет два лексических эквивалента *gota* и *pinga*. Человек потребляет жидкости небольшими порциями, глотками, при этом в португальском языке, в отличие от русского языка, имеется несколько лексем: *gole* ‘глоток’, *golada* ‘большой глоток’, *trago* ‘глоток’, например: *Sorveu um gole de chá...* (Eça de Queirós) ‘Он отпил *чаю* (букв. выпил *один глоток чая*)’; *Bebe o vinho dum trago* (B. Santareno)

‘Он выпивает вино залпом (букв. одним глотком)’; *Sorveu os últimos goles de chá...* (M. Ferreira) ‘Он допил чай до конца (букв. последние глотки чая)...’; *Sorve o chá em goladas vagarosas...* (M. Ferreira) ‘Он неторопливо пьёт чай (букв. неторопливыми глотками)...’. Если слова-партитиваторы *gole*, *golada*, *trago* сопряжены только с выражением характера потребления человеком жидкостей, то слова *pinga*, *gota* могут указывать как на способ употребления жидкостей, так и передавать значение части при наполнении жидкостями различных ёмкостей, например: *Tenho o meu miúdo com anginas: queria ver se o pequeno bebia uma pinga de café* (B. Santareno) ‘У моего малыша ангина: мне хочется, чтобы он выпил немного кофейку (букв. капельку кофе)’; *Os dromedários podem resistir vários meses sem que bebam uma gota de água...* (Desertos) ‘Одногорбые верблюды могут выдерживать по несколько месяцев без воды (букв. не выпив ни одной капли воды)’; *Mas vinho? Uma gota... — Uma gota, mas grande, se fazer favor...* (M. Zambujal) ‘А вина? Чуток (букв. одну капельку)... — Чуть-чуть, но и не совсем мало (букв. капельку, но большую), пожалуйста...’; *Tóino: Bota aqui vinho, Fernando! Fernando (servindo o vinho): Bebe, Tóino! Senta-te aqui, João: toma lá uma pinga* (B. Santareno) ‘Тойну: Налей-ка вина, Фернандо! Фернандо (наливая вино): Пей, Тойну! Садись сюда, Жуан: выпей-ка винца’.

Если наречие *mais* ‘больше, более’ в сочетании с названием жидкости в форме единственного числа количественно характеризует объём жидкости, то форма множественного числа свидетельствует об увеличении количества порций, например: *...levando, outra vez, a chávena aos lábios e absorvendo mais café* (M. Ferreira) ‘...поднёс снова чашку ко рту и ещё отпил кофе’; Ср. *...os amigos mandam vir mais whiskies* (L. De Sttau Monteiro) ‘...друзья заказывают ещё несколько порций виски’.

Некоторые вещества чаще воспринимаются человеком в большей степени как предметы, а не как вещества, например: *Passa o champô, preciso de lavar a cabeça* (A.M. Magalhães, I. Alçada) ‘Передай шампунь, мне нужно помыть голову’; *Compra-me um sabonete?* ‘Вы купите мне мыла?’. Поэтому часть вещества, отграниченная от вещества в целом, в ряде контекстов может осмысливаться как некий предмет и употребляться в тех же значениях, что и общее имя, например: *Nesta idade de consumismo avançado tal como se vende um detergente, um perfume, vende-se uma revista, muitas revistas. Mas a venda de uma revista multiplica a sua rentabilidade. Porque, através dela, se promove, se anuncia o detergente, o perfume, a máquina de lavar <...> Porque, nos nossos dias, tal como se vende um detergente, um perfume vende-se um estilo de vida, uma mentalidade, um “modo de ser”, “uma maneira de vestir”.* As revistas femininas que promovem *detergentes, perfumes* e tudo o mais, promovem, também, *o estilo, a mentalidade*

“convenientes”... (Avante) ‘В период развитого общества потребления аналогично тому, как продается упаковка стирального порошка, флакон духов, продаётся журнал, много журналов. Но продажа журнала увеличивает его рентабельность. Благодаря этому рекламируется стиральный порошок, духи, стиральная машина <...> Потому что в настоящее время аналогично тому, как продаётся упаковка стирального порошка, флакон духов, продаётся стиль жизни, менталитет, образ жизни, манера одеваться. Женские журналы, которые рекламируют стиральные порошки, духи и все остальное, рекламируют также соответствующие стиль жизни и менталитет’. В данном микротексте в родовом значении употребляются конкретные имена *revista*, *máquina de lavar*, вещественные *detergente*, *perfume*, абстрактные *mentalidade*, *estilo de vida*, *modo de ser*, *maneira de vestir* в трёх разных ипостасях, а именно: с неопределённым артиклем обозначают типичного представителя класса (*um detergente*, *um perfume* — это часть вещества, которая продается в определённой упаковке); с определённым артиклем *o detergente*, *o perfume* обозначают целый класс, сформированный вещественными объектами; во множественном числе *detergentes*, *perfumes* также имеют родовое значение (а не видовое), поскольку множественное число передает экстенциональную характеристику класса, который состоит из вещественных объектов, предназначенных для продажи. Названия веществ, представленные одной частью, в португальском языке могут употребляться в сочетании с кванторными словами, однако в русском языке такое употребление невозможно, например: *Uma caixa com cinco destes sabonetes custa 106000 e cada sabonete, vendido separadamente, fica pelo preço de 17500* (СЕТЕМпúblico) ‘Упаковка из пяти кусков мыла стоит 106000, а каждый кусок мыла (букв. каждое мыло), продаваемый по отдельности, идет по цене 17500’.

Части вещества могут быть различимы не только по своей величине. Они могут иметь иные характеристики. В частности, на конкретность вещественного объекта в португальском и русском языках могут указывать различные местоимения и прилагательные, употреблённые с названиями веществ и пищи. Названия веществ, будучи употреблёнными с притяжательными прилагательными *meu* ‘мой’, *teu* ‘твой’, *seu* ‘свой’, обозначают вещественный объект, соотносимый с некоторыми лицами, например: Fernando (servindo Sibila): Juliana foi tomar o seu chá, à cozinha (Eça de Queirós) ‘Жулиана отправилась на кухню пить чай?; Aqui tem o seu chá fraco, Conselheiro! (Eça de Queirós) ‘Вот ваш некрепкий чай, советник!; Achado acabara de beber a sua água... (J. Saramago) ‘Найдёныш допил свою воду...’. В то же время вещественное имя в сочетании с притяжательным прилагательным *nosso* ‘наш’ может указывать на при-

надлежность вещественного объекта нескольким лицам, например: *A gente precisa de voltar a cozer o nosso pão* (Ferreira de Castro) ‘Нам снова нужно браться за выпечку хлеба (букв. нашего хлеба)’.

Дейктические местоимения, употреблённые с вещественными именами, указывают обычно на вещественный объект, который может быть как количественно определённым, так и количественно неопределённым, например: *Esta água é muito fresquinha. Vem directamente da serra, não há melhor para beber* (А.М. Magalhães, I. Alçada) ‘Эта вода наисвежайшая! Идёт прямо с гор, нет ничего лучше для питья’; *Este pão é uma delícia! Já comi seis fatias* (А.М. Magalhães, I. Alçada) ‘Этот хлеб — ну просто объедение! Я уже съел шесть кусков’; *A vendedora atendeu a nossa curiosidade. Pegou numa couve* <...> *Hans ficou tão entusiasmado que ela pegou noutra couve...* (Marie Claire) ‘Продавщица поняла наше любопытство. Взяла один кочан капусты (букв. одну капусту) <...> Хансу это так понравилось, что она взяла другой кочан (букв. другую капусту)...’; *...pedi-lhe outro cafezinho...* (Abril, Abril) ‘...я попросил у него ещё одну (букв. другую) чашку кофе...’; *Gonçalo acabou o whisky e pediu ao criado que lhe trouxesse outro* (L. De Sttau Monteiro) ‘Тонсало допил виски и попросил официанта, чтобы тот принес ещё (букв. другой)’.

Значение части может быть выражено сочетанием португальского вещественного имени с неопределённым прилагательным *algum* ‘какой-то, некоторый, несколько’, которое обычно передаёт значение признака и употребляется главным образом с исчисляемыми существительными. При этом в ряде контекстов *algum* в сочетании с вещественным именем передаёт значение неопределённого количества вещества, например: *A heroína foi encontrada num saco de plástico, juntamente com algum haxixe...* (СЕТЕМПúblico) ‘В полиэтиленовом пакете находился героин, а также немного гашиша...’; *...os vizinhos aperceberam-se que algum lixo foi deitado fora* (СЕТЕМПúblico) ‘...соседи сообразили, что какая-то часть мусора была уже выброшена’; *Para já calcula-se que a perda seja na ordem dos 60 por cento, tal como acontece com o tabaco e o tomate, embora em relação a este fruto tenha sido possível salvar algum* (Diário de Notícias) ‘На сегодняшний день подсчитано, что потери будут порядка 60 процентов по табаку и помидорам, хотя можно было собрать некоторую часть (букв. некоторый плод)’; *Atina prova morangos, quer alguns* (Marie Claire) ‘Атина пробует клубнику, хочет купить немного’; *Marta pôs o pequeno-almoço na mesa o café, o leite, uns ovos mexidos, pão torrado e manteiga, alguma fruta* (J. Saramago) ‘На завтрак Марта подала кофе, молоко, яичницу, тосты и немного фруктов’.

При сочетании квантификаторов *muito* ‘много’ и *pouco* ‘мало’ с вещественными именами в форме единственного числа передаётся не только значение большой или малой массы вещества, но

и различные параметры вещественного объекта: Salteie os legumes em rouca *manteiga* (СЕТЕМПúblico) ‘Перемешайте овощи в *небольшом количестве сливочного масла*’; ...com muita *soja e rouca carne* fazem-se hamburguers (СЕТЕМПúblico) ‘...в гамбургерах *много сои и мало мяса*’; Uma música lights: rouca *nicotina e muito filtro* (СЕТЕМПúblico) ‘Бесподобно легкие сигареты: *низкое содержание никотина и плотный фильтр*’. Помимо значения массы вещества с помощью количественных детерминативов *muito* и *rouco* передаются пространственные и интенсифицирующие значения вещественных имён, например: Entrámos debaixo de muita *fumaça* porque os presidiários haviam queimado os colchões (СЕТЕМПúblico) ‘Мы вошли в *сильно задымлённое* помещение (*букв. в большом дыму*), поскольку заключённые подожгли матрасы’; ...uma zona com muita *roeira* (СЕТЕМПúblico) ‘...*очень пыльный* район (*букв. с большой пылью*); ...em países com muita *neve na estrada* (СЕТЕМПúblico) ‘...в странах, в которых *дороги заметает снегом*’; ...tradicional pão de Mafra que também tem *rouco miolo e muita côdea* (Marie Claire) ‘...у пшеничного хлеба, традиционного для района Мафра, *небольшой мякиш и толстая корка*’.

Португальские дистрибутивные и собирательные конструкции с квантификаторами *muito* и *rouco* с предлогом *de*, будучи употреблёнными с названиями веществ и пищи, обозначают большую или меньшую часть вещества или пищи, взятую от какого-то количества, например: ...*muito do lixo tóxico* que se produz na África Austral (СЕТЕМПúblico) ‘...*большая часть токсических отходов* (*букв. мусора*) производится в Южной Африке’; ...que torna *muito do peixe congelado* mais barato que o peixe fresco (СЕТЕМПúblico) ‘...то, что делает *большую часть свежемороженой рыбы* более дешёвой по сравнению с только что выловленной’; ...*muito do tecido* produzido por estas duas unidades (СЕТЕМПúblico) ‘...*большая часть ткани* производится этими двумя предприятиями’. Однако при переводе на русский язык специфика данных португальских конструкций, указывающих на выделение части из некоторого множества, представляемого как целое, теряется.

Если выделительная конструкция *muito do-muita da*, характерная для неисчисляемых имен, встречается в португальском языке очень часто, то антонимическая конструкция *rouco do-rouca da*, обозначающая меньшую часть от некоторого количества, практически не встречается, а в качестве антонимической пары представлена конструкция с неопределённым артиклем *um rouco do/da*, например: ...regando-se com *um rouco do molho da carne* (СЕТЕМПúblico) ‘...мясо поливается *небольшим количеством образовавшегося сока*; ...o lombo de porco cortado aos pedaços com *um rouco do toucinho* (СЕТЕМПúblico) ‘...свиной окорок нарезается кусками с *небольшой*

прослойкой жира (букв. с небольшим салом)'. Значение небольшой массы вещества, выражаемое конструкцией *um pouco do/da*, синонимично употреблению неопределённого прилагательного *algum*, например: *Uma velhinha deu-nos um pouco de água quente e uma outra deu-nos algum leite* (СЕТЕМРúblico) 'Одна старушка дала нам *немного горячей воды*, а другая *немного молока*'. Как видно из приведённого примера, партиитивность, выраженная различными средствами в португальском языке, имеет в русском языке одинаковую реализацию.

В португальском языке обычно часть вещества формально обозначается единственным числом, так как названия веществ являются в большинстве своём существительными *Singularia tantum*. При этом в ряде контекстов употребление формы множественного числа может быть нерелевантным, хотя и означает некое формальное множество частей вещества. В значительной степени посредством множественного числа передаётся некая ситуация, предполагающая членимость вещественного объекта, например: *...fez o sujeito, quebrando no mármore da mesa a cinza do charuto* (Еça de Queirós) '...он *стряхнул пепел сигары* на мраморную столешницу'; *Tem a cara suja da cinza da lareira* (Ferreira de Castro) 'Его лицо *испачкано золой из камина*'; Ср. *Pedro agarrou numa tenaz de ferro e começou a remexer nas cinzas...* (А.М. Magalhães, I. Alçada) 'Педро схватил железные щипцы и стал *перемешивать спёкшиеся куски золы*'...; *As flores incendiaram-se logo, ficando apenas as cinzas* (В. Santareno) '*Цветы* моментально вспыхнули и остался *от них только пепел*'. Множественная интерпретация португальской лексемы *cinza* — *cinzas* 'пепел, зола' не предполагает конкретное исчисление частей, а указывает на концептуализацию неопределённого целого как некоей совокупности частей. В то же время в ряде контекстов множественная реализация португальского вещественного имени в значении части может быть значимой, однако при переводе на русский язык мы сталкиваемся с определёнными трудностями ввиду отсутствия формы множественного числа у лексического эквивалента, например: *Zé Calado começou a comer <...> miolos de boroa a transbordar numa malga* (М. Ferreira) 'Зе Каладу начал есть<...> *мякиш кукурузного хлеба, разломанный на куски, которые выдавались за край миски*'; *...os pés sangram das topadas nos calhaus do atalho* (Ferreira de Castro) '...ноги кровоточат от ходьбы *по гальке, которой усыпана тропинка*'; *Tinha de tomar mais aspirinas pelo menos duas* (L. De Sttau Monteiro) 'Ему ещё нужно было принять *ещё аспирина*, по меньшей мере *две таблетки*'.

Дистрибутивное употребление названий веществ указывает на то, что равновеликие части вещества, соотносимые в предложении с некоторым множеством лиц или предметов, в контексте пред-

ставлены названием одной части, которая указывает на множественность порций или частей вещества, например: *...muitos limpam o suor* (B. Santareno) ‘...*многие* вытирают *пот*’; *Agora, esperase que o sumo dos limões desfaça a casca dos ovos...* (Ferreira de Castro) ‘Теперь подождём, пока *сок лимонов* растворит *скорлупу яиц*...’; *...esmigalharam as cascas e entretiveram-se a roer o miolo* (A.M. Magalhães, I. Alçada) ‘...*разбили скорлупки* и принялись есть *ядра* (букв. *ядро*) *орехов*’; *Uma senhora da nossa primeira sociedade ofereceu um chá às suas amigas e aos seus amigos mais íntimos* (L. De Sttau Monteiro) ‘Одна дама из высшего общества *устроила чаепитие для своих подруг и самых близких друзей*’. Названия жидкостей в форме единственного числа могут восприниматься расчленённо, если в тексте они референтно соотносимы с несколькими дозификаторами, например: *As raparigas estavam na dúvida <...> levaram o copo aos lábios, mergulhando no líquido uma pontinha da língua, a medo* (A.M. Magalhães, I. Alçada) ‘Девушки были в нерешительности <...> затем поднесли стаканы (букв. стакан) к губам, опустив со страху лишь кончик языка *в эту жидкость*’; *As canecas fumegavam apetitosas com leite quente* (A.M. Magalhães, I. Alçada) ‘*От кружек* шёл аппетитный запах *горячего молока*’.

Часть вещества или порция может входить в некоторое множество, реальное или виртуальное. При этом она может быть обозначена порядковым числом, что указывает на порядковый номер части или порции, при этом величина порции может быть либо стандартной, либо произвольной в зависимости от целей использования, например: *Serviu-se de um terceiro uísque...* (F.Namora) ‘*В третий раз* ему наполнили стакан *виски* (букв. *третий виски*)’; *E verde ficou a primeira água em que lavavam o menino* (B. Santareno) ‘И зелёной стала *первая вода*, в которой мыли ребёнка’; *O embrulhito tinha um cordel a atá-lo e estava envolto em prata de cigarros*. *Rasgou-se a primeira prata e logo outra apareceu* (M. Barreto) ‘*Свёрточек* был завернут *в серебряную фольгу*... *Первая серебряная обёртка* (букв. *первое серебро*) разорвалась и сразу же показалась *другая*’.

Мы особо хотели бы остановиться на обозначении остаточной, или последней, части некоторого континуума, количественная определённость или неопределённость которого указывается путём употребления или опущения артикля перед вещественным именем, представленным в качестве предложного дополнения. О.Н. Ляшевская отмечает, что в русском языке одноимённые лексемы *остаток* — *остатки* связаны отношениями полисемии, при этом форма множественного числа обозначает, что остаточная часть вещества получена «в результате какого-нибудь процесса» [Ляшевская, 2004, с. 135—136].

Для выражения значения остаточной части вещества в португальском языке также используются две лексемы *resto* — *restos* ‘остаток — остатки’, например: ...regue-os com o *resto do azeite* (СЕТЕМПúblico) ‘...полейте их *остатками оливкового масла*’; ...referiu que o *resto das areias* foram para a praia do Alvor (СЕТЕМПúblico) ‘...он сообщил, что — *restos* при передачи значения неопределённого количества вещества синонимичны, например: Retire os *restos de toucinho* para que o cabrito possa ficar tostado (СЕТЕМПúblico) ‘Удалите *остатки сала*, чтобы козлёнок подрумянился’; ...reparou nas suas mãos, ainda sujas de *restos de barro* (СЕТЕМПúblico) ‘...он посмотрел на свои руки, испачканные *глиной* (букв. *остатками глины*)’. Как видно из примеров, в русском языке более употребительной формой для передачи значения остаточной части вещества является форма множественного числа, а не единственного. Существительное *resto* может быть употреблено не только с определённым артиклем, однако определённый артикль желателен при дистрибутивном употреблении вещественного имени, например: ...lançando um olhar furioso às *gémeas*, que raspavam com a colher o *resto do leite-creme* (А.М. Magalhães, I. Alçada) ‘...он бросил гневный взгляд на *сестрёнок*, которые *ложками* выскребали из тарелок *остатки сливочной пасты* (букв. *остаток сливочной пасты*)’.

Неопределённый артикль перед существительным *resto* может указывать либо на единственную часть, либо на количественно неопределённую часть вещества, например: Era um daqueles electricistas que conseguem fazer uma pilha com um fio de cobre e um *resto de ácido* perdido num fundo de garagem (СЕТЕМПúblico) ‘Он был из тех электриков, которые могут сделать батарейку из медного провода и *капли кислоты* (букв. *остатка кислоты*), завалившейся где-то в гараже’; Com um *resto de tecido*, posso dar nova vida a um vestido que já tenha usado... (СЕТЕМПúblico) ‘С помощью *кусочка ткани* (букв. *остатка ткани*) я могу дать новую жизнь старому платью...’; Até Junho, ainda houve um *resto de água* num poço da aldeia... (СЕТЕМПúblico) ‘До июня в деревенском колодце еще *оставалось немножечко воды*...’; O marido tinha acabado de sair para o mato, depois de ter almoçado um *resto de batatas* (СЕТЕМПúblico) ‘Перед уходом в лес муж доел *оставшуюся на обед картошку* (букв. *остаток картошки*)’.

Неопределённое прилагательное *algum*, предшествующее существительному *resto*, передаёт значение незначительной величины остатка, например: Ele por vezes até tem medo <...> que ainda haja *algum resto de gordura* no prato que lhe sirvo (СЕТЕМПúblico) ‘Иногда он даже боится, <...> что тарелка, которую я ему ставлю, недостаточно хорошо промыта (букв. на тарелке *осталось немножечко жира*)’; O senhor António Valdevesso ainda terá *algum resto, um resto que seja, um cheiro dessa pomada?* (СЕТЕМПúblico) ‘У господина Ан-

тонио Валдevesa, наверное, *останется нечто, а именно запах этой мази* (букв. *какой-то остаток, остаток, который, по-видимому, является запахом этой мази*)?’.

Вещественное имя, употреблённое с прилагательным *último* ‘последний’, указывает на последнюю часть, выраженную либо сингулятивом, либо порцией, например: *António comeu a última batata frita que tinha no prato. Tinham fritado as batatas aos palitos* (L. De Sttau Monteiro) ‘Антонио съел *последний кусок жареной картошки, который лежал у него на тарелке*. Картошка была поджарена *соломкой...*’; *...os aldeões, já à beira da rendição, haviam engordado o último vitelo com o último alqueire de cereal...* (F. Namora) ‘...крестьяне уже на грани разорения откармливали последнюю *тёлочку последним мешком зерна* (букв. *последним алкейре зерна*)’.

Следует отметить, что вещественное имя в партитивном значении может иметь не только единичную, но и множественную интерпретацию, однако эта проблематика выходит за рамки нашей статьи.

Итак, семантика партитивных отношений разнообразна, как и лексические и грамматические средства, которые используются для их выражения в португальском и русском языках. Особую специфику имеет выражение значений части вещества. Общим является то, что в обоих языках передаются значения, определяющие величину, размер части, а также количественную неопределённость, характеризующую часть вещества. Можно отметить более сложную структуру выражения значения части вещества в португальском языке по сравнению с русским языком, что обусловлено употреблением артиклей или их отсутствием в различных контекстах.

Список литературы

- Акуленко В.В. О выражении количества в семантике языка // В.В. Акуленко и др. Категория количества в современных европейских языках / Под общ. ред. В.В. Акуленко. Киев: Наукова думка, 1990. С. 7—40.
- Арутюнова Н.Д. Предложения и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с фр. Е.В. и Т.В. Вентцель. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
- Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1978. 200 с.
- Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004. 390 с.
- Успенский Б.А. Часть и целое в русской грамматике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 128 с.
- Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принципы семасиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 240 с.
- Якобсон Р.О. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Роман Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133—175.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Е.К. Павлова,

доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук; e-mail: Helen_Pavlova@hotmail.com

МНОГОЯЗЫЧНЫЙ ТЕЗАУРУС КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ГАРМОНИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Различия в политическом менталитете разных наций приводят к недостатку взаимопонимания в глобальном публичном политическом дискурсе (дисгармонии дискурса). Эта дисгармония едва ли может быть преодолена в процессе перевода из-за больших различий в денотативных и коннотативных значениях концептов в разных языках и культурах. Создание многоязычного тезауруса, содержащего дефиницию, ассоциативное поле и эмоциональную оценку каждого концепта в каждом языке, может помочь гармонизировать перевод политических текстов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, тезаурус, политический менталитет, перевод, гармонизация.

Yelena K. Pavlova,

Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Department of the English Language for Humanitarian Faculties, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: Helen_Pavlova@hotmail.com

Multilingual Thesaurus as an Instrument for Studying of Concepts of National Political Mentality and for Harmonization of Political Lexicon Translation

Differences in political mentality of different nations result in lack of mutual understanding in global public political discourse (disharmony of discourse). This disharmony could hardly be overcome in translation because of great differences in denotative and connotative meanings of concepts in different languages and cultures. The creation of multilingual thesaurus containing definition, associative field and emotional evaluation of each political concept in each language could help to harmonize translation of political texts.

Key words: cognitive linguistics, thesaurus, political mentality, political lexicon, translation, harmonization.

Предметом исследования данной статьи является проблема переводимости политической лексики в публичном политическом дискурсе. В современном мире публичный политический дискурс осуществляется в глобальном коммуникативном пространстве, которое формируется глобальными СМИ и сетью Интернет. Необходимость осуществления политического дискурса в глобальном

коммуникативном пространстве обусловлена глобализацией экономических и политических процессов в современном мире. Глобальные же СМИ и сеть Интернет делают этот дискурс доступным для всё более широких слоёв населения практически во всех странах мира. Даже внутривосточный дискурс, изначально предназначенный для одной определённой лингвокультурной среды, сейчас становится доступным глобальной аудитории. В данной работе рассматривается фрагмент глобального политического дискурса: дискурс, осуществляемый политиками и журналистами через СМИ и Интернет, адресованный массовой аудитории и направленный на формирование общественного мнения по политическим вопросам.

Дискурс в глобальном коммуникативном пространстве представляет собой дискурс интерцивилизационный, т.е. в нём взаимодействуют представители разных цивилизаций, которых в современном мире насчитывается порядка 10. С точки зрения когнитивной лингвистики важно, что картины мира в сознании представителей разных цивилизаций существенно различны. Эти различия вызывают *дисгармонию дискурса* (термин, введённый в более ранних работах [Павлова, 2007; 2008]), под которой понимается *неправильная, неоднозначная, неполная передача информации и неадекватная, нежелательная или непредсказуемая эмоциональная реакция на неё*. Дисгармония может возникать в любой разновидности дискурса, но в политическом дискурсе она особенно опасна: она затрудняет международную кооперацию и часто провоцирует международные, межэтнические и межконфессиональные конфликты. Актуальность проблемы дисгармонии интерцивилизационного дискурса подтверждается международным признанием необходимости диалога между цивилизациями, что закреплено в резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 2004 г. [Резолюция, 2004]. Важность исследования дисгармонии политического дискурса и поиска способов её преодоления, *гармонизации* межъязыкового межкультурного политического дискурса подтверждают и последние события в мире. Народные волнения в странах арабского мира демонстрируют растущее влияние публичного глобального политического дискурса на политическую реальность. Реакция на эти события стран Запада демонстрирует недостаточное понимание европейскими политиками специфики политического сознания народов арабских стран. Провал политики мультикультурализма в странах Западной Европы также подтверждает актуальность исследования проблемы. Надежды на то, что сближение культур произойдёт само собой, не оправдались: вместо сближения Европа получила конфликт культур.

Для осуществления публичного политического дискурса в глобальном коммуникативном пространстве необходим перевод текстов на все наиболее распространённые в мире языки. По сообщению

электронного периодического издания «ВЗГЛЯД.РУ», «В Интернете США стараются вести страницы сразу на нескольких языках, включая русский, арабский и китайский. Как сказал Макиннес, для этого сейчас усиливаются соответствующие ведомственные переводческие службы. “Мы обнаружили, что если три-четыре года назад сеть была на 75% англоязычной, то теперь в ней до 70% приходится на иностранные языки”, — пояснил дипломат» [ВЗГЛЯД.РУ, 2011: 6 апреля, 10:10]. В то же время проблема коммуникативно эквивалентного перевода политической лексики в интерцивилизационном дискурсе пока не находит удовлетворительного решения ни в теоретическом, ни в практическом плане. Различия картин мира в массовом сознании разных народов и цивилизаций актуализируются в дисгармонии дискурса, которая далеко не всегда может быть преодолена в процессе перевода. Например, предшествующие исследования показали, что дефиниции, эмоционально-оценочные коннотации и ассоциативные поля таких концептов, как *национализм*, *репрессии*, *рынок*, *бюрократия* в русском языке, заметно отличаются от соответствующего содержания концептов *nationalism*, *repression*, *market*, *bureaucracy* в английском языке, что может привести к нарушению коммуникативной эквивалентности перевода [Павлова, 2010]. Тем не менее коммуникативная эквивалентность перевода существенно улучшена при условии межъязыковой и межкультурной гармонизации политических тезаурусов.

Выбор теоретической модели для описания процесса перевода определяется спецификой предметной области и прагматикой коммуникации в этой области. Так, например, сфера научно-технического перевода хорошо описывается денотативной теорией перевода, согласно которой главная задача перевода — адекватная передача денотативного значения. В политическом же дискурсе, основным назначением которого является манипулирование общественным мнением, этот манипулятивный эффект определяется не столько денотативными, сколько коннотативными значениями лексем. Поэтому при теоретическом исследовании процесса перевода политических текстов необходимо опираться на коммуникативную теорию перевода, в которой главным критерием адекватности перевода является его коммуникативная эквивалентность, т.е. достижение цели коммуникативного акта. По мнению Н.К. Гарбовского, «прагматический уровень эквивалентности, возведённый в ранг главного, высшего, составляет то необходимое коммуникативное ядро, без которого эквивалентность не может быть достигнута. Прагматическое значение составляет некий минимум инвариантности, по достижении которого уже оказывается возможным говорить о переводе» [Гарбовский, 2004, с. 296]. Адекватность передачи денотативного и коннотативного содержания играет в по-

литическом дискурсе подчинённую роль. Коммуникативное воздействие политического текста часто определяется даже не основным его содержанием, а тем, что читается в нём «между строк», теми ассоциациями, которые вызывает текст у адресата — носителя данного языка и данной культуры.

Таким образом, политическая лексика в публичном дискурсе представляет собой сложный объект для перевода. Даже перевод политических терминов часто невозможен без применения специальных переводческих приёмов. Как отмечает Н.Н. Миронова, «особые трудности при переводе представляют общественно-политические термины,

а) имеющие несколько вариантных соответствий;

б) не имеющие эквивалентов в языке ПЯ;

в) не совпадающие по своему понятийному (семантическому) объёму в ИЯ и ПЯ» [Миронова, 2007, с. 128] (здесь ИЯ — исходный язык, ПЯ — переводящий язык). Ещё большую трудность представляет перевод нетерминологической лексики и особенно — эмоционально-оценочной. Стереотипность политического мышления, идеологизированность политической концептосферы, метафоричность политической речи и другие особенности публичного политического дискурса затрудняют коммуникативно эквивалентный перевод политической речи вообще и в особенности эмоционально-оценочной и идеологически окрашенной лексики. Эта лексика, насыщенная образными выражениями, отражающими взгляды определённых социальных групп, теснейшим образом связана с соответствующей лингвокультурной средой, и адекватное восприятие этой лексики представителями иной лингвокультурной группы часто невозможно без знания и понимания объективных различий в сознании этих групп. Здесь уместно снова сослаться на Н.К. Гарбовского, который пишет: «Та часть языковых картин мира, которая демонстрирует внешнее подобие, т.е. представляется симметричной, является в самом деле неэквивалентной... Речь здесь идёт не только о том, что в одной этнической культуре могут отсутствовать некоторые элементы, имеющиеся в другой культуре, но и о том, что отношение к тем или иным объектам, существующим в общечеловеческой культуре, может быть различным. Эти объекты могут вызывать разные ассоциации, т.е. по-разному сопоставляться с культурным опытом народа» [Гарбовский, 2004, с. 274].

В качестве примера когнитивной дисгармонии, затрудняющей перевод, можно привести фрагмент публикации газеты «Аргументы и факты» на тему «пятидневной войны» России и Грузии в 2008 г.:

Российские миротворцы не расступились перед «зондеркомандами», как это обычно делали натовские миротворцы в бывшей Югославии, когда речь шла о защите сербов. [АиФ, 2008, № 34, С. 4]

Перевод этого текста на английский язык вызывает трудности с коммуникативно эквивалентной передачей содержания слова *зондеркоманда* в данном контексте. После Великой Отечественной войны это заимствованное слово, означавшее в немецком языке «специальное подразделение», вошло в состав общеупотребительной и общепонятной лексики русского языка в значении синонима слов «эсэсовцы, убийцы, палачи, каратели» [см., напр., Гинзбург, 1967]. Сравнение отрядов грузинских войск с фашистскими зондеркомандами, уничтожавшими мирное население на оккупированных территориях СССР, несёт ярко выраженную отрицательную оценку действий грузинских военных в Южной Осетии.

Английский язык тоже заимствовал слово *sonderkommandos* из немецкого языка. Однако, во-первых, в английском языке это слово не входит в состав общеупотребительной и общепонятной лексики, о чём свидетельствует отсутствие этого слова в словарях. Во-вторых, значение слова *sonderkommandos* в английском языке иное: «Зондеркоманды были рабочими подразделениями нацистских концлагерей, состоящими почти исключительно из евреев, которые были вынуждены, под страхом собственной смерти, помогать в захоронении жертв газовых камер во время Холокоста» (перевод с англ. мой. — *Е.П.*) [Wikipedia, 2011]. Таким образом, использование слова *sonderkommandos* в переводе рассматриваемого текста на английский язык вызовет нарушение коммуникативной эквивалентности — непонимание и недоумение аудитории. В качестве переводческих эквивалентов слова *зондеркоманда* в данном контексте можно порекомендовать английские слова *SS-men* (эсэсовцы) или *slaughterers* (палачи, убийцы, участники массовых казней).

В рамках когнитивной лингвистики картина мира обычно представляется в форме системы взаимосвязанных концептов — концептосферы. По определению Ю.С. Степанова, концепт — это «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово» [Степанов, 1997, с. 40—41]. Согласно этому определению, концепт не тождествен понятию, поскольку он включает ассоциативные и эмоциональные компоненты, сопутствующие понятию в рамках данной конкретной картины мира. А.П. Чудинов даёт следующие определения понятий концепта и концептосферы в применении к политической картине мира: «концепт — это единица сознания (ментальная единица), которая обозначается словом (фразеологизмом, составным наименованием и др.). Наибольший интерес для науки представляют концепты, отражающие важнейшие элементы национального политического сознания. Совокупность таких концептов образует политическую концептосферу, в которой концентрируется политическая культура нации. Содержание концепта значительно шире

содержания, обозначающего данный концепт слова (термина), поскольку в содержание концепта входят не только понятийные, но и эмоциональные, ценностные, культурно-исторические и образные компоненты» [Чудинов, 2006, с. 43]. Политическая картина мира является частью языковой картины мира, она формируется средствами языка в процессе политического дискурса, поэтому различие политических картин мира в разных языках неизбежно. Политические концепты представляют собой концепты национальные, которые В.В. Красных определяет так: «Национальный концепт — самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Красных, 2002, с. 184].

Концептосферы обычно формализуются в тезаурусном представлении. Тезаурусный подход, давно и успешно применяемый для систематизации научного знания и научной терминологии, в последнее десятилетие развивается рядом исследователей как инструмент для изучения картины мира в сознании человека. В качестве примеров можно привести созданный международным коллективом учёных в рамках проекта EINIRAS (Европейской информационной сети по международным отношениям и регионоведению) многоязычный «Европейский тезаурус по международным отношениям и регионоведению» [IREON, 2011].

Для понимания функционирования лексики в политическом дискурсе крайне важно рассматривать концептуальное содержание лексем, т.е. исследовать концепт, номинированный лексемой, во всём комплексе его содержания: не только денотативного и понятийного (дескриптивного), но и коннотативного, поскольку именно коннотативные значения часто определяют эмоциональную оценку, которую вызывает описываемое явление или употребление данной лексемы в дискурсе. Это оценочное значение концепта в сознании конкретного человека определяется взглядами, убеждениями, предрассудками и другими особенностями восприятия действительности, тем ассоциативным рядом, который вызывает в его сознании данное слово или выражение. Коннотативное содержание концепта, знак и степень его эмоциональной оценки во многом определяются сопутствующим ему набором устойчивых ассоциаций, который обычно называется ассоциативным полем. Это обстоятельство подчёркивается в ряде работ: [Попова, Стернин, 2002, с. 60; Murphy, Medin, 1985; Medin, Goldstone, 1994, p. 77]. Если говорить о политической лексике в публичном политическом дискурсе, осуществляемом через СМИ, то часто именно коннотация оказывает наибольшее эмоциональное воздействие на аудиторию.

Дисгармония интерцивилизационного дискурса в глобальном коммуникативном пространстве представляет собой в первую очередь *когнитивную дисгармонию* — термин, который используется в психологии [см., напр., Духновский, 2005] и который может быть использован в лингвистике в следующем понимании: *различия в когнитивных пространствах участников дискурса, которые препятствуют взаимопониманию в дискурсе: отсутствие необходимых концептов, существенные различия в дефинициях концептов, противоположность оценки концептов и эмоциональной реакции на их упоминание*. Когнитивная дисгармония может проявляться как в несоответствии денотативного содержания лексем в разных языках (денотативная дисгармония), так и в различиях коннотативного содержания, ассоциативных полей, сопутствующих этим лексемам (коннотативная дисгармония). Когнитивная природа дисгармонии политического дискурса делает весьма проблематичным достижение коммуникативной эквивалентности перевода. Хотя специальные приёмы перевода (такие, как конкретизация, генерализация, эвфемистические и дисфемистические замены, описательный перевод, добавление лингвокультурного комментария и т.п.) могут частично компенсировать различия в концептуальном содержании лексем и тем самым смягчить дисгармонию дискурса, в большинстве случаев переводчику бывает не так просто получить достаточную информацию о лингвокультурных различиях концептов и концептосфер в ИЯ и ПЯ. Современные двуязычные и многоязычные словари, как правило, не содержат информации о различиях денотативных и коннотативных значений лексем в разных языках, для которых устанавливается лексическое соответствие. Поиск же информации в толковых, энциклопедических и ассоциативных словарях затруднён из-за недостатка времени: перевод публичного политического дискурса в СМИ должен осуществляться оперативно.

В качестве решения проблемы дисгармонии политического дискурса в глобальном коммуникативном пространстве можно предложить гармонизацию перевода политической лексики на базе создания гармонизированного многоязычного политического тезауруса, содержащего, наряду с дефинициями понятий, ассоциативные поля и оценочные значения, сопутствующие концептам в каждой национальной языковой картине мира. В качестве примера можно привести работу Т.В. Писановой по составлению оценочного тезауруса испанского языка. В этом тезаурусе даётся системное описание оценочных концептов в их взаимосвязи и в совокупности с их ассоциативными полями. Причём для каждого ассоциативного значения зафиксирован знак оценки [Писанова, 1997, с. 143]. Такая оценочная дифференциация ассоциативного

поля концепта позволяет выявить зависимость оценки лексемы от контекста, в котором она употреблена.

В качестве основы для построения гармонизированного многоязычного политического тезауруса можно взять Европейский тезаурус по международным отношениям и регионоведению [IREON, 2011]. Этот тезаурус включает на настоящий момент 8 европейских языков, в том числе и русский. Он охватывает более 8200 понятий, большинство из которых представляют собой элементы описания политической картины мира, а соответствующие им номинаты используются в международном политическом дискурсе. Однако этот тезаурус не содержит всех элементов, необходимых для выявления когнитивной дисгармонии и гармонизации перевода.

Во-первых, он включает только терминологическую лексику. Но в текстах, характерных для публичного политического дискурса, осуществляемого через СМИ, смысловая основа сообщения, как правило, выражается не специальными терминами (которые могут быть непонятны для массовой аудитории), а средствами общепонятной и общеупотребительной лексики. Более того, именно такая лексика способствует формированию эмоционально-оценочного содержания сообщения, поскольку термины, как правило, лишены эмоциональной окраски. С прагматической же точки зрения эмоционально-оценочное содержание текстов СМИ, формирующее у аудитории оценку политических событий, является основным, и без передачи этого компонента нельзя говорить о коммуникативной эквивалентности перевода таких текстов. Поэтому будущий многоязычный тезаурус политической лексики должен, по-видимому, в отличие от существующего Европейского тезауруса по международным отношениям и регионоведению, содержать не только термины, но и весь пласт лексики, устойчиво употребляемой в публичном политическом дискурсе.

Во-вторых, в существующем тезаурусе отражены не все термины и не все концепты, значимые для национальных политических концептосфер. Например, из 53 концептов российской политической концептосферы, выявленных Г.О. Павловским в результате контент-анализа публичных выступлений В.В. Путина в период его президентства [Павловский, 2006], в Европейском тезаурусе отсутствуют 17. Это такие концепты, как *ВВП (валовой внутренний продукт)*, *военно-политическое давление*, *глобальная конкуренция*, *глобальные проблемы*, *гражданский контроль*, *демографические проблемы*, *демократические процедуры*, *европейский выбор*, *единое экономическое пространство*, *информационная открытость*, *конкурентное преимущество*, *налог*, *общественная палата*, *права и свободы человека*, *правовые гарантии*, *правосудие*, *суверенная демократия*. И если отсутствие последнего из этих концептов можно

объяснить неясностью понятийного содержания выражения *суверенная демократия*, то включение остальных концептов в будущий многоязычный тезаурус необходимо для поиска смысловых и лексических эквивалентов в других языках.

В-третьих, не для всех национальных концептов, включённых в Европейский тезаурус по международным отношениям и регионоведению, можно найти лексические и понятийные соответствия в этом тезаурусе на других языках. Например, в русском разделе этого тезауруса присутствуют такие концепты, как: *региональная безопасность, Государственная дума, правовое государство, деспотия, импичмент, социальные классы, лидерство, лоббирование, маргинализация, оппозиция, политические отношения, политология, унитаризм, унитарный*. Однако английские эквиваленты этих концептов в тезаурусе не приведены. Возможно, эти концепты были отнесены авторами Европейского тезауруса по международным отношениям и регионоведению к концептосфере внутривнутриполитического дискурса, но в условиях глобализации политического дискурса грань между внутривнутриполитическим и международным дискурсом стирается.

Наконец, в-четвёртых, этот тезаурус не содержит информации о денотативном и коннотативном содержании концептов. В качестве примера приведена структура информации о концепте *суверенитет* в русском языке и *sovereignty* в английском языке, представленная в Европейском тезаурусе. В существующем тезаурусе представлены номинаты концепта в разных языках и установлено лексическое соответствие между ними. Кроме того, для обоих языков приведены более узкие термины и термины-ассоциаты, логически связанные с данным концептом. Однако в тезаурусе не приводятся дефиниции концептов, поэтому степень соответствия лексем на сигнификативном уровне (т.е. на уровне концептов) остаётся неизвестной. Ассоциативные поля концептов представлены только политическими терминами, в то время как эмоционально-оценочные значения концептов часто определяются их ассоциативными связями с концептами, не входящими в политическую концептосферу, но значимыми в рамках данной культуры. Соответственно в тезаурусе никак не обозначена степень коннотативного соответствия лексем, которые представлены как эквивалентные в двух языках. В результате на основании информации существующего тезауруса невозможно оценить, будет ли использование этих лексических эквивалентов в переводе эквивалентно с коммуникативной точки зрения.

Поэтому будущий многоязычный политический тезаурус, очевидно, должен отличаться от существующего Европейского тезауруса не только расширенным лексическим составом, но и расширением информации о содержании каждого концепта в каждом

из языков. В нижней половине рис. 1 представлен пример возможного расширения содержания концепта. Предлагается дополнить содержание тезауруса дефинициями концептов, связанными с ними ассоциативными полями и знаком их оценки в каждом из языков. Для иллюстрации дефиниция концепта *sovereignty* взята из онлайн-версии толкового словаря Макмиллана [Macmillan, 2011], ассоциативное поле приводится по данным того же словаря, а также онлайн-тезауруса WordNet-Online [WordNet, 2011]. Дефиниция концепта *суверенитет* взята из онлайн-версии Универсальной энциклопедии Кирилла и Мефодия [КМ, 2011], ассоциативное поле взято из Русского ассоциативного словаря [РАС, 2002].

Сопоставление денотативного и коннотативного содержания концептов показывает, что установленное в тезаурусе лексическое соответствие терминов *sovereignty* и *суверенитет* не гарантирует коммуникативной эквивалентности перевода. Даже дефиниции этих концептов несколько различны: хотя дефиниция русского концепта *суверенитет* более обширна и конкретна, её смысл соответствует только второму значению концепта *sovereignty*: *the right of a country to rule itself* (право страны на самоуправление). В дефиниции концепта *суверенитет* отсутствует значение, являющееся первым в определении концепта *sovereignty*: *the right to rule a country* (право на управление страной) и закрепившее в английской языковой картине мира возможность понимания суверенитета одной страны (метрополии) над другими (колониями). Такое различие в дефинициях является, по-видимому, естественным следствием историко-культурных различий — в частности, того обстоятельства, что Россия, в отличие от Великобритании, никогда не имела заморских колоний. Различие в денотативном, понятийном содержании концепта влечёт за собой и различия в ассоциативных полях: ассоциативное поле концепта *суверенитет* не содержит упоминаний о власти монарха (*dominion of a monarch*) или внешнем управлении (*external control*). Соответственно есть различие и в оценочном значении: концепт *sovereignty* оценивается явно положительно, концепт же *суверенитет* — скорее нейтрально.

Создание многоязычного тезауруса нового типа, систематизирующего концептосферы национального политического сознания разных стран и народов, устанавливающего как лексические и смысловые соответствия, так и фиксирующего различия национальных концептов на сигнификативном уровне (в том числе — на уровне оценочных значений и ассоциативных полей), способствовало бы существенному повышению качества перевода политических текстов с точки зрения его коммуникативной эквивалентности. Для создания такого тезауруса потребуются трудоёмкие комплексные исследования с привлечением не только лингвистов, но и спе-

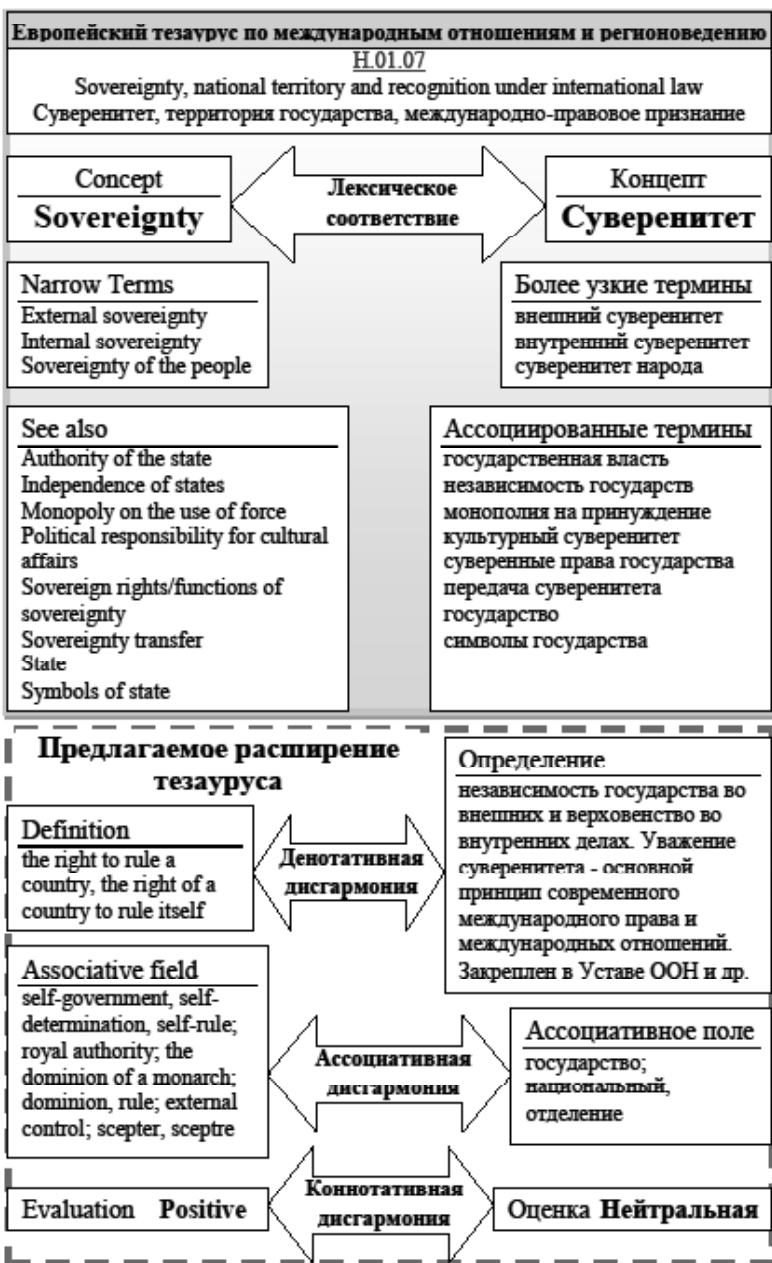

Рис. 1

циалистов в области политологии, журналистики, социологии, психологии, культурологи и других смежных дисциплин. Но, учитывая современный уровень развития науки и техники, эта задача разрешима. Как показано выше, за основу будущего тезауруса может быть взят существующий Европейский тезаурус по международным отношениям и регионоведению, тем более что он составлен в виде компьютерной базы данных, структура и содержание которой легко могут быть расширены и дополнены. Для выявления нетерминологической политической лексики, устойчиво используемой в каждом национальном публичном дискурсе, необходимо провести количественный контент-анализ представительного корпуса политических текстов СМИ (подобный тому, который был проведён Г.О. Павловским [Павловский, 2006]). Доступность текстов на сайтах СМИ и возможности современных информационных технологий позволяют в значительной степени автоматизировать этот процесс. Количественный контент-анализ позволит выявить и включить в тезаурус такие лексемы, как упомянутое выше слово *зондеркоманда* или слово *plumbers* (*водопроводчики*). Качественный контент-анализ поможет выявить, какие концепты номинируются этими лексемами в политическом дискурсе. Так, в дискурсе Уотергейта словом *plumbers* назывались не водопроводчики, а секретные агенты президента Никсона, совершившие взлом штаб-квартиры его политических противников в 1972 г. Для выявления денотативного и коннотативного содержания концептов наряду с контент-анализом текстов можно предложить использовать методику ассоциативного эксперимента, подобного тому, который был проведён авторами Русского ассоциативного словаря [РАС, 2002]. Взяв в качестве слов-стимулов лексемы, выявленные при количественном контент-анализе, можно выявить ассоциативные значения и знаки эмоциональной оценки соответствующих концептов.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что создание многоязычного гармонизированного тезауруса публичной политики может стать новым актуальным направлением развития сопоставительной политической лингвистики.

Список литературы

- АиФ — Аргументы и факты. 2008. № 34. С. 4.
ВЗГЛЯД.РУ Электронное периодическое издание [Электронный ресурс]: <http://vz.ru/politics/2011/4/26/486716.html>. 2011. 26 апреля 2011.
Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
Гинзбург Л.В. Бездна: Повествование, основанное на документах. М.: Советский писатель, 1967. 280 с.

- Духновский С.В.* Переживание дисгармонии межличностных отношений: Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. 175 с.
- Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
- Миронова Н.Н.* Сложности перевода новых общественно-политических терминов в немецком языке // Филологические науки в МГИМО. Вып. 26. М.: МГИМО (У), 2007. С. 121—130.
- Павлова Е.К.* Влияние цивилизационно обусловленной когнитивной дисгармонии на переводимость политической лексики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 4. С. 99—110.
- Павлова Е.К.* Лексические аспекты дисгармонии политического дискурса // Филологические науки. 2008. № 1. С. 85—93.
- Павлова Е.К.* Языковые проблемы глобальной политической коммуникации и перспективы их решения посредством гармонизации национальных тезаурусов. М.: МПГУ, Изд-во «Прометей», 2007. 218 с.
- Павловский Г.О.* Словарь текущей политики. Европа, 2006 г. [Электронный ресурс]: <http://politike.ru/dictionary/785/>. 2011. May 10.
- Писанова Т.В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки. М.: ИКАР, 1997. 320 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999. 30 с.
- РАС — *Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь. М.: ООО Изд-во Астрель, ООО «Издательство АСТ», 2002. Т. 1. 784 с.; Т. 2. 992 с.
- Резолюция 1566 (2004), принятая Советом безопасности ООН 8 октября 2004 года [Электронный ресурс]: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2004/res1566.htm>. 2004. 8 October.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 256 с.
- КМ — Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]: <http://mega.km.ru/>. 2010. 12 ноября.
- IREON — European Thesaurus on International Relations and Area Studies [Электронный ресурс]: <http://www.ireon-portal.eu/index.php?id=91&L=1>. 2011. May 05.
- Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]: <http://www.macmillandictionary.com/>. 2011. May 15.
- Medin D., Goldstone R.* Concepts // The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology. Cambridge (Maas.): Blackwell Reference. 1994. P. 77—89.
- Murphy G., Medin D.* The Role of Theories in Conceptual Coherence // Psychological Review. Michigan: 1985. Vol. 92. P. 289—316.
- Wikipedia [Электронный ресурс]: <http://en.wikipedia.org/wiki/Sonderkommando>. 2011. June 25.
- WordNet-Online [Электронный ресурс]: <http://www.wordnet-online.com/>. 2011. May 15.

Информация для авторов журнала

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к статье:

- необходимо предоставить 2 рецензии;
- текст отправляется по электронной почте на адрес vestnik22@mail.ru или приносится лично в комнату № 1150 первого гуманитарного корпуса МГУ (на диске в формате RTF);

- *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;

- необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

- наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

- *примечания* в виде подстраничных сносок;

- *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [Ibid., p. 123] для иноязычных источников;

- данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

***В Издательстве Московского университета
имеется в продаже:***

Смышляев А.В., Сорокин А.Л. Курс устного перевода. Испанский язык ↔ русский язык: Учебное пособие. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. — 336 с. — (Серия HIERONYMUS).

ISBN 978-5-211-05668-8

Цель пособия — совершенствовать навыки и приемы устного перевода, приобретенные ранее, и развить более сложные навыки, необходимые профессиональному переводчику, в частности последовательного с записью и синхронного перевода.

Материал учебного пособия подобран таким образом, чтобы охватить наиболее значительные сферы международного сотрудничества. Для практических занятий по устному переводу со студентами, изучающими испанский язык и овладевающими специальностью «переводчик» в рамках направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация», а также обучающимися по программе дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

*По вопросам, связанным с приобретением книг,
обращайтесь в Издательство МГУ по адресу:*

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Тел.: (495) 629-50-91, *факс:* 697-66-71

Тел./Факс: (495) 939-33-23 (отдел реализации)

www.msu.ru/depts/MSURub12005

***В Издательстве Московского университета
работает***

**Ассортиментный кабинет
вузовской литературы**

Здесь Вы найдете весь спектр учебной литературы для студентов и абитуриентов от Издательства Московского университета.

Книги продаются по минимальной розничной цене.

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).

Тел./Факс: (495) 939-33-23;
(495) 939-34-93 (отдел реализации)

E-mail: izd-mgu@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:
www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин:
<http://msupublishing.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГАРБОВСКИЙ Николай Константинович — главный редактор, директор Высшей школы перевода, профессор, доктор филологических наук,
КОСТИКОВА Ольга Игоревна — зам. главного редактора, зам. директора Высшей школы перевода по научной работе, доцент, кандидат филологических наук,
МОЗГОВАЯ Людмила Авраамовна — ответственный секретарь,
БЕЛЬСКИЙ Евгений Викторович — старший преподаватель
ВИССОН ЛИНН — профессор Высшей школы перевода Монтерейского института международных исследований (США), доктор философии,
ЕСАКОВА Мария Николаевна — зам. директора Высшей школы перевода по работе с иностранными студентами, доцент, кандидат филологических наук,
ЖАРКОВА Ольга Сергеевна — старший преподаватель
ЗАБРОВСКИЙ Андрей Петрович — доцент, кандидат филологических наук
КОЛЬЦОВА Юлия Николаевна — зам. директора Высшей школы перевода по воспитательной работе, доцент, кандидат филологических наук,
МАНЕРКО Лариса Александровна — профессор, доктор филологических наук,
МИРОНОВА Надежда Николаевна — профессор, доктор филологических наук,
МИШКУРОВ Эдуард Николаевич — профессор, доктор филологических наук,
МАТАСОВ Роман Александрович — преподаватель, кандидат филологических наук,
РЕЗНИЧЕНКО Ольга Леонидовна — старший преподаватель, кандидат филологических наук
ШАБАГА Ирина Юрьевна — доцент, кандидат филологических наук

Редактор *М.Л. Балашова*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Корректор *В.В. Конкина*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

*125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел. 697-31-28*

Подписано в печать 09.08.2011. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 7,3.
Тираж 245 экз. Изд. № 9264. Заказ №

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Типография МГУ.
119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-6636.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 2. 1—120.

ISSN 0201-7385
ISSN 2074-6636